
В монографии представлены результаты исследования практики создания законодательных текстов.

Рассмотрены дисциплинарные подходы к феномену юридического (правового) дискурса; общая специфика русскоязычного юридического дискурса и его разновидностей; субъектный, процессуальный, объектный и предметный параметры законотворческого дискурса.

Приложение содержит информацию о законодательной регламентации использования языков народов России, о профессиональной квалификации и компетенциях эксперта-лингвиста.

Книга адресована широкому кругу специалистов, может быть рекомендована в качестве учебного и справочного пособия.

М.В. Батюшкина

Дискурсивные доминанты законотворчества

Монография

Гильдия лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам

М.В. Батюшкина

Дискурсивные доминанты законотворчества

Монография

Москва
2022

УДК 81'42:811.161.1:340.13
ББК 81+67.022.14

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *В.А. Ефремов*
(Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург);

доктор филологических наук, профессор *В.И. Карасик*
(Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, г. Москва);

кандидат филологических наук, доцент *И.А. Нефляшева*
(Государственный Совет – Хасэ Республики Адыгея, г. Майкоп);

доктор юридических наук, профессор *В.Ю. Турагин*
(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет)

Ответственный редактор:

доктор филологических наук, профессор *М.В. Горбаневский*,
председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам

Батюшкина М.В.

Б 28 Дискурсивные доминанты законотворчества: монография/
М.В. Батюшкина; под ред. М.В. Горбаневского. — М.:
РОО ГЛЭДИС, 2022. 160 с.

В монографии представлены результаты исследования практики создания законодательных текстов. Рассмотрены дисциплинарные подходы к феномену юридического (правового) дискурса; общая специфика русскоязычного юридического дискурса и его разновидностей; субъектный, процессуальный, объектный и предметный параметры законотворческого дискурса.

Приложение содержит информацию о законодательной регламентации использования языков народов России, о профессиональной квалификации и компетенциях эксперта-лингвиста.

Книга адресована широкому кругу специалистов, может быть рекомендована в качестве учебного и справочного пособия.

ISBN 978-5-6048796-0-3

© М.В. Батюшкина, текст, 2022 г.
© РОО ГЛЭДИС, оформление, 2022 г.

Введение

Язык и коммуникация – ключевые условия и одновременно средства реализации нормативно-регулирующего потенциала права. На основе языка происходит становление правовой системы и государственной политики, создаются законодательные и иные связанные с ними правовые тексты. В законодательных текстах зафиксированы наиболее значимые изменения, которые происходили ранее и происходят в настоящее время в связи с развитием языка, государства и общества.

Пересечение пространств языка и права традиционно исследуется представителями разных фундаментальных наук: лингвистами – при изучении этапов становления современного русского литературного языка, особенностей документных текстов и официально-делового стиля речи (Р.И. Аванесов, Ю.А. Бельчиков, Р.А. Будагов, Л.А. Вербицкая, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, А.В. Десницкая, В.В. Колесов, В.Г. Костомаров, П.С. Кузнецов, Д.С. Лихачев, С.И. Ожегов, А.А. Реформатский, О.Б. Сиротинина, Г.Я. Солганик, Б.О. Унбегаун, Г.А. Хабургаев, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба, Д.Н. Шмелёв, Л.П. Якубинский и др.); правоведами, историками и философами, государственными деятелями – при исследовании и систематизации источников права (М.М. Сперанский, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев, Г.Ф. Шершеневич), изучении терминологических, интерпретационных и иных аспектов языка права (С.С. Алексеев, В.М. Баранов, Н.А. Власенко, Г.А. Гаджиев, Т.В. Губаева, М.Л. Давыдова, Д.А. Керимов, Н.И. Хабибулина, Т.Я. Хабриева, А.Ф.Черданцев, Е.А. Юртаева), определении статуса и функций русского языка как государственного, порядка использования языков народов России (С.А. Белов, Л.Н. Васильева, Е.М. Доровских, Н.М. Кропачев, Н.В. Ляшенко, Р. М. Хайрулина).

Во второй половине XX века на основе взаимосвязи понятийных систем юриспруденции, лингвистики, герменевтики и логики развивается междисциплинарная прикладная наука, получившая название – **юридическая (правовая, судебная) лингвистика** (А.Н. Баранов, К.И. Бринев, Е.И. Галяшина, Н.Д. Голев, М.В. Горбаневский, С.В. Доронина, Т.В. Дубровская,

В.А. Ефремов, И.В. Жарков, О.С. Иссерс, Е.С. Кара-Мурза, Е.А. Колтунова, М.В. Косова, О.А. Крапивкина, С.А. Кузнецов, С.П. Кушнерук, Н.Б. Лебедева, И.Б. Левонтина, А.С. Мамонтов, В.Ю. Меликян, И.А. Нефляшева, М.А. Осадчий, И.В. Палашевская, М.Н. Панова, И.Л. Петрова, А.М. Плотникова, В.Р. Саркисянц, Ю.А. Сафонова, О.П. Сологуб, И.А. Стернин, Г.Н. Трофимова, С.П. Хижняк, Т.В. Чернышова, Т.В. Шмелева, M. Aldridge, J.M. Conley, M. Coulthard, R.H. Drommel, E. Fobbe, J. Gibbons, W.M. O'Barr, J. Olsson, A. Podlech, R.W. Shuy, J. Svartvik, P. Tiersma и др.).

По мнению Н.Д. Голева, одного из основателей отечественной юрислингвистики, объектом изучения данного междисциплинарного вида научного знания является соотношение юридической нормы и нормы языковой, вопросы юридизации естественного языка и адекватного толкования, юридический аспект языка и лингвистические аспекты права [Голев, 1999, с. 17, 23, 27; 2004, с. 358].

Развитие юридической лингвистики обусловлено: необходимостью интегрированного и ориентированного на практику решения вопросов, возникающих в правотворческой, следственной, судебной, экспертной деятельности; важностью соблюдения норм языка при создании норм права; рассмотрением проблем толкования правовых текстов, перевода официальных документов, имплементации заимствованных терминов и конструкций; обсуждением подходов к видам и методам лингвистической экспертизы; построением лингвистических курсов для специалистов юридического и государственно-управленческого профиля, программ повышения квалификации экспертов.

Потребность в развитии русского языка как государственно-го, оказании консультативной помощи, обсуждении языковых аспектов правовой коммуникации, оригинальных лингвистических (речеведческих) экспертиз и методик их проведения, а также обучающих программ по юридической лингвистике обуславливает проведение научно-практических конференций и семинаров, создание и деятельность профессиональных сообществ (Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, Сибирской ассоциации лингвистов-экспертов и др.).

На базе образовательных организаций созданы структурные подразделения, реализующие проекты междисциплинарной направленности: Институт судебных экспертиз и Содружество экспертов (Московская государственная юридическая

академия им. О.Е. Кутафина), Научно-исследовательский институт проблем государственного языка (Санкт-Петербургский государственный университет), Лаборатория юрислингвистики и развития речи, интернет-журнал «Юрислингвистика» (Алтайский государственный университет), Лаборатория юрислингвистики и документоведения (Кемеровский государственный университет), Научно-исследовательская лаборатория юридической лингвистики (Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского), Центр лингвистических экспертиз и тестирования по русскому языку (Северо-Кавказский федеральный университет), Ассоциация лингвистов-экспертов Юга России (Южный федеральный университет) и др.

В русле междисциплинарной значимости выполнены докторские диссертации по вопросам: *юридической терминологии и словесности* (Т.В. Губаева, В.Ю. Туранин, Е.А. Федорченко, С.П. Хижняк), *риторических аспектов типологии жанров деловой речи* (Т.В. Анисимова), *деловой письменности в истории русского языка* (О.В. Никитин), *начального этапа генезиса языка права* (Н.Н. Лыкова), *современного документного текста* (С.П. Кушнерук), *официально-делового текста* (О.П. Сологуб), *судебного речеведения* (Е.И. Галяшина), *судебной лингвистической экспертизы* (К.И. Бринев), *речевой манипуляции* (И.В. Беляева), *публично-правовой речевой коммуникации* (М.А. Осадчий), *категории официальности в современном русском языке* (Е.П. Буторина), *категории модальности и ее выражения в текстах официальных документов* (Е.З. Киреева); *судебного дискурса* (О.А. Богинская, Т.В. Дубровская, И.В. Палашевская, М.Н. Федулова), *делового дискурса* (А.О. Стеблецова, Т.А. Ширяева), *административного дискурса* (О.А. Евтушенко), *письменного дискурса исполнительной власти* (М.А. Ширинкина), *дипломатического дискурса* (Л.М. Терентий), *дискурса права Европейского Союза* (К.Х. Рекош) и др.

Вместе с тем до настоящего времени не исследованы дискурсивные механизмы модельного законотворчества, жанровая типология законов. Заслуживают более детального рассмотрения: статус, функции, а также сферы использования в юридической практике русского языка и иных языков народов России; отличительные особенности законодательной и подзаконной формализации правовой семантики; специфика восприятия и интерпретации текстов законов представителями разных возрастных, социальных и профессиональных групп; концептуальные поля

юридического дискурса; варианты норм языка, употребляемые в законодательных текстах; лингвистическая экспертиза закона. Не менее востребованным для теории и практики является обобщение подходов к исследованию понятийно-терминологического состава законов в аспекте лексикографии и ортологии.

Законодательные тексты – высокоинформативный поликодовый «продукт» определенного этапа развития языка, общества, государства и права. Поэтому как научное, так и экспертное исследование текстов законов невозможно без учета специфики той сферы, в которой и для целей которой они создаются, анализа средств, используемых для выражения и трансляции правовой семантики; «господствующих речевых практик» [Хазагеров, 2020, с. 68]; понимания «исходных принципов описания юридического языка, обусловленных средой его функционирования» [Голев, 1999, с. 24].

Данная позиция обуславливает представление в настоящей работе обзора трактовок феномена дискурса как особого институционального мира, рассмотрение дисциплинарных подходов к исследованию юридического (правового) дискурса, описание специфики русскоязычного юридического дискурса и его разновидностей (подвидов), в том числе более подробную параметризацию законотворческого дискурса, в рамках которого с учетом определенных правил и традиций создаются тексты российских законов.

Глава I.

Текст закона в аспекте концепции юридического дискурса

§ 1. Общие подходы к изучению институционального дискурса

Разработка теории дискурса, активно осуществляемая с середины прошлого века, характеризуется поиском средств и методов анализа речевой деятельности и коммуникации, в том числе посредством корреляции концепций и понятий разных гуманитарных наук.

Поскольку лингвистика первой половины XX века развивалась, главным образом, в системно-структурном направлении (Л. Ельмслев [1960], Л. Блумфильд [1968], Ф. де Соссюр [1999] и др.), речевой аспект в большей степени изучался в философии, психолингвистике, социолингвистике, методике обучения языку, литературоведении, других дисциплинах, так или иначе связанных с коммуникацией. В научных исследованиях процессов коммуникации и речевой (речемыслительной) деятельности, текста, дискурса, нарратива исходным стало понятие текста как речевого знака, ключевым свойством речи были обозначены ее коммуникативные атрибуты, обусловленные когнитивными, социокультурными и иными процессами [Бельдиян, Батюшкина, 2016, с. 18; Новиков, 1983, с. 19], целенаправленностью и ситуативной привязанностью [Звегинцев, 1976].

Многоплановость текста и речи – явление не менее широкое и сложное, чем многоуровневость системы языка. Одной из актуальных задач стало использование методологии и результатов разных наук при исследовании языкового и речевого аспектов коммуникации, применение методологического потенциала науки о языке в смежных областях знания.

Дискурс, по словам Ю.П. Боруленкова, явился самостоятельной областью междисциплинарных изысканий, в которой интеграция представлений и интенсивный диалог специалистов из разных научных сфер позволили ставить и решать

проблемы, многие из которых были прежде скрыты границами между разделами знания [Боруленков, 2013 (а), с. 19].

Первичную разработку вопросы дискурса получили в трудах зарубежных ученых эпохи постмодернизма и постструктурализма (Л. Альтюссер, Р. Барт, Р. Водак, Г. Греймас, Т.А. ван Дейк, М.В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс, Ж. Лакан, Э. Лакло, У. Маас, Ш. Муфф, М. Пеше, П. Серио, Н. Форкло, М. Фуко, Ю. Хабермас, З. Харрис и др.).

Однако и в нашей стране дискурсивная проблематика исследована не менее плодотворно и разноаспектно Н.Д. Арутюновой, В.Г. Борботько, Е.Ю. Викторовой, В.С. Григорьевой, В.З. Демьянковым, О.С. Иссерс, А.М. Каплуненко, В.И. Карасиком, Ю.Н. Карауловым, П.А. Катъшевым, А.А. Кибриком, Е.А. Кожемякиным, О.А. Леонтович, М.Л. Макаровым, О.Л. Михалевой, С.Н. Плотниковой, Ю.Е. Прохоровым, К.Ф. Седовым, И.В. Силантьевым, Г.Г. Слышкиным, Ю.С. Степановым, И.П. Сусовым, В.И. Тюпой, В.Е. Чернявской, М.Б. Чижевской, Е.И. Шейгал и другими учеными.

Дискурс выступает не только объектом и предметом исследования, но и материалом для анализа оценочной семантики [Миронова, 1997], текста [Силантьев, 2004], способов объективации метафоры [Шарикова, 2012], коммуникативных стратегий [Уланов, 2014], особенностей лингвокультурных ценностей, дискурсивной конвергенции [Карасик, 2015(б), 2022], дискурсивных маркеров [Когут, 2016], параметрического моделирования в лингвистике [Катъшев, 2018], типологической классификации речевых жанров [Пономаренко, 2019], парламента как сетевой структуры [Помигуев, Фомин, Мальцев, 2021], СМИ и интернета, политической и рекламной коммуникации [Иссерс, 2015] и других явлений.

По мнению Чжао Я., Катъшева П.А., «становление дискурсивных исследований совпало с «лингвистическим поворотом» в социальных науках, поставившим проблему ненейтральности языка в созидании и отображении социального мира» [Чжао, Катъшев, 2018].

Альтернативные ответы на вопрос «что есть дискурс?» детерминированы принадлежностью ученого к тому или иному научному направлению, тем или иным методологическим подходом к рассмотрению данного явления, субъективным авторским видением исследуемой проблематики.

З. Харрис рассматривает дискурс в качестве *продукта речемыслительной деятельности*: сверхфразовой единицы, связанной

последовательности предложений, произнесенных или написанных одним человеком или несколькими людьми в определенной ситуации, с учетом процессов говорения и слушания, выражаемого и подразумеваемого [Harris, 1952].

По мнению Т.А. ван Дейка, ключевым для понимания и производства дискурса является *контекст* – *субъективная ментальная модель*, которую участники общения создают во время коммуникации на основе интерпретации или конструкции признаков социальной ситуации; под влиянием контекстной модели возникают конвенциональные практики и жанры дискурса [Дейк, 2013 (а); 2013(б)].

В основе междисциплинарного подхода к исследованию дискурса как *способу интерпретации действительности* Т.А. ван Дейк усматривает: интерес к естественному использованию языка и невербальным аспектам коммуникации; необходимость исследования крупных единиц (текстов, коммуникативных событий); отнесение к лингвистической сфере коммуникативных действий и интеракций, а также понятий, которые ранее не рассматривались с лингвистической точки зрения; исследование языка в социокультурном и когнитивном планах [Van Dijk, 1981, с. 1-26; 2013(б)].

С точки зрения М. Фуко, дискурс – *это способ упорядочения действительности, совокупность* детерминированных временем и пространством правил, которые определяют условия высказывания, влияют на формирование сознания индивидов (субъектов общества), способа мышления о различных аспектах реальности и способа восприятия реальности, выгодных для той или иной политической и идеологической системы [Фуко, 1996; 2004].

Широкое понимание дискурса представлено Н.Д. Арутюновой, по мнению которой дискурс – *это связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами*: прагматическими, социокультурными, психологическими и др.; текст в событийном плане; речь как целенаправленное социальное действие, как компонент когнитивных процессов и взаимодействия людей [Арутюнова, 1990, с. 136-137].

В.И. Карасик рассматривает дискурс в качестве *текста, погруженного в ситуацию общения*. Такой подход предполагает анализ информации, которая выводится из коммуникативной ситуации и соотносится с информацией, выраженной в тексте [Карасик, 2015(а), с. 147]. Поскольку коммуникативная ситуация является элементом культуры, при анализе дискурса

происходит исследование культурно маркированных обстоятельств и формульных моделей поведения человека (Там же).

Е.И. Шейгал под дискурсом понимает *систему коммуникации, имеющую реальное и потенциальное (виртуальное) измерение* [Шейгал, 2000, с. 11]. В реальном измерении дискурс есть текущая речевая деятельность и возникающие в результате этой деятельности тексты, дискурс потенциального измерения – *это семиотическое пространство*, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание коммуникативной сферы, тезаурус прецедентных текстов, типичные модели речевого поведения, система речевых актов и жанров (Там же).

По мнению Н.Ф. Алефиренко, дискурс представляет собой *семиотически объективированное пространство коммуникативно-когнитивной природы*, возникающее в ходе речевого взаимодействия как совокупность фасет языкового и неязыкового характера: речемыслительной, когнитивно-событийной, ассоциативно-образной, композиционно-стилистической, ситуативной, речеповеденческой, этнокультурной [Алефиренко, 2009, с. 53].

На стыке бинарных оппозиций *сознания и бытия, языка и реальности* исследует дискурс В.Т. Фаритов [2014; 2015]. Дискурс устанавливает критерии реальности, раскрывает «смысловые перспективы» осуществления осознанного человеческого действия: возможного/невозможного, дозволенного/запрещенного, приемлемого/неприемлемого; так же как существование человека неразрывно связано с языком и социумом, так же «оно связано с дискурсом и вне него не может быть помыслено» [Фаритов, 2014, с. 128, 133, 131].

Обобщая обозначенные и иные концепции, которые, следует отметить, детально рассматриваются во многих научных работах (см.: [Григорьева, 2007; Клушина, 2011; Русакова, 2007; Соколова, 2015]), сделаем акцент на междисциплинарности и многогранности интерпретации понятия дискурс. С учетом потенциала разных наук, направленного на раскрытие существенных сторон данного явления, дискурс исследуется учеными сквозь призму соответствующего мировоззрения как некая условная величина, определяемая на основе множества взаимосвязанных параметров, таких, как язык, речь, текст, жанр, контекст (когнитивный, социально-прагматический, культурный), событие, ситуация, субъект, реальное и виртуальное время и пространство, социальный порядок, коммуникативные правила и барьеры.

В связи с применением дискурс-подхода к исследованию различных областей действительности: политической,

экономической, медицинской, педагогической, научной, интернета и т.д. – выделяются и разные **типы дискурсов**, которые условно относятся к **институциональным**, если дискурс связан с какой-либо социальной сферой коммуникации (социальным институтом) и обуславливает навязывание участнику коммуникации определенных ценностей, стратегий, ритуалов данной коммуникации, ролей межсубъектного общения, либо **неинституциональному** – личностно-ориентированному, персонализированному дискурсу, отражающему особенности речи и мышления индивидуума [Бейлинсон, 2009(а), 2009(б); Евтушенко, 2019; Карасик 1998, 2000, 2002, 2022; Катъшев 2021; Кулова 2016; Крапивкина, 2011; Пономаренко, 2019; Пугоева, 2017; Хазагеров, Ульянова, 2018; Agar, 1985; Wodak, 1996; Galdia, 2014].

Поскольку образ институционального дискурса, как и любое субъективное представление, формируется производящим и познающим субъектами, параметры дискурса определяются данными субъектами в зависимости от имеющихся у них знаний и опыта. Разность знаний и опыта различных субъектов обуславливают сходные/отличающиеся точки зрения на природу институционального дискурса и его феноменов.

В частности, Р. Водак, рассматривая институциональный *дискурс в качестве формы социально-коммуникативной практики*, полагает, что при исследовании общения, осуществляемого в социальных институтах, одинаково важны контекст и интертекстуальные связи исследуемого дискурса с другими типами дискурсов [Wodak, 1996; 1997]. Контекст образуют: текст; участники коммуникации, их характеристики и функции; конкретные ситуации общения; социальный институт и общество, в котором существует данный институт; коммуникативные барьеры, целенаправленно создаваемые для сохранения отношений неравенства между членами социального института и аутсайдерами (Там же).

В.И. Карасик называет институциональное общение *«клишированной коммуникацией в своеобразных масках»*. Для институционального общения необходимо учитывать интенциональную и контекстно-ситуативную обусловленность (цель и хронотоп), содержание и ценности (концепты) дискурса, участников общения, стратегии и тактики, разновидности и жанры дискурса, прецедентные тексты и формулы [Карасик, 1998, с. 190; 2000, с. 11-12]. Принципиальное отличие институционального дискурса от персонального в трафаретности общения, хотя в действительности, по мнению ученого, абсолютно безличное общение – большая редкость (Там же).

В качестве существенных категорий, характеризующих институциональный дискурс, В.И. Карасик определяет: участников общения (их статусно-ролевые, ситуативно-коммуникативные характеристики); условия общения (пресуппозиция, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда); организацию общения (мотивы, цели, стратегии); способы общения (канал, режим, тональность, стиль, жанр) [Карасик, 1998, с. 187].

По мнению В.И. Карасика, при изучении институционального дискурса применяются различные подходы: *структурно-грамматический анализ* (установление маркеров явной или скрытой диалогичности, метадискурсивных индикаторов коммуникации, способов выражения модусных и диктальных компонентов коммуникативного события), *тематический* (определение темы и идеи текста, прямого и непрямого выражения смысла с учетом культурного контекста ситуации), *прагмалингвистический* (установление тональности общения: содержательной/фатической, естественной/ритуальной и др.), а также описание *социального измерения дискурса* (определение специфики участников и обстоятельств дискурса), *режимных характеристик* (внешних условий осуществления: устное/письменное общение, контактность/дистантность коммуникации, прокольность/непротокольность организации взаимодействия коммуникантов) [Карасик, 2022, 33-34]. Данные подходы направлены на установление ситуативных компонентов общения и текстуального содержания дискурса (Там же, с. 34).

Л.С. Бейлинсон, развивая концепцию В.И. Карасика, феномен институционального дискурса видит в выполнении потребности, необходимой для существования общества, в типизации повторяющихся действий, предсказуемости ролевого поведения людей [Бейлинсон, 2009(а), с. 142].

К основным функциям институционального дискурса Л.С. Бейлинсон относит: *перформативную* – выполнение агентом (представителем социального института) в диалоге с клиентом (тем, кто обращается в социальный институт) либо с другим агентом действий, определяющих суть социального института; *нормативную* – установление и сохранение норм и правил поведения, понимание агентами своей значимости в обществе; *презентационную* – создание имиджа, высокого статуса социального института, закрепление в сознании клиентов положительного образа агентов этого социального института, отличающихся профессионализмом в работе; *парольную* – установление

границы между агентами и клиентами, использование специальных дискурсивных знаков: терминологии, сокращений, понятных только агентам (Там же, с. 143-146).

Обозначенные функции реализуются в жанрах институционального дискурса, своего рода форматах коммуникативного поведения, инструментах общения, «исторически сложившихся ситуативных разновидностей речи, построенной алгоритмически в соответствии с определенной интенцией отправителя и предсказуемой установкой получателя речи» [Карасик, Бейлинсон, 2010, с. 123].

Каждый тип институционального дискурса предполагает наличие не только поведенческих норм и ролей, которые должны соблюдаться и исполняться участниками общения в тех или иных ситуациях [Карасик, 1998, с. 190; Макаров 1997, с. 176], но и специфических правил, которые, по словам Ц. Тодорова, отменяют действие общеязыковых правил, оспаривают их и замещают [Тодоров, 1983, с. 367-368].

Ю.С. Степанов пишет об «особом использовании языка» для выражения особой идеологии и создания альтернативного мира дискурса: специфика использования языка связана с «особой» семантикой, грамматикой и лексикой, правилами словоупотребления, синонимических замен и синтаксиса [Степанов, 1995, с. 38-39, 44].

В роли «особых» дискурсивных маркеров (дискурсивов) могут выступать слова, словосочетания, а также предложения, которые структурируют и дополняют основную информацию; придают необходимый статус тексту, минимизируют усилия по его созданию и обработке; передают информацию в необходимом оценочно-интерпретационном, контактно-регулирующем плане, отражая взаимодействие между автором и адресатом речи [Каменский, 2015, с. 30-39; Викторова, 2016, с. 11-16].

В настоящей работе **институциональный дискурс** рассматривается в качестве реализации (процесса и продукта) моделирования и интерпретации социокультурно обусловленных явлений объективной действительности посредством вербальных и невербальных средств коммуникации. Дискурсивный подход к объективной действительности, учитывающий опыт социальных практик, позволяет уточнить мотивацию выбора тех или иных средств, используемых для передачи мысли и достижения цели коммуникации, порождения и понимания различных текстов.

Разделяя научную позицию В.И. Карасика (2000 и др.), полагаем, что комплексная интерпретация того или иного

институционального дискурса предполагает исследование его отличительных признаков в аспекте объектного, предметного, субъектного и процессуального **параметров**, а также их различных комбинаций.

В частности, объектно-предметный и объектно-текстовый параметры предполагают анализ формы воплощения сферы дискурса – текстов, а также транслируемых с помощью данных текстов ценностно-идеологических установок (принципов), правил и порядков дискурса, обобщенно характеризующих типовых социальных (коммуникативных) ситуаций, событий, статусно-функциональных ролей и моделей поведения субъектов дискурса в моделируемых (или аналогичных им) ситуациях, при наступлении институционально значимых событий.

В рамках данных параметров могут быть исследованы устный и письменный модусы дискурса, жанры дискурса, языковой и речевой аспекты дискурсивной коммуникации, правила и традиции употребления языковых и речевых единиц, дискурсивов, вариативность и безальтернативность выражения в тексте информации.

В аспекте субъектно-предметного параметра исследуются участники прямого и опосредованного дискурсивного общения, их статусно-функциональные роли, особенности дискурсализации и стратификации, формируемые потребности, мера свободы, возможности и границы поведения, специфика моделируемых решений и действий (однократных, повторяющихся, первичных и вторичных), текстопорождения и текстовосприятия, дискурсивные цели, стратегии и тактики их реализации.

Процессуальный и субъектно-процессуальный параметры позволяют исследовать обстоятельства создания и бытования текстов, своего рода «текущую жизнь» текста в социальных актах вербального и невербального характера, анализировать взаимосвязь текста с иными продуктами дискурса, прежде всего, с субъектами дискурса при исполнении либо нарушении исполнения ими своих статусно-функциональных ролей. Процессуальный параметр предполагает исследование различных отклонений (погрешностей) от установленных правил и порядков, которые с некоторой вероятностью возможны в дискурсивной практике.

В общенаучном смысле параметризация, по мнению П.А. Катышева, предусматривает моделирование процесса или явления, при котором устанавливаются состав конститутивных признаков процесса (явления); нормативные (прототипические) формы про-

явления каждого из признаков процесса (явления); диапазон варьирования форм проявления каждого из признаков, не разрушающего идентичности процесса (явления) [Катышев, 2018, с. 25].

Параметризация дискурса, исследуемая с учетом функционально-прагматического, структурно-типологического, жанрового и иных подходов, может служить системой координат, позволяющей приблизиться к раскрытию специфики феноменов институционального дискурса, позволяет охарактеризовать необходимые условия его формирования и развития, прежде всего: детерминированность и контекст, локально-временные границы существования, субъектный состав, средства, в том числе языковые и речевые, используемые при формулировании дискурсивных правил для реализации дискурсивных целей.

§ 2. Научные подходы к исследованию юридического (правового) дискурса

Развитие общего понимания сущности институционального дискурса отражено в различных концепциях юридического дискурса.

В русскоязычных лингвистических и иных научных исследованиях используются понятия **юридический дискурс** [Богатырев, 2016; Борисова, 2016; Дубровская, 2016; Кожемякин, 2013; Колесникова, 2007; Косоногова, 2015; Кубиц, 2005; Лебедева, 2021; Мальцева, 2011; Палашевская, 2010; Попова, 2005; Туранин, 2017(а)] и **правовой дискурс** [Андриевский, 2011; Волков, 2019; Дедов, 2019; Лавицкий, 2019; Рекош, 2011; Пахаруков, 2020; Фогельсон, 2013; Храмцова, 2018], что связано не только с разнопредметными подходами (лингвистическим, правовым, философским и др.) к интерпретации аспектов государственно-правовой коммуникации, но и объективным разграничением понятий *право* и *юриспруденция*.

Право (правоведение) и юриспруденция (юриспруденция) являются взаимосвязанными, но не тождественными понятиями, хотя имеют общую этимологию (от латинского: *jūris prūdentia* – «правоведение», «наука о праве и справедливости», *Jūs* (Р.п. *jūris*) – «право» и «справедливость», *prūdentia* – «предвидение», «знание») и иногда используются в одном и том же значении [Хомутова, Шефер, 2019, с. 44].

В общем смысле *право* понимается как свобода выбора и поведения, непосредственно принадлежащая конкретному человеку, как социально детерминированный и обеспечиваемый силой государства институциональный нормативный регулятор, совокупность общеобязательных формально-определенных правил (норм, моделей) поведения в обществе, формулируемых с помощью специального понятийно-терминологического аппарата [Алексеев, 1981, с. 5, 66; Юридическая энциклопедия, 2005, с. 670]. Термин «правоведение» применяется для обозначения области знания о теории и истории государства и права, общих свойствах правовых понятий, системы правовых норм.

Термины *юриспруденция*, *юридическая техника* и т.п. по традиции применяются в тех случаях, когда акцентируется внимание на прикладном характере правового знания, специфике конструирования и разнообразной практической реализации правовых норм, «юридизированности» социальных отношений [Голев, 2021].

С учетом отмеченного разграничения, на наш взгляд, понятие *правовой дискурс* в большей степени применимо для обозначения некоего «идеального» образа правовой организации государства и общества, интерпретации проблем общей теории права в контексте коммуникативно-нормативного подхода. Представление о *юридическом дискурсе* формируется на основе анализа реальной действительности, юридических текстов, отражающих и порождающих практическую реализацию официально установленных правовых норм. (В данном значении термин «юридический дискурс» используется в настоящей работе.)

При анализе научных источников, посвященных исследованию юридического (правового) дискурса, мы отметили как общность, так и, безусловно, различия внутри- и междисциплинарных подходов.

С философской позиции О.В. Поспеловой, специфика юридического дискурса обусловлена методологическим требованием современной науки ориентироваться не на предмет, а на проблему, что приводит к размыванию границ между разными областями знания [Поспелова, 2010, с. 39-40]. Артикуляция правовой нормы, в силу природы социального взаимодействия, с одной стороны, «продолжает универсальные революционные обещания» справедливости, равенства, гражданских прав, демократии и публичности, с другой стороны, обуславливает создание общества взаимных обязательств (Там же, с. 44).

Е.А. Кожемякин, обосновывая онто-гносеологическую сущность юридического дискурса в русле общефилософских представлений, исследует дискурс данного типа в качестве речемыслительной деятельности, регламентированной культурно-историческими традициями (кодами) и направленной на формулирование норм, регулирование и контроль социальных отношений [Кожемякин, 2009, с. 33]. Проблематика юридического дискурса (нормирование, регулирование, компетенционность) обуславливает его общую направленность на «реализацию действий по изменению действительности» [Кожемякин, 2013, с. 126-127].

По мнению А.А. Волкова, правовой дискурс есть «совокупность высказываний» по вопросам правовой действительности, основными функциями которых выступают предписание, убеждение, провозглашение и информирование [Волков, 2019, с. 34]. На интерпретацию процессуально-коммуникативных особенностей правового дискурса влияет сложившийся в отечественном правоведении нормативистский подход к пониманию права как системе правил поведения [Волков, 2019, с. 30-33].

Правовые взгляды на специфику юридического (правового) дискурса [Боруленков, 2013(а), 2013(б); Веденеев, 2014; Гарашко, 2020; Дедов, 2019; Поляков, 2006; Салтыков, 2015; Храмова, 2013, 2014, 2018] объединяет рассмотрение категориальной сущности права через призму его социально-регулятивной функции. Юридический (правовой) дискурс в данной категории работ предстает как в виде результата деятельности, так и в виде процесса, механизмы и пределы которого определены от правового предписания до обеспечения правопонимания и контроля правоприменения.

Появление понятия «правовой дискурс» Н.Г. Храмова связывает с осмыслением критериев оценки человеческой деятельности, рассмотрением феноменов «правового поля», «правовой материи», «правового выбора», «правового пространства» с позиции синтеза разных областей знания, в том числе: социологии права, юридической психологии, правовой лингвистики [Храмова, 2018, с. 42].

По мнению Н.Г. Храмовой, правовой дискурс есть «речевой процесс информационно-средового взаимодействия субъектов права в ситуации правовой коммуникации», направленный на формулирование правовых предписаний, регулирование и контроль общественных отношений, зависящий от

уровня правовой культуры, опыта и потребностей субъектов правового общения [Храмцова, 2014, с. 22]. К отличительным признакам правового дискурса исследователь относит содержание правовой коммуникации, суждения и умозаключения; к ключевым «содержательным элементам»: оценочные понятия, символизм, цель, харизму государства и императивность законов, обусловленность свойствами права, определяемость уникальными характеристиками права [Храмцова, 2013, с. 131; 2018, с. 47].

В русле «коммуникативного правопонимания» рассматривает правовой дискурс А.В. Поляков, по мнению которого, ни правовой дискурс, ни право, их знаковый (текстовый), ценностный и деятельностный аспекты, невозможно понять вне истории и социокультурного контекста, коммуникации как определяющего признака права и нормативности как коммуникативного условия существования права [Поляков, 2006].

С точки зрения А.Ю. Гарашко, правовой дискурс – это конвенциональная правовая среда, информационный фон, являющийся результатом правовой коммуникации, процесса обсуждения, формирования и закрепления в общественном сознании договоренностей, норм, ценностей и принципов [Гарашко, 2020, с. 22].

Ю.П. Боруленков, вслед за Е.А. Кожемякиным (2009), понимает под юридическим дискурсом регламентированную определенными традициями смыслообразующую деятельность, которая направлена на формулирование правовых норм, регулирование и контроль общественных отношений через систему данных норм [Боруленков, 2013(а), с. 18]. По мнению правоведа, юридический дискурс реализуется в коммуникативных общностях институционального типа, осуществляющих различные виды юридической деятельности (парламент, суд, полиция, прокуратура, нотариат и т.д.).

К.Г. Салтыков с опорой на лингвистические исследования [Азарова (1999); Апресян (1995); Булыгина, Шмелев (1997); Мустайоки (1997), Эпштейн (1991)] отмечает, что юридический дискурс и отдельные высказывания образуют необходимую среду для реализации семантических и прагматических свойств юридических терминов, приписываемых данным терминам реципиентами в процессе правовой коммуникации [Салтыков, 2015, с. 26].

Более широкое понимание представлено в работе Ю.А. Веденева: юридический дискурс в совокупности с юридическим языком, юридическими текстами, юридической картиной мира

являются составляющими «социо-нормативной культуры общества», в рамках которой протекает жизнь и происходит развитие конкретно-исторических систем права и разнообразных нормативно-идеологических версий его интерпретации [Веденеев, 2014, с. 641-643].

Ученые-лингвисты исследуют специфику юридического дискурса в соотношении с языком права, юридической терминологией, жанрово-стилистическими категориями правовых текстов, ролями и функциями участников правовой коммуникации, речевыми стратегиями и тактиками, актуальными для правовой действительности, ситуативным контекстом [Борисова, 2016; Дубровская, 2016; Колесникова, 2007; Коновалова, 2008; Косоногова, 2011, 2015; Крапивкина, 2011, 2014; Кубиц, 2005; Мальцева, 2011; Слепухин, 2014; Федулова, 2015].

В частности, Г.В. Кубиц рассматривает юридический дискурс как совокупность устных или письменных юридических текстов, которые отражают намерения адресанта-специалиста и содержат специальные понятия, применяемые в пределах профессиональной сферы [Кубиц, 2005, с. 8].

И.В. Палашевская полагает, что юридический дискурс представляет собой «статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определенных правом ситуациях институционального общения» [Палашевская, 2010, с. 535].

В теории С.Н. Слепухина юридический дискурс – «культурно обусловленная метасемиотическая система (юридический язык)», созданная на базе естественного языка и реализуемая в конвенциональных актах [Слепухин, 2014, с. 7]. Одним из признаков юридического дискурса является стереотипизация поведения, проявляющаяся в семантических оппозициях: «свой – чужие», «нормальное – ненормальное», «допустимое – недопустимое», «законное – преступное» (Там же, с. 8, 12).

В качестве части общей системы социального контроля рассматривает юридический дискурс М.Н. Федулова. Ключевыми функциями юридического дискурса являются: регулятивная (сохранение и учреждение норм и ценностей – основы взаимоотношения коммуникантов); перформативная (трансляция норм коммуникативного поведения, ритуализация и презентация институтов права и их агентов); информативная (генерирование смыслов, формирование ценностей и представлений, основы интерпретации) [Федулова, 2015, с. 47, 54-55; 2017, с. 215].

Т.В. Дубровская, рассматривая право в аспекте дискурсивной практики, полагает необходимым при раскрытии конструирующей функции юридического дискурса, изучении юридических текстов и прагматических ситуаций их функционирования ориентироваться на герменевтическое, юридико-техническое, коммуникативное, социолингвистическое направления [Дубровская, 2016, с. 117-118], поскольку юридический дискурс закрепляет определенный общественный порядок и напрямую связан с регламентированным распределением власти (Там же, с. 119).

О.В. Косоногова юридический дискурс называет одним из самых актуальных и востребованных дискурсов современности, поскольку он ориентирован на все слои общества, имеет социокультурную обусловленность и связан с общественными стереотипами [Косоногова, 2011, с. 3, 8].

Разновидности (субдискурсы) юридического (правового) дискурса в лингвистических, правовых и иных научных трудах, на наш взгляд, выделяются с учетом двух основных подходов. Не вдаваясь в дискуссию по данной проблеме, приведем ряд наблюдений.

Первый подход соотносится с концепцией «трех ветвей власти». Исторически сложившейся конструкцией является разделение единой государственной власти на три «ветви древа власти»: законодательную, исполнительную и судебную. По аналогии выделяются три типа органов власти: законодательные разрабатывают и принимают законы; исполнительные организуют исполнение законов; судебные контролируют правильность исполнения законов, судят о правомерности или неправомерности поведения участников коммуникации. (Как отмечает О.Н. Булаков, законодательная, исполнительная и судебная являются основными, но не единственными функциями указанных органов власти [Булаков, 2003, с. 21]).

Данная концепция в аспекте ключевых полномочий различных органов власти [Богатырев, 2016, с. 14] может быть применена по отношению к таким исследуемым разновидностям юридического (правового) дискурса, как: законодательный/ законоотрческий; исполнительный/административный/управленческий; судебный.

При интерпретации **законодательного (законоотрческого) дискурса** основное внимание уделяется тексту закона и процессу его создания [Брандес, 2004; Жукова, 2011; Мартышко,

2014, 2015; Мкртычян, Лебедева, 2021; Помигуев, Алексеев, 2020; Телешев, 2004; Федулова, 2017; Чекалин, 2012, 2013].

По мнению М.Е. Жуковой, законодательный дискурс может быть рассмотрен в качестве совокупности языкового и семиотического кодов: первый предполагает определенный набор языковых и стилистических средств, реализующихся в текстах законов; второй – внутритекстовые и межтекстовые ссылки, обеспечивающие функционирование семиотических систем, отраженных в тексте закона [Жукова, 2011, с. 57].

Н.Ю. Мартышко предлагает определять законодательный дискурс как особую разновидность юридического дискурса, включающую тексты, созданные при разработке, согласовании, обсуждении, утверждении и истолковании правовых актов [Мартышко, 2014, с. 23].

С точки зрения М.Н. Федуловой, в рамках законодательного дискурса создаются и утверждаются самые различные правовые акты, не только законы, но и комментарии к ним; правильное понимание законодательного дискурса предполагает знание интенций адресанта, имплицитных мотивов и стимулов создания правовых текстов [Федулова, 2017, с. 216].

С.В. Мкртычян, А.А. Лебедева, вслед за В.Е. Чернявской (2006), определяют законодательный дискурс в качестве систематизированной общности тематически связанных и иерархически организованных зафиксированных текстов, на которые оказывают влияние экстралингвистические факторы: традиции, ценности, законодательная воля, культурно-деловые связи [Мкртычян, Лебедева, 2021, с. 134].

В концепции А.А. Чекалина законодательный дискурс представляет собой «связный текст конкретного закона», с помощью которого регулируется та или иная сфера отношений [Чекалин, 2012, с. 135]. Стилистические характеристики законов: предписывающая семантика, безэмоциональность, обезличенность, ясность, однозначность – «превращают» законодательный дискурс в эффективное средство управления социумом (Там же, с. 136).

В случае, если основное внимание фокусируется не на законодательной (законотворческой), а на иных функциях и аспектах деятельности парламента, например, дебатах, актах речевого воздействия, коммуникативных событиях, парламентских коалициях, политических элитах, в качестве объекта исследования выступает *парламентский дискурс* [Камышева, 2016; Матвеева, Зюбина, Лесняк, 2016; Помигуев, Фомин, Мальцев,

2021; Труханова 2020]. В связи с выделяемыми коммуникативно-прагматическими функциями, типами создаваемых текстов, речевыми портретами политиков, общественно-политической, партийной деятельностью депутатов, парламентский дискурс может быть рассмотрен в качестве подвида **политического (политологического) дискурса** [Китанина, Цзэн, 2020; Помигуев, Алексеев, 2020].

Проблематика и характеристики **административного (управленческого, исполнительного) дискурса** продуктивно исследуются в работах Т.В. Анисимовой [2000], В.М. Барсегян [2018], Ю.А. Дрыгиной [2013], О.А. Евтушенко [2019], М.В. Косовой [2016], С.А. Шилиной [2011], М.А. Ширинкиной [2016] и др.

В частности, О.А. Евтушенко рассматривает административный дискурс в качестве измерения статусно-обусловленной коммуникации, объединяющей разные сферы общения и тематические области [Евтушенко, 2019, с. 5, 12]. Специфику административного дискурса ученый раскрывает с помощью функциональной типологии, разграничения совещательного, распорядительного, контролирующего и оценивающего типов административного дискурса, а также специфических признаков (институциональность, отношения подчинения между коммуникантами, функциональная регламентация деятельности, перфомативность коммуникативных актов, документная фиксация действий) (Там же).

С точки зрения Т.В. Анисимовой, административный дискурс – это система жанров, актуальных в административном общении, под которым понимается «общение в сфере управления по официальному поводу для решения проблем, касающихся профессиональной деятельности менеджеров (профессиональное общение) и официальных сторон жизни граждан (непрофессиональное общение)» [Анисимова, 2000, с. 8-11].

В.М. Барсегян исследует административный дискурс в качестве взаимосвязанного набора текстов (законов, подзаконных актов федерального, регионального, местного уровней), практик их производства (создание органов власти, контроль, практика поручений и согласований), легитимации в контексте отношений формально-иерархического типа [Барсегян, 2018, с. 110].

При исследовании **судебного дискурса** акцентируется внимание на таких его чертах, как ритуальность и символичность (наличие артефактов: государственной символики,

мантии судьи, деревянного молотка и т.д.), трафаретность судебных текстов, нарративность, следование установленным речевым формулам судопроизводства (обращения, призывы, наименования субъектов и действий: «*Ваша честь*»; «*Встать, суд идет*», *стороны*), а также на психологическом воздействии в судебном процессе, полижанровости и прецедентности судебной практики [Боруленков, 2013 (б); Дубровская, 2010, 2015; Крапивкина, 2018; Палашевская, 2012(а); Сафонова, 2017; и мн.др.].

Ю.П. Боруленков судебный дискурс называет статусно-ориентированным общением, в котором в соответствии с нормами института правосудия распределены роли и функции властных и невластных коммуникантов [Боруленков, 2013 (б), с. 19]. Порядок судебного дискурса определяется речью: «слова делают факты реальными для суда», а судебный спор основывается на манипулировании – «комбинациях действий, ориентированных на ослаблении позиции соперника и укреплении собственной» (Там же, с. 20-21).

Т.С. Сафонова специфику судебного дискурса раскрывает через базовые функции: регулирующую (установление границ поведения), нормоустанавливающую (регламентация процессуального порядка), информативную (передача информации), аргументирующую (определение логической последовательности высказывания), суггестивную, стратегическую и перформативную [Сафонова, 2017, с. 10].

Отметим также, что в сопоставлении с указанными разновидностями либо отдельно от них исследуется **президентский дискурс**, совмещающий институциональную (стратегическую, регламентированную, церемониальную, клишированную) и личностную составляющие [Помигуев, Алексеев, 2020; Худяков, 2016; Чикилева, 2018].

Второй подход связан с рассмотрением концептуальных моделей правового регулирования, противопоставлением российского и зарубежного права, разграничением правовых отраслей и институтов, выделением частных аспектов регулирования, различных сторон юридической практики и текстов, устной или письменной форм передачи юридически значимой информации.

В русле второго подхода исследуются специфика и проблемы *мирового правового дискурса*, *зарубежного правового дискурса* [Карапетов, 2007], *дипломатического дискурса* [Терентий, 2017], *международно-правового дискурса* [Капустин, 2015],

публично-правового дискурса [Корнев, 2021], коррупционного дискурса [Галяшина, 2016], нормативно-правового дискурса [Галяшина, 2020], криминологического дискурса [Жалинский, 2007], адвокатского дискурса [Солдатова, 2013], письменного официального дискурса права («officialdiscourseoflaw»)[Conley, O'Barr, 1990, p. 2-3]) и др.

В частности, Т.Н. Хомутова, Е.А. Шефер различные точки зрения на исследование юридического дискурса и его разновидностей анализируют с позиции методологических подходов: социолингвистического, лингвопрагматического, коммуникативно-деятельностного, коммуникативно-текстового и др., обосновывая свой взгляд, вслед за К. Уилбером [Wilber 1997], интегральностью современной многополюсной парадигмы изучения языка [Хомутова, Шефер, 2019, с. 47-48].

Наряду с юридическим (правовым) дискурсом в научной литературе, полагаем, в том числе и в связи со сложившимися лингвистическими традициями изучения функциональных стилей и профессиональной речи (Головин [1980]; Кожина [1983]; Дускаева [2011] и др.), «функциональной разновидности литературного языка, применяемой в определенной профессиональной сфере» [Дубровская, 2015, с. 4], исследуются феномены **официально-делового дискурса** [Апетян, 2011; Бутакова, Гуц, 2013; Катамадзе, 2015; Сологуб, 2016; Петрова, 2005; Тубалова, 2010; Шеина, 2015], **делового дискурса** [Анисимова, 2000; Борботько, 1998; Косова, Топаз, 2017; Кулова, 2016; Пономаренко, 2012; Хазагеров, 2020; Ширяева, 2008], общая концепция **профессионального дискурса**, которая может быть применима и по отношению к профессиональному общению в юридической сфере [Бейлинсон, 2009 (б); Кочемасова, Воронина, 2018].

Официально-деловой (деловой) дискурс рассматривается как широко, применительно ко всей области государственно-правовой коммуникации, так и узко, только по отношению к стандартизированной административно-управленческой сфере, для целей которой порождаются инструктивно-плановые тексты и деловые письма, обращения, заявления, жалобы и т.д.

Речевые факты апелляции к официально-деловому дискурсу реализуют в бытовом результирующем тексте модель «правильного» социального существования [Тубалова, 2010, с. 80]. Официальная дискурсивная стратегия, направленная на управление обществом, в значительной степени определяется статусными ролями коммуникантов, занимающих различное положение в

служебной иерархии [Сологуб, 2016, с. 19-20]. Сфера делового общения – это «сфера принятия решений при социальном взаимодействии», ключевую роль в данной сфере играет убеждение [Хаззагеров, 2020, с. 69, 74].

Л.С. Бейлинсон под профессиональным дискурсом понимает «общение специалистов между собой или с теми, кто к ним обращается для получения консультации либо профессиональной помощи» [Бейлинсон, 2009(б), с. 145]. Данный дискурс базируется на тематическом ограничении общения рамками соответствующей предметной деятельности и специальной теоретической или сугубо практической подготовке как минимум одного из коммуникантов, предполагает выбор определенной линии коммуникативного поведения, профессиональную самопрезентацию (Там же, с. 146, 148).

Д.Р. Кочемасова, Е.Б. Воронина, вслед за Т.А. ван Дейком [1989, с. 154] разграничивая внутрипрофессиональный и межпрофессиональный дискурсы, при описании характеристик профессионального дискурса делают акцент на профессиональной социализации участников общения, их специализированных знаниях и навыках, необходимых для эффективного исполнения профессиональных ролей, атрибутах и рамках профессии, интерактивной и эмоциональной функциях языка, индексирующего профессиональную идентичность [Кочемасова, Воронина, 2018, с. 147-149].

Обобщая различные точки зрения, согласимся с И.В. Палашевской в том, что дифференциация разновидностей юридического дискурса обусловлена целями и функциями внутриинституциональных коммуникативных образований и проявляется в специфике текстов, символикe, ритуалах, поведенческих стереотипах [Палашевская, 2012 (а); 2012 (б)]. Проблема дискурсивной конвергенции [Карасик, 2022], комплексного исследования юридического дискурса и его разновидностей как сложноорганизованной системы разных типов коммуникаций, своего рода «метадискурса» (по словам Т.Н. Хомутовой, Е.А. Шефнер: [2019, с. 44]), требует дальнейшего изучения и описания.

§ 3. Концепция русскоязычного юридического дискурса и его разновидностей

3.1. Определение понятия «русскоязычный юридический дискурс»

С учетом обобщения и развития подходов к изучению институционального дискурса, а также различных точек зрения на природу юридического (правового) дискурса и его разновидностей, официально-делового (делового), профессионального дискурса, освещаемых в лингвистических, правовых, иных исследованиях, в настоящей работе **юридический дискурс** рассматривается в качестве системно-когнитивно-коммуникативной реализации моделирования и типовой (необходимо должной) интерпретации императивного государственно-правового регулирования общественных отношений.

De facto в каждом государстве для решения внешних и внутренних политических, экономических и иных задач целенаправленно моделируется внутригосударственный юридический дискурс, который отражает специфику обычаев, норм и традиций, сменяющих друг друга национальных государственно-правовых систем. Существование внутригосударственного юридического дискурса предполагает наличие доминантной законодательной текстосферы (государственных законов), создаваемой с учетом определенных правил, моделей и понятий на языке, который наделяется в юридическом дискурсе статусом государственного языка (общегосударственного, межнационального), приоритетного по отношению к другим языкам, используемым при реализации дискурсивных функций, официальной коммуникации (либо на нескольких языках, признаваемых таковыми)¹.

¹ В связи с межгосударственными образованиями, такими, как Содружество Независимых Государств, Европейский Союз, и в целом сосуществованием различных государств в современном мире, с определенной долей вероятности можно предположить, что наряду с юридическим дискурсом, развивающимся на государственном/официальном языке в том или ином государстве, – внутригосударственным национальным дискурсом, формируется межгосударственный юридический дискурс, учитывающий и модифицирующий особенности национальных внутригосударственных юридических дискурсов и правовые суверенитеты разных государств.

Для развития межгосударственного юридического дискурса порождаются специальные тексты договорного характера на выбранном языке

Понятия «государственный закон» и «государственный язык» имеют сходные дискурсивную обусловленность и функциональный статус: они являются инструментом государственной политики, символизированы, обеспечивают единство государственно-правового пространства и территориальной целостности государства, являются обязательными атрибутами официальной сферы общения, способствуют выражению и реализации права и «государственной воли», отражают и порождают традиции и ритуалы разработки правовых текстов.

На основе государственного языка создаются государственные законы и осуществляется правотворчество в целом. Посредством законодательных текстов формируется стереотипное представление о том, что создание закона на государственном языке обеспечивает его высокое качество, а сам государственный язык в меньшей степени подвержен реформам и вариативности. В свою очередь, создание государственных законов, форма представления права обуславливают развитие представления о государственном языке. Другими словами, одно предполагает и помогает интерпретировать другое.

И на основе государственных законов, и на основе государственного языка осуществляются: управление развитием языка и нации в определенных границах, вербальным поведением людей; формирование социолингвистических характеристик общества; сознательная регуляция функциональной стороны языка (расширение или сужение функций языка, формирование и изменение статуса языка); создание официальной версии в отношении того, какой язык должен использоваться в качестве средства официального и межнационального общения; языковое нормирование (совершенствование правил правописания, терминологии, стандартов подготовки официальных текстов)

межгосударственного общения (или языках, признанных таковыми), предполагающие наличие общей системы понятий, моделируются ситуации, наделяемые межгосударственным праворегулирующим значением.

В качестве примера приведем модельные акты на русском языке, принимаемые Межпарламентской Ассамблеей СНГ, которые представляют собой обобщенные правовые стандарты, разрабатываемые с целью сближения правового регулирования социальных отношений, то есть внутригосударственного национального права, в сотрудничающих странах. На основе положений модельного акта могут быть разработаны законы разных государств с аналогичным предметом, хотя содержание таких законов не будет идентичным в силу внутригосударственной специфики. В связи с модельным законодательством можно говорить о «сближении», унификации правовых систем разных государств, возможном влиянии на развитие национальных юридических дискурсов посредством моделирования согласованных законодательных текстосфер.

и формирование подсистем языка (стилей, профессиональных диалектов).

При исследовании текстов российских законов, в которых определены правовое положение, разные функциональные статусы и сферы использования языков: русского языка как государственного языка Российской Федерации, государственного языка республики в составе Российской Федерации, языка правотворчества, языка судопроизводства, языка делопроизводства, языка официального опубликования, языка официальных взаимоотношений (официальной переписки), языка подготовки и проведения выборов и др. – мы отметили законодательно установленную возможность развития русского внутригосударственного юридического дискурса в качестве русскоязычного и одновременно двуязычного (многоязычного). См. подробнее: [Батюшкина, 2017(а), 2019], приложение «Регламентация использования языков народов России в юридическом дискурсе (на материале текстов законов)».

В связи с установленными статусами, сферами и объемом использования можно выделить основные функции, которые де-юре выполняют разные языки в юридическом дискурсе: интегративную, межнационально-коммуникативную, этноидентифицирующую, правотворческую, правореализационную. В пределах юридического дискурса данные функции являются видовыми по отношению к функции государствообразования.

Поскольку с помощью законов моделируются практически все сферы отношений (за исключением межличностных неофициальных), иные функции могут быть проанализированы в аспекте общей коммуникативной функции русского языка и других языков применительно к дискурсам иных типов, построение и развитие которых сопряжено с юридическим дискурсом (политического, образовательного, научного, медицинского и т.д.).

При этом русский язык наделяется характеристиками языка, приоритетного по отношению к другим языкам при реализации дискурсивных функций, в том числе с помощью статуса государственного языка и правовой регламентации сфер его использования [Белов, Кропачев 2016; Вербицкая, 2015; Дубровская, Кожевникова, 2020; Киянова, 2020; Кушнерук, 2012; Осадчий, 2018; Осипов, 1999, с. 66; Руднев, Садова, 2017]. В связи с чем внутригосударственный юридический дискурс рассматривается нами, прежде всего, в качестве русскоязычного. Большая функциональная востребованность русского языка во внутригосударственном юридическом дискурсе обусловлена совокупностью факторов: численностью носителей языка, степенью его

территориальной (субъектовой) распространенности, вкладом в правотворческую культуру, широтой выполняемых задач, кодифицированностью и наличием понятийно-терминологической базы, необходимой и достаточной для трансляции юридических текстов и официального общения.

3.2. Разновидности русскоязычного юридического дискурса

Формирование и развитие внутригосударственного юридического дискурса основано на взаимообусловленных процессах: с одной стороны, на создании и трансляции общеобязательных правил и алгоритмов действий, изложенных в виде правовых норм с помощью вербальных и невербальных средств; с другой стороны, на применении данных правовых норм (правил и алгоритмов действий) в конкретных ситуациях, создании текстов, которые шаблонизируют и детализируют такое применение.

В связи с этим можно говорить о таких логически взаимосвязанных частях (*разновидностях*) внутригосударственного юридического дискурса, как: **правотворческий дискурс**, в рамках которого осуществляется создание текстовых источников правовых норм, содержащих систему общеобязательных правил поведения и координат их применения на практике, адресованных неопределенному кругу лиц и рассчитанных на неоднократное применение, и **правореализационный дискурс**, который предполагает интерпретацию данных источников и инструктивное применение на практике содержащихся в них норм, а также создание текстов, которые развивают содержание источников права, но не являются нормативными.

В силу конкретных задач и функционального статуса субъектов правотворчества и правореализации, а также порождаемых текстов, их роли в «общем механизме действия права» [Белов, Гулида, 2019, с. 58], в структуре правотворческого дискурса могут быть выделены подвиды: законотворческий дискурс и дискурс порождения подзаконных актов нормативного характера²; подвидами правореализационного дискурса являются правоприменительный и правосудебный (судебный) дискурсы.

² К актам такого рода относятся имеющие нормативный характер и общегосударственное значение постановления парламента (или его палат), а также имеющие нормативный характер указы главы государства, постановления правительства, акты министерств и ведомств.

Юридический дискурс и его разновидности (подвиды) характеризуются свойством *интердискурсивности*, поскольку юридический дискурс формируется и развивается наряду с другими типами институциональных дискурсов, а разновидности и подвиды юридического дискурса являются неотъемлемыми составными частями его институционального пространства. Рассматривая взаимосвязь юридического дискурса и его разновидностей (подвидов) с позиции «целое – неотъемлемые части (части частей) целого» и разделяя взгляды С.В. Киселевой (2006), Л.П. Крысина (2008), Н.В. Лукашевич (2013) и др. исследователей на данный вид отношений, мы полагаем, что:

– целое (юридический дискурс) и его части (правотворческий и правореализационный дискурсы), части частей (законотворческий дискурс, дискурс порождения подзаконных актов нормативного характера, правоприменительный дискурс, судебный дискурс) в пространственно-временной протяженности существуют одновременно, части частей целого являются частями целого, ограничиваются его пределами, наделены его общими характеристиками;

– перечисление и описание ряда или всех частей целого позволяет сформировать достаточно информативное, но не полное представление о целом, поскольку целое (юридический дискурс) обладает свойствами, которых нет у частей целого (правотворческого и правореализационного дискурсов) и частей частей целого (законотворческого дискурса, дискурса порождения подзаконных актов нормативного характера, правоприменительного дискурса, судебного дискурса);

– целое и части (части частей) проявляются на фоне друг друга (юридический дискурс наделяется новым смыслом при исследовании его разновидностей и подвидов), а исследование какой-либо части на фоне общей целостности и других частей предполагает сосредоточение на идентифицирующих характеристиках данной части;

– целое (юридический дискурс) и части целого (правотворческий дискурс, правореализационный дискурс), с одной стороны, а также части частей целого (законотворческий дискурс, дискурс порождения подзаконных актов нормативного характера, правоприменительный дискурс, судебный дискурс) и части целого (правотворческий дискурс, правореализационный дискурс), с другой стороны, могут быть рассмотрены с родовидовой точки зрения, если использовать обращение к родовому

понятию (обобщение) и конкретизацию по признаку видовых отличий.

Общим для юридического дискурса и его разновидностей (подвидов) является **функциональный императивно-регулятивный аспект**, то есть то, для чего формируется и развивается дискурс данного институционального типа: для государственно-публичного регулирования социальных отношений, под которым мы понимаем целенаправленное воздействие адресантов, обладающих властными полномочиями, на иных субъектов и определенный спектр социальных отношений с помощью вербальных и невербальных средств.

Наряду с общей императивно-регулирующей функцией юридическому дискурсу и его разновидностям (подвидам) свойственны общие признаки:

– социально-культурная и языковая среда формирования и развития;

– сопряженность с временным периодом и пространством – территорией развития;

– делегирование полномочий при сохранении контроля над решением делегируемых вопросов в компетенции делегирующего;

– закреплённость за источником публичной власти, транслируемая социальная значимость и императивность (категоричность, безусловность) установленных правил;

– преемственность традиций модельного создания текстов, формульных и структурно-содержательных особенностей (алгоритмов) выражения волеизъявления;

– правовые презумпции (негласные, но очевидные для субъектов дискурса правила, например: *незнание закона не освобождает от ответственности*);

– субъектная стратификация и иерархия (должностная субординация); общие коммуникативные «скрепы», концептуализация публичной власти, символизация ее источника (*государственный (первый среди равных) язык, главный (основной) закон, главное (первое) лицо в государстве, принесение присяги на основе конституционного (главного) текста*);

– общее «ядро» понятийно-терминологической системы, трансляция официальной (необходимо должной) интерпретации понимания моделируемой действительности.

Создаваемые тексты, моделируемые ситуации и события, дискурсивные статусы субъектов, текстов, ситуаций и событий,

как и иные функции, которые могут быть выделены применительно к юридическому дискурсу и его разновидностям (подвидам), одновременно являются и феноменальными продуктами дискурсивной практики, и ее регулятивными средствами. Так, для принятия какого-либо решения или осуществления какого-либо действия участнику дискурсивных отношений необходимы не только субъективный посыл, но и объективная текстуальная мотивирующая основа, в которой обозначены обязательность или возможность такого решения (действия) и определены его функциональные и процессуальные особенности, последствия игнорирования установленных правил поведения. С другой стороны, юридический дискурс может быть рассмотрен в качестве «производного» от совместной одновременно или последовательно осуществляемой деятельности определенного или неопределенного множества лиц.

Субъекты юридического дискурса и его разновидностей (подвидов) могут являться субъектами других институциональных дискурсов, соотносимых с юридическим дискурсом. Например, глава государства, депутаты парламента могут быть рассмотрены в качестве субъектов и юридического, и политического дискурсов. Эксперты-лингвисты, осуществляющие научную экспертизу законопроекта, являются субъектами научного дискурса. Вовлечение того или иного субъекта в юридический дискурс обусловлено взаимосвязью дискурсов и функциональной ролью субъекта в соотносимых дискурсивных практиках.

Субъекты, не имеющие какого-либо прямого отношения к юридическому дискурсу, но на какое-то время вовлеченные в сферу его действия, также исполняют обусловленные данным дискурсом функциональные роли, как правило, связанные с реализацией функций публичной власти, соблюдением правовых правил.

Различаются разновидности (подвиды) юридического дискурса частными целями (задачами) и функциями, объектом и предметом отношений, составом участников, коммуникативными стратегиями и средствами, жанровой дифференциацией порождаемых текстов и ритуалами их создания, символами-идентификаторами (дискурсивами, персонами), ситуационными и событийными контекстами, преобладающими лексическими регистрами.

3.3. Роль текста закона в русскоязычном юридическом дискурсе и во взаимосвязи его разновидностей

Как в правотворческом, так и правореализационном дискурсах проявлена сущность права и его императивно-регулирующая функция. Первостепенную роль в моделировании и упорядочивании процессов правотворчества и правореализации выполняет принятие и применение **текстов законов**, занимающих доминирующее положение в русскоязычном внутривнутригосударственном юридическом дискурсе и имеющих наибольшую значимость, приоритет («наивысшую юридическую силу») по сравнению с другими юридическими текстами.

Тексты законов и их содержательная составляющая есть одновременно продукт законотворческого и в целом юридического дискурса, средство правового регулирования (регулятор) общественных отношений, форма воплощения юридического дискурса и его разновидностей (подвидов). В пределах юридического дискурса тексты законов взаимосвязаны не только друг с другом, но и с иными правовыми текстами, которые рассматриваются по отношению к законам в качестве юридически подчиненных, «подзаконных» (указы, постановления, распоряжения и др.) и в совокупности с которыми законы образуют единое пространство правовых текстов.

Тексты законов являются промежуточным звеном между правом – абстрактной (идеальной) моделью общественных отношений («идеалом истины и нравственного блага» [Юртаева, 2010, с. 83]) и многофакторной реальностью. В тексте закона происходит первичная репрезентация этой идеальной модели, в связи с чем правовое правило может быть рассмотрено в качестве правотворческой текстовой вариации данной модели.

При применении положений закона на практике, в силу субъективных причин (различных интерпретаций правовых норм, правил и алгоритмов действий), а также объективных обстоятельств («исторически меняющегося социального контекста действия права» [Зорькин, 2011, с. 125], нюансов конкретных ситуаций, событий; периода, прошедшего со времени принятия закона; изменения жизненной ситуации или непредвиденного исхода события, наступление и течение которых регулируются данным законом), происходит достраивание проектируемого мира, образуется множество дискурсивных

правореализационных вариантов, одновременно отражающих как абстрактную модель, так и ее вариацию, представленную в тексте закона. Такие варианты могут быть рассмотрены в качестве продуктов судебного либо правоприменительного дискурсов.

Например, Конституционный Суд Российской Федерации, принимая решение по тому или иному делу (разумеется, речь идет о конкретных судьях, принимающих решение), одновременно оценивает несколько смыслов: (а) буквальный смысл рассматриваемого закона; (б) смысл, придаваемый данному закону официальным и иным толкованием; (в) смысл, придаваемый этому закону в результате сложившейся правоприменительной практики; (г) смысл, образуемый исходя из места данного закона в системе правовых актов, взаимосвязи положений разных законов с точки зрения системного анализа, определяющего правового значения.

Судебный интерпретационный документ существует в юридическом дискурсе одновременно с законом, норма которого толкуется. Выявленный судом смысл законодательной нормы, отраженный в судебном документе, является в юридическом дискурсе с момента опубликования данного судебного документа общеобязательным, окончательным и не подлежащим обжалованию, обладает ограничительным характером, поскольку исключает любое иное официальное толкование. Последующие судебные решения в истолковании, отличном от выявленного конституционно-правового смысла, либо отменяются, либо приводятся в соответствие с выявленным смыслом³.

Как правило, поводом для судебного толкования является обращение субъектов юридического дискурса с вопросом о неопределенности понимания правовой нормы, когда, по выражению С.Г. Воронцова, «пользоваться нормами законов уже невозможно без разъяснений высших судебных инстанций» [Воронцов, 2016, с. 45]. Предметом судебного толкования является разъяснение смысла, содержащегося в положениях закона, спорные формулировки, по-разному понимаемые сторонами судебного разбирательства [Горбаневский, Трофимова, 2021, с. 24-26].

Анализ документов судебного толкования показывает частотность случаев неоднозначной интерпретации оценочных

³ См., в частности: ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», ст. 74; Определение Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности положений пп. 12 п. 1 и п. 3 ст. 164, а также п. 14 ст. 165 НК РФ в связи с жалобой компании «GazpromNefftTradingGmbH» от 30.06.2020 г.

понятий: разнообразие фактических обстоятельств «делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе», а использование оценочной характеристики «преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций». В некоторых случаях содержание оценочных понятий «наполняется» в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и «не является настолько неопределенным, чтобы препятствовать единообразному пониманию и применению этих положений»⁴.

Как отмечает один из судей Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиев, конституционные права человека не находятся в иерархии, равноценны, однако, на практике, когда возникает спор между лицами – носителями антинормативных прав, высшие суды решают дело ситуационно, возвеличивая одно право над другим: в одном случае – право на свободу выражения мнения, в другом – социальные функции СМИ, в третьем – право на неприкосновенность частной жизни [Гаджиев, 2018].

В правореализационном дискурсе могут быть обнаружены и различные «дефекты» законов, не позволяющие задуманным образом регулировать общественные отношения и доводить до должного результата программы поведения субъектов юридического дискурса. На наш взгляд, к таким дефектам могут быть отнесены: неполнота, дублирование или избыточность правового регулирования; отсутствие понятия, отражающего то или иное явление; противоречие между нормами одного закона или нормами разных законов; нарушение единства понятийно-терминологической системы; нежелательное искажение (сужение или расширение) смысла текста при толковании.

Нередко дефекты, а также выбор в пользу того или иного понимания нормы закона обуславливают последующую корректировку текста закона, т.е. правоприменительный и судебный дискурсы (многофакторная реальность) влияют на законотворческий дискурс и развитие представления об идеальной правовой модели общественных отношений (схема 1). Такой подход согласуется с точкой зрения немецкого социолога Н. Лумана, согласно которому правовая система одновременно характеризуется «нормативной замкнутостью» и «когнитивной открытостью», способностью изменяться, «самокорректироваться» под воздействием социальной практики [Luhmann, 2004; Тухватуллина, 2017, с. 178-188].

⁴ См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 21.02.2008 № 120-О-О

Схема 1. Роль текста закона во взаимосвязи разновидностей юридического дискурса

<i>Право</i>	<i>Текст закона</i>	<i>Многофакторная социальная практика</i>
<p>Абстрактная идеальная (необходимо должная) правовая модель социальных отношений и построения действительности, развиваемая под воздействием общей теории государства и права, а также социальной практики</p>	<p>Правотворческая вариация абстрактной идеальной (необходимо должной) правовой модели, трансформируемая с учетом социальной практики</p>	<p>Правореализационные (правоприменительные и судебные) варианты ($v^1, v^2, v^3, \dots, v^n$) реализации абстрактной идеальной (необходимо должной) правовой модели и ее правотворческой вариации, влияющие на понимание нормы права и нормы закона</p>
<p><i>Правотворческий дискурс</i></p>	<p><i>Правореализационный дискурс</i></p>	

Юридический дискурс

Созданная и непрерывно развиваемая законодательная система, в составе которой и федеральные, и региональные законы, несмотря на установленную возможность двуязычия (многоязычия), формируется главным образом на русском языке. В связи с этим и полноценное функционирование в российском юридическом дискурсе законодательных текстов, а также подзаконных текстов, являющихся составной частью правовой системы, возможно именно на русском языке. Приоритет того или иного языка проверяется объемом его употребления, как законодательно моделируемым, так и фактически сложившимся, а востребованность языка в правотворческом дискурсе обуславливает востребованность этого языка в дискурсе правореализационном.

3.4. Адресанты и адресаты текста закона

В настоящей работе по отношению к группе субъектов законотворческого дискурса, выполняющих какие-либо функции по разработке, рассмотрению и принятию текстов законов, моделированию пространства законодательных текстов, стереотипов дискурсивного поведения и сценариев коммуникативных ситуаций, в рамках которых происходит порождение и реализация права, используется понятие **адресант закона**.

В научных и иных текстах применяются понятия *законодатель, законотворец, парламентарий*. Объем используемого понятия «адресант» не совпадает с объемом указанных понятий, поскольку понятия *законодатель, законотворец, парламентарий* применяются для обозначения отвлеченного и обобщенного образа субъектов законотворческого (парламентского) дискурса, наделенных полномочиями по рассмотрению и принятию закона, то есть, по сути, только для наименования депутатов парламента и сенаторов. В частности, данное значение проявляется в таких выражениях, как *законодатель отменил заемный труд, новые решения законодателя, замысел законодателя, новый подход законодателя* и т.п. Понятие «автор закона» не синонимично понятию «адресант», поскольку применимо к субъектам (юристам), разработавшим исходный текст закона.

По отношению к группе субъектов правореализационного дискурса, на которых направлен в своем воздействии текст закона и законодательное текстовое пространство в целом, которые осуществляют интерпретацию закона, исполняют заданные в тексте закона поведенческие установки (программу действий), используется понятие **адресат закона**.

Адресанты и адресаты закона могут быть исследованы, как минимум, с учетом двух подходов.

С одной стороны, в качестве персонажей – участников правотворческих и правореализационных ситуаций юридического дискурса, моделируемых с помощью текстов законов. Г.А. Гаджиев называет моделируемые образы субъектов фикциями, подчеркивая, что «в юридическом мире человек исчезает как личность, остается “лицо”», маска участника правоотношений [Гаджиев, 2017, с. 8].

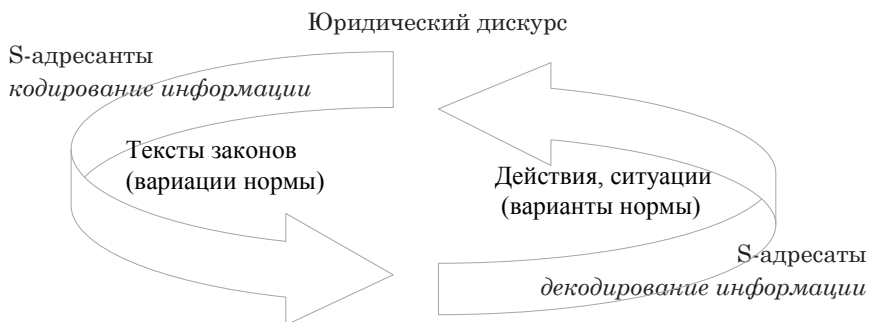
С другой стороны, говоря о субъектах-адресантах и субъектах-адресатах, мы имеем в виду адресантов и адресатов текста закона как речевого произведения. В широком смысле потенциальным адресантом является любой, кто непосредственно или

опосредованно участвует в порождении закона и трансляции норм, возможным адресатом – любой, кто обращается к тексту закона и его содержанию как объекту восприятия и осмысления (слушающий, читающий, реализующий на практике законодательную норму).

Между адресантом и адресатом (реципиентом) закона осуществляется незримый коммуникативный диалог, направленный на трансляцию/восприятие юридически значимой информации о должном поведении и о последствиях нарушения правовых правил, а также на формирование определенного отношения к закону и его атрибутам: общеобязательности, концептуальности, силе, ценности и др. Текст закона при этом выполняет функцию посредника межличностной коммуникации.

Адресанты и адресаты своими решениями и действиями, в том числе речемыслительными (кодирование/декодирование информации), не только конструируют юридический дискурс, но и обеспечивают его развитие. Благодаря исполнению данными субъектами своих функций осуществляется первичное и вторичное проявление модели регулирования социальных отношений: в первом случае – адресантами (субъектами правотворческого дискурса) в законодательном тексте в виде вариации правовой нормы, во втором случае – адресатами (субъектами правореализационного дискурса) при восприятии и интерпретации текста закона, применении на практике его положений в виде вариантов правовой нормы (схема 2).

Схема 2. Межсубъектное взаимодействие адресантов и адресатов текста закона

Поскольку для формирования представления об адресате закона (реципиенте) необходимо отдельное детальное исследование параметров дискурса порождения подзаконных актов нормативного характера, правоприменительного и судебного дискурсов, а также нормореализационных дискурсивных практик, в дальнейшем, говоря об адресате закона, мы подразумеваем адресата как персонажа моделируемых ситуаций юридического дискурса либо общие правила восприятия и осмысления текста.

При этом, с опорой на труды [Звегинцев, 1973; Лурия, 1979; Гальперин, 1981; Выготский, 1982; Жинкин, 1998; Новиков, 1983; Бельдиян, 1993], сделаем акцент на том, что текст закона, как и любой иной текст, воспринимается и осмысливается адресатом сквозь призму мировоззрения и индивидуального речемыслительного опыта, сформированной способности воспринимать и осмысливать «типовые смысловые блоки текста» [Шаклеин, 2018, с. 555]. «Смыслы, которые субъект понимания приписывает объекту понимания, он черпает из своего внутреннего мира – мира индивидуального сознания, образующего основу понимания» [Гаджиев, 2019, с. 43].

Адресат-реципиент закона, как правило, не видит многослойность подтекстов закона (экономического, политического и др.), не осознает системные связи разных законов, законов и подзаконных актов, правила, установленного в законе, и его реализаций на практике (между вариацией и вариантами), не воспринимает текст закона как дискурсивный феномен, его сущностную основу и конечную цель.

Затрудняют понимание закона многокомпонентность терминов, сложная синтаксическая структура текста, множество причастных и иных оборотов, многоэлементных перечней [Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа/А.В. Кнутов, С.М. Плаксин и др., 2020]. Скопление отглагольных, абстрактных (отвлеченных), собирательных существительных, причастий и прилагательных, повтор одних и тех же понятий не только затрудняют процесс понимания правовой нормы, но и «нейтрализуют» осмысление прочитанного.

Для того чтобы понять норму (текст), нужно не раз остановиться при прочтении закона и вернуться к ранее прочитанному, трансформировать шаблонные конструкции, преобразовать именные цепочки в глагольные. В качестве причины «недоступности законодательного текста для понимания» называются игнорирование коммуникативных интересов адресатов, установка

на намеренное отстранение от участия в деловой коммуникации «непосвященных» [Федосюк, Бакланова, 2017, с. 146-147].

Чем более адресат отстранен от сугубо юридической сферы общения, тем менее осмысленны функциональные, структурные и содержательные особенности законов. Чем меньше адресат понимает пресуппозицию закона, тем более фрагментарно и буквально он истолковывает его норму, воспринимая используемую лексику в общеупотребительных значениях. Наиболее неопределенными, неточными и вариативными воспринимаются неконкретные, нечеткие правовые нормы, абстрактная и оценочная лексика, клише (*достаточные основания, в разумный срок, значительный ущерб*), см. подробнее: [Батюшкина, 2021(а)].

Варьирование в виде сужения или расширения правовой семантики, совершенно недопустимое с точки зрения необходимости точной и однозначной интерпретации законодательной нормы, имеет для адресата закона субъективное обоснование, поскольку благодаря до-осмысливанию информация воспринимается адресатом в виде целостной и завершенной, соотносится с реальными ситуациями и событиями.

О том, что такие варианты не только возможны, но и допустимы при толковании и применении закона, свидетельствует, в частности, позиция Конституционного Суда Российской Федерации, который (в лице представителей-интерпретаторов) проверяет конституционность положений закона, оценивая не только их буквальный смысл, но и смысл, придаваемый данным положениям официальным и иным толкованием в судебных решениях по конкретным делам, сложившейся практикой, а также исходя из места законодательных норм в общей системе правовых норм⁵.

⁵ См., в частности, постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2021 № 3-П.

Выводы по главе I

Юридический дискурс представляет собой системно-когнитивно-коммуникативную реализацию моделирования и типовой (необходимо должной) интерпретации императивного государственно-правового регулирования общественных отношений. Развитие юридического дискурса основано на взаимообусловленных процессах: с одной стороны, на создании и трансляции общеобязательных правил и алгоритмов действий, изложенных в виде правовых норм с помощью вербальных и невербальных средств; с другой стороны, на применении данных правовых норм (правил и алгоритмов действий) в конкретных ситуациях, создании текстов, которые шаблонизируют и детализируют такое применение.

С учетом дихотомии «правотворчество – правореализация» выделяются следующие разновидности (части) внутригосударственного юридического дискурса: *правотворческий дискурс*, в рамках которого осуществляется создание текстовых источников правовых норм, содержащих общеобязательные правила поведения и систему координат применения норм права на практике, и *правореализационный дискурс*, который предполагает интерпретацию данных текстовых источников и упорядоченное, инструктивное применение содержащихся в них правовых норм, а также создание текстов, которые развивают содержание источников права, но не являются нормативными.

В силу конкретных задач и функционального статуса субъектов правотворчества и правореализации, а также порождаемых текстов и ситуаций в структуре правотворческого дискурса могут быть выделены (подвиды): *законотворческий дискурс и дискурс порождения подзаконных актов нормативного характера*; подвидами правореализационного дискурса являются *правоприменительный и судебный дискурсы*. Юридический дискурс и его разновидности (подвиды) характеризуются свойством интердискурсивности, поскольку юридический дискурс выделяется наряду с другими типами институциональных дискурсов, разновидностями и подвиды юридического дискурса являются неотъемлемыми составными частями общего институционального пространства.

Достижение задач юридического дискурса и его разновидностей (подвидов) предполагает наличие *доминантной законодательной текстосферы*, создаваемой в рамках законотворческого

дискурса с учетом сложившихся традиций, типовых правил, моделей и понятийно-терминологического аппарата на *языке*, который наделяется в юридическом дискурсе определенным статусом (государственного, общегосударственного, межнационального языка) и является приоритетным при реализации дискурсивных функций, в официальной коммуникации. Российский внутригосударственный юридический дискурс и его разновидности (подвиды), несмотря на законодательно установленную возможность создания и трансформации доминантной законодательной текстовой среды на русском языке и других языках народов Российской Федерации, развивается, прежде всего, на русском языке, а потому может быть рассмотрен в качестве русскоязычного.

Исследование юридического дискурса и его разновидностей (подвидов) с точки зрения субъектного, объектного, предметного, процессуального параметров позволяет охарактеризовать: *сферу институционального дискурса* – аспекты жизнедеятельности, регулируемые дискурсивными нормами; *состав участников дискурсивного общения*, наделенных тем или иным функциональным статусом; *дискурсивные поведенческие акты* – модели решений, действий (бездействия) участников дискурсивного общения в различных обстоятельствах дискурса; *систему понятий и в целом язык дискурса* – средства изложения дискурсивно значимой информации; *модели текстов* различного функционального и формально-содержательного наполнения; *ценностно-идеологические установки* (институциональные традиции, принципы, цели и задачи).

Глава II.

Текст закона в аспекте параметризации законотворческого дискурса

§ 1. Субъектно-процессуальный параметр законотворческого дискурса

Законотворческий дискурс представляет собой подвид юридического (правотворческого) дискурса, в рамках которого осуществляется создание с помощью вербальных и невербальных средств текстовых источников правовых норм и трансляция типовых общеобязательных правил и алгоритмов действий, упорядочивающих должным образом общественные отношения. Назначение процесса создания закона – выработка и утверждение норм, имеющих доминирующее значение в правовой системе; другие проявления правотворческой деятельности состоят в отмене и изменении действующих норм, их совершенствовании по установленным правилам [Любимов, 2009, с. 8; Рассказов, 2009, с. 212].

Законотворческий дискурс условно завершается процедурой принятия неоднократно и разноаспектно рассмотренного текста закона на заседании парламента, подписанием закона уполномоченным субъектом и официальным опубликованием. После вступления закона в юридическую силу (в общем или особом установленном порядке) начинается правореализационный этап бытования текста закона в пространстве юридического дискурса.

1.1. Институционально-процессуальные факторы создания закона

Без волевых решений и реализующих их ритуально-символических действий субъектов законотворческого дискурса, обусловленных задачами как правотворческого, так и правореализационного дискурсов, невозможно ни появление, ни существование триады «текст закона – система текстов законов (система законодательства) – пространство юридического дискурса».

К наиболее значимым «строгим процедурам» [Помигуев, Алексеев, 2020], обуславливающим межсубъектное взаимодействие в границах дискурса, своего рода институционально-процессуальным доминантным факторам законотворческого дискурса, могут быть отнесены общетиповые **решения** и корреспондирующие им **действия**⁶:

- решение о необходимости регулирования или корректировки регулирования какой-либо сферы (аспекта) отношений и дополнении системы законов новым законом (либо дополняющим данную систему новыми нормами, либо изменяющим существующие нормы, либо исключаящим нормы из системы) – разработка предварительного варианта текста закона, учитывающего законопроектную концепцию, правила вступления закона в юридическую силу и адаптации в юридическом дискурсе (с определенных даты, периода времени или события); разработка текстов «сопровождающих» документов (пояснительной записки к законопроекту и др.);

- решение о проведении экспертизы законопроекта для уточнения текста в соответствии с экспертными рекомендациями – проведение различных видов экспертиз законопроекта (лингвистической, правовой, юридико-технической, антикоррупционной, финансово-экономической, научной и др.) – подготовка экспертных заключений с рекомендациями о частичной доработке либо комплексной переработке текста – доработка или переработка текста при принятии решения об учете экспертных рекомендаций;

- решение о поэтапном рассмотрении текста законопроекта в предметно-отраслевых комитетах и на заседаниях парламента, «общественном обсуждении», доработке текста с учетом предложений, высказанных во время парламентских «чтений», – поэтапное обсуждение законопроекта – доработка текста между «чтениями» с учетом предложений и дополнительных (повторных) экспертиз;

- решение о принятии закона – принятие закона в целом или с итоговыми правками, корректирующими его текст

⁶ Порядок институционально-процессуальных решений и действий отражен в правовых текстах. В частности, специфика федеральной законотворческой практики представлена в Конституции РФ (статьи 104 – 108), федеральных законах «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ», «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ», постановлениях палат Федерального Собрания «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ», «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания РФ».

(голосование «за» закон на заседании парламента); в двухпалатном парламенте: решение об одобрении или отклонении принятого закона – одобрение или отклонение закона;

- решение о подписании (утверждении) либо об отклонении закона, публикации закона в случае утверждения – подписание (утверждение) либо отклонение закона субъектом, наделенным данными функциями, – в случае утверждения: опубликование – начало регулирования корректируемой сферы (аспекта) общественных отношений по установленным с помощью нового закона правилам (с определенных даты, периода времени или события).

Отметим, что в научно-правовом дискурсе в связи с осуществлением различных институциональных действий, связанных с разработкой и принятием законопроекта, высказываются вариативные позиции об основных и дополнительных стадиях законодательного процесса, а также о том, какой юридический факт является исходной (начальной) стадией законотворчества. В частности, Ю.А. Тихомиров, наряду с подготовкой законопроекта, рассмотрением и принятием закона, полагает необходимым выделять предваряющую стадию анализа и выявления законодательных проблем [Тихомиров, 1982, с. 35]. А.Н. Артамонов законодательную инициативу, обсуждение законопроекта, принятие закона, подписание и обнародование закона относит к основным стадиям, экспертизу – к дополнительной [Артамонов, 2011].

Конкретная специфика институциональных решений и действий может зависеть от положения принимаемого законопроекта – будущего закона в иерархии законодательных текстов. Например, федеральные конституционные законы, в отличие от «обычных» федеральных законов, принимаются не простым, а «квалифицированным» большинством голосов субъектов законотворческого дискурса (не менее 2/3 от общего числа депутатов Государственной Думы и не менее 3/4 от общего числа сенаторов Российской Федерации), а также не могут быть отклонены Президентом Российской Федерации. В региональных парламентах квалифицированным большинством субъектов дискурса принимаются законы, признаваемые основополагающими (региональные конституции, уставы, уложения, конституционные законы), либо поправки к ним.

Указанные факторы могут быть рассмотрены с позиции однократности/многократности. Например, волевые решения и действия депутатов являются однократными по отношению

к определенному закону и неоднократными (повторяющимися, системными) в законотворческом дискурсе по отношению ко множеству законов. В процессе применения законодательных норм решения и действия субъектов правореализации (адвокатов, прокуроров, судей и т.д.) также являются как однократными, так и многократными.

Сделаем акцент на том, что законотворческие решения и действия, отражающие традиции создания законодательных текстов, основываются на предшествующем законотворческом и в целом правотворческом опыте, который принадлежит множеству субъектов. Можно сказать, что традиции представляют собой одновременно и результат, и модель для последующего воспроизведения, сценарии поведения субъектов законотворческого дискурса. Такие традиции закреплены в правовых текстах в виде обязательных правил. Например, в законах установлены порядок принятия поправок к Конституции Российской Федерации (Федеральный закон «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации»), сферы использования русского языка как государственного (Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»).

Важность традиций проявляется и в том, что нарушение регламентированного институционального процесса принятия или опубликования закона приводит к признанию такого закона «не имеющим юридической силы», то есть не порождающим юридических последствий и подлежащим исключению из пространства «действующих» (значимых для юридического дискурса и порождения дискурсивных актов, имеющих «юридическую силу») законов.

Анализ традиций показывает, что к таким нарушениям относятся: несоблюдение личного участия депутата в голосовании за закон; проведение голосования при отсутствии необходимого кворума (количества депутатов); неофициальное изменение текста закона после его принятия; неопубликование какой-либо части текста закона, приложения к нему; нарушение временных границ опубликования и вступления закона в силу (например, вступление закона по вопросам защиты прав и свобод человека ранее чем через десять дней после дня его официального опубликования).

При этом нельзя назвать обозначенные факторы и традиции «застывшими». Для порождения и бытования текстов законов немаловажны особенности формирующегося с конца XX века

виртуального сетевого пространства, «оцифрованной информации» (понятие: [Рахинский, 2018]), с учетом которых модифицируется практика законотворчества. Информационные технологии не только увеличивают скорость законотворческого процесса, но и обуславливают развитие новой формы законодательного текста – электронной, а также облегчают ориентацию адресата в разрастающемся пространстве законодательных текстов.

Методологически парламент представляет собой «малый мир» с устойчивой структурой персонального состава и высоким уровнем институционализации [Помигуев, Фомин, Мальцев, 2021, с. 31], в котором компетенции субъектов являются юридическим выражением их функций [Булаков, 2003, с. 21]. В зависимости от последовательности и характера принимаемых решений и совершаемых действий субъекты законотворческого дискурса относятся к одной из двух групп: *либо адресантам, реализующим функцию текстотворчества*, имеющим непосредственное отношение к подготовке текста законопроекта (авторы – разработчики текста закона; эксперты, оценивающие качество законопроекта и вносящие предложения по его доработке; иные лица, предлагающие свои уточнения к тексту в процессе обсуждения); *либо адресантам, реализующим функцию текстосимволизации* (субъекты права законодательной инициативы; субъекты, принимающие законы; субъекты, одобряющие законы; субъекты, подписывающие (утверждающие)/отклоняющие законы) [Батюшкина, 2017(б)].

Последовательное выполнение разными субъектами статусно-функциональных ролей при подготовке и принятии закона в законотворческом дискурсе, а также иерархическое соотношение субъектов можно изобразить в виде следующей схемы:

Схема 3. Субъекты-адресанты закона

1.2. Субъекты текстотворчества

Авторами – разработчиками «исходного» текста законопроекта, как правило, являются юристы, не только ориентирующиеся в системе законодательства, нормах права, но и обладающие специальными законотворческими знаниями и навыками, опытом толкования закона, языковой и речевой компетенциями. В русскоязычном юридическом дискурсе специальное наименование, отражающее ключевую функцию и компетенции юриста – разработчика закона, не используется.

Создавать и в дальнейшем преобразовывать текст закона может как один и тот же автор-разработчик, так и разные. Например, текст базового закона может быть написан одним автором, а осуществляют его дальнейшее видоизменение посредством принятия серии трансформирующих законов – другие, обладающие иными законотворческими знаниями и опытом, языковыми и речевыми компетенциями.

Обязательным условием создания закона является его письменное (печатное) оформление. Недостаточное внимание к особенностям построения законодательных текстов, игнорирование норм и правил языка, порядка слов, выполняющего смыслообразующую роль в предложении, свободное присоединение не всегда сочетающихся слов и компонентов предложения могут привести к появлению синтаксических конструкций, затрудняющих восприятие и интерпретацию правовой нормы или обуславливающих ее неточное/вариативное/неверное истолкование. Особенно в том случае, когда базовый закон претерпевает неоднократные изменения, а имеющиеся и дополняемые положения не сопоставляются и не корректируются.

В этой связи согласимся с Н.Д. Голевым в том, что юрист – автор текста закона должен «помимо чувства языка обладать и определенными теоретическими представлениями о роли, устройстве и функционировании естественного языка» [Голев, 1999, с. 28-29]. Сходной точки зрения придерживается Н. Б. Лебедева: специалистам юридического профиля необходимо актуализировать аспект соотношения естественного и специального языков, взаимодействия функциональных стилей [Лебедева, 2000, с. 53].

Жанрово-стилистические особенности организации законодательных текстов не находят достаточного отражения в словарях и учебниках (в отличие от правил грамматики, орфографии

и пунктуации). Представление о данных особенностях формируется, прежде всего, на основе анализа текстов, образующих законодательную базу, особых «коммуникативных режимов функционирования языка» [Падучева, 1996, с. 199], сложившихся традиций правотворчества, отраженных в рекомендациях по написанию законов [Калинина, 1997; Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов, 2013; Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов, 2013, 2021]. При этом нередко «законодатель сам отступает от норм и требований юридического языка, которые считает обязательными» либо приемлемыми [Исаков, 2000, с. 69].

Например, к семантико-стилистической примете законодательных текстов относятся синонимичные предложные конструкции, используемые для выражения значений «зависимости, обоснования, источника» и «соответствия», сравните: *в соответствии со статьей, согласно статье, в силу статьи, на основании статьи*. Одинаковые конструкции нередко употребляются в одном предложении: *В соответствии с Конституцией Российской Федерации деятельность органов государственной власти субъекта Российской Федерации осуществляется в соответствии со следующими принципами <...>⁷*. Однако, какой фактор является определяющим при выборе той или иной конструкции: субъективный (авторские предпочтения), семантический, стилистический, дистрибутивный или фактор частотности, – этот вопрос до настоящего времени не раскрыт и требует специального изучения.

Другой пример. В процессе экспертного анализа приложения к закону «О номерах и границах судебных участков мировых судей Омской области» мы отметили различное сочинительное и пунктуационное оформление однотипных конструкций, с помощью которых описываются границы судебных участков, сравните:

а) *от пересечения бульвара Архитекторов с улицей 70 лет Октября, по улице 70 лет Октября* (пункт 49) – *от пересечения улицы 24-й Рабочей с улицей Хабаровской по улице Хабаровской* (пункт 66);

б) *от пересечения проспекта Мира и улицы Доковской, по улице Доковской* (пункт 110) – *от пересечения улицы Нефтезаводской и проспекта Мира по проспекту Мира* (пункт 80);

в) *от пересечения улиц 5-й Северной и Красный Пахарь, по*

⁷ ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», ст. 1.

улице *Красный Пахарь* (пункт 94) – от пересечения улиц *Энергетиков* и *Энтузиастов* по улице *Энтузиастов* (пункт 83).

При восприятии и интерпретации данных положений можно сделать неоднозначный вывод: либо о нарушении правил русского языка (и необходимой в таких случаях корректировке), либо о преднамеренно разном оформлении, обусловленном семантикой используемых конструкций.

В некоторых случаях ошибки обусловлены незнанием автором законопроекта фактической информации. Например, в 2009 году Президентом Российской Федерации был отклонен закон «О создании и упразднении некоторых районных (городских) судов Оренбургской области», принятый Государственной Думой и одобренный Советом Федерации. Причиной отклонения стала ошибка, в результате которой вместо верных наименований *Асекеевский район* и *Асекеевский районный суд* в тексте использовались наименования *Алексеевский район* и *Алексеевский районный суд*⁸ (которые, видимо, в силу привычности и частотности употребления показались разработчикам законопроекта верными).

Наряду с текстом законопроекта автор-разработчик подготавливает по определенным шаблонам тексты сопровождающих документов к проекту: пояснительной записки, содержащей обоснование необходимости принятия закона, его концепцию, общую характеристику, предмет регулирования; финансово-экономического обоснования, в котором поясняется, потребует или не потребует принятие закона финансирования из бюджета; списка разработчиков; перечня законов, в которые потребуется внести изменения, обусловленные принятием нового закона, либо которые необходимо будет принять, приостановить или признать утратившими силу.

Авторы-разработчики не только создают тексты законопроектов и сопроводительных документов, но и транслируют правила передачи юридически значимой информации, которые в виде обобщенных моделей (прототипов, допускающих вариации) используются при создании новых законов. Авторы-разработчики законов субъектов Российской Федерации, воспроизводя нормы федеральных законов в текстах региональных законов, калькируют как нормативные положения, так и форму

⁸ См. примеры в «Системе обеспечения законодательной деятельности» http://sozd.parlament.gov.ru/other_document/0BB47200-A195-44A7-9A5C-6C8E64AAD307 (Дата обращения: 15.02.2022 г.).

их представления, принятые «условности, возведенные в норму» [Голев, 1999, с. 29]. Эти правила распространяются и на процесс подготовки сопроводительных документов. В связи с чем можно сказать, что авторы-разработчики общегосударственных законов порождают не только федеральные, но и региональные законодательные тексты и традиции модельного законотворчества (отличные от федеральных, но производные от них).

Полагаем, что в спорных случаях оформления текста и выражения правовой семантики авторы-разработчики ориентируются на сложившуюся законотворческую практику, отраженную в ранее принятых текстах законов, судебную практику, выводы экспертизы.

Эксперты, своего рода «первые критики» закона, осуществляют правовую, юридико-техническую, антикоррупционную, лингвистическую, педагогическую, научную и другие виды экспертиз, как до, так и после внесения текста законопроекта на рассмотрение депутатов парламента. Несмотря на то, что у каждого вида экспертизы своя предметная специфика, в целом всесторонний разнопредметный анализ законодательного текста направлен на устранение дефектов изложения правовой мысли.

«Экспертное исследование опирается на уже известные научные факты и измерительные процедуры и представляет собой их непосредственное применение при решении конкретных практических задач», поэтому экспертиза как инструмент познания «предполагает ориентацию, прежде всего, на компетентность и опыт специалиста-эксперта, личность которого и является главным «инструментом» исследования» [Лактионова, 2008, с. 20-21]. Согласимся с мнением И.Т. Касавина о том, что экспертные знания – это «не столько особый вид знаний, сколько особый вид организации и применения знаний»; эксперт высказывает свое мнение перед тем, кто так или иначе признает авторитет эксперта и принимает мнение эксперта на веру [Касавин, 2009].

В общем смысле под экспертом понимается лицо, обладающее специальными знаниями и умениями в определенной области, назначаемое или приглашаемое для производства экспертизы и подготовки заключения по заранее поставленным вопросам. К особенностям работы эксперта относятся высокий уровень знаний, отличающий эксперта от специалиста по соответствующему направлению, в том числе знание методологии экспертного исследования, самостоятельность проведения экспертизы, независимость взглядов и экспертного мнения, ответственность за

полученные в результате проведенной экспертизы выводы, обоснованность и объективность выводов ([Голев, Матвеева, 2006; Касавин 2009; Катышев, Осадчий, 2020; Россинская, Галяшина, 2011; Россинская, 2022; Чернышова, 2016] и др.).

Экспертное исследование позволяет подойти к содержанию закона и его оформлению с различных позиций, оценить необходимость и своевременность принятия закона, целесообразность и эффективность средств (которые были использованы при создании текста законопроекта для того, чтобы выразить предполагаемую идею будущего закона), выявить ошибки, непоследовательность, пробелы, неточности, противоречия предполагаемого регулирования и, при необходимости, высказать рекомендации об исправлении, уточнении, дополнении текста законопроекта либо о необходимости его кардинальной переработки. В этой связи эксперт может быть рассмотрен в качестве соавтора текста законопроекта.

В некоторых случаях эксперт действует на грани интуиции, поскольку для того, чтобы сделать необходимый вывод о качестве закона, целесообразности выбранных средств, необходимо, с одной стороны, провести всесторонний анализ текста во взаимосвязи с пространством законодательных текстов. С другой стороны, отвлечься от конкретной нормы закона и создать обобщенную связь с действительностью, теоретически предвосхитить неоднозначное, ошибочное толкование нормы, обдумать возможные сценарии ее реализации, предвидеть негативные последствия, к которым может привести реализация вариативного толкования.

Другими словами, эксперт, выполняя свою функцию в изменении законотворческого дискурса, прогнозирует последствия толкования и применения закона в правореализационном дискурсе, а специфика его деятельности носит прогностический характер. При этом подтвердить или опровергнуть выводы эксперта о правильности и целесообразности выбранных средств может только правоприменительная или судебная практика, в процессе которой полученный результат (фактическое регулирование) сопоставляется с замыслом.

Поскольку эксперт рассматривает текст закона в реальной (как он есть) и идеальной перспективе (каким он должен быть), от его профессиональных компетенций зависит выбор критериев экспертной оценки текста законопроекта, обоснованность выводов и экспертных рекомендаций, в конечном счете, качество

закона, которым предполагается регулировать те или иные аспекты общественных отношений.

От выводов и рекомендаций экспертов-лингвистов зависят не только отсутствие ошибок и опечаток, но и ясность, точность, определенность, логическая последовательность изложения правовой мысли, соответствие закона тому или иному жанровому типу и законодательному стилю в целом. С точки зрения В.Б. Исакова, именно на этапе лингвистической экспертизы законопроекта выявляются некорректное использование терминологии, безосновательное введение новых терминов, их многозначность, нелогичность, сложность текста [Исаков, 2000, с. 73].

По словам А.М. Плотниковой, эксперт-лингвист «относит исследуемый текст к той или иной жанровой форме, выявляет языковые особенности, свойственные видовому классу документов, и рассматривает те языковые черты, которые не определяются аналогами и характеризуют только исследуемый документ» [Плотникова, 2016, с. 40]. В отдельных случаях сопоставление текстов для установления их различий или тождества становится целью проведения экспертизы (Там же, с. 40-41).

Авторы «Методических рекомендаций по лингвистической экспертизе законопроектов», разработанных в Государственной Думе⁹, отмечают, что лингвистическая экспертиза «заключается в приведении языка и стиля законопроекта в соответствие с нормами современного русского литературного языка, выявлении разнобоя в терминологии, соотнесении терминов законопроекта с терминами, применяемыми в законодательстве, устранении

⁹ Обратим внимание на то, что в сводных заключениях правового управления Государственной Думы, содержащих результаты правового, юридико-технического и лингвистического анализов текстов законопроектов, используются различные понятия: редакционная доработка, лингвистическая доработка, редакционная и лингвистическая доработка, правка лингвистического характера, лингвистическая правка, правка редакционного и лингвистического характера, лингвистическая правка. См., в частности, заключения Правового управления Государственной Думы:

– от 09.07.1999 № 2.2-15/2353 «На проект ФЗ «О внесении изменений и дополнений в ГК РФ» (III чтение);

– от 23.05.2002 № 2.2-1/625 «По проекту ФЗ № 99113823-2 «О Центральном банке РФ (Банке России)» и проекту постановления Государственной Думы» (III чтение);

– от 10.10.2005 № 2.2-1/2848 «По проекту ФЗ № 213079-4 «О внесении изменений в ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ» (первое чтение);

– от 16.11.2005 № 2.2-1/3418 «По проекту ФЗ № 167438-4 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с созданием Российского международного реестра судов» (к третьему чтению) и др.

логических, технических ошибок, уточнении формулировок и т.п.» (авт. – открытый перечень экспертных задач), а также называют такие «технологические этапы» лингвистической экспертизы, как редактирование, двойная корректорская вычитка, сверка вариантов текста после исправления, контрольное чтение [Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов, 2013, с. 5, 44]. При этом процесс редактирования основывается на «единых рекомендациях по подготовке законопроектов», сутью которых являются четыре основных требования: соблюдение логики изложения правовых норм; отсутствие явных и скрытых противоречий; точность использования юридических и других терминов; соблюдение законодательного стиля, определенности, ясности, краткости (Там же).

В связи с указанными подходами к предмету и задачам лингвистической экспертизы, полагаем, что лингвист, осуществляющий экспертизу проекта закона, должен обладать не только лингвистическими, но и юридическими знаниями либо, как минимум, иметь общее представление о правилах юридической (законодательной) техники. При этом такие критерии, как «*единообразие терминологии*» и «*соответствие юридической технике*», рассматриваются экспертами-лингвистами в составе более общего для них критерия «*соответствие жанру/стилю*», который является доминирующим по отношению к ним и наряду с логико-языковым аспектом структурирует модель процедуры лингвистической экспертизы законодательного текста. См. об этом: [Батюшкина, 2016], приложение «Профессиональная квалификация и компетенции эксперта-лингвиста».

В научно-правовом дискурсе языковые и стилистические особенности оформления закона отнесены к правилам юридической техники [Власенко, 1997; Игнатенко, 1998; Исаков 2000; Капустина, 2016; Крюкова, 2003; Пиголкин, 1972; Прохоров, 2009; Турагин, 2008; Ушаков, 1991; Хабибулина, 1996], поэтому анализ языковых средств является одним из аспектов правовой (юридико-технической) экспертизы, направленной на оценку средств выражения правовой мысли, их соответствия юридико-техническим правилам.

В частности, В.Ю. Турагин полагает, что эксперт-юрист при оценке терминологии законопроекта должен ответить не только на собственно юридические, но и на «междисциплинарные» лингвоюридические вопросы. (Соответствует ли терминология, задействованная в тексте, требованиям, установленным законом

о государственном языке? Является ли терминологический аппарат, используемый в тексте, доступным для понимания рядовым пользователем? Прослеживается ли в терминологическом материале системность? Какие термины задействованы в действующих законах в ином значении, оправдана ли многозначность? Тождественны ли используемые в тексте термины выражаемым понятиям? Лаконичны ли формулировки? Адекватны ли формулировки современным реалиям, нет ли в тексте устаревших терминов? Насколько оправдано употребление иноязычных терминов? Все ли понятия, нуждающиеся в определении, определены, нет ли избыточных дефиниций? Отражают ли дефиниции содержание понятий? Нет ли в тексте различных определений одного понятия?) [Турагин, 2008].

По мнению Н.А. Калининой, лингвистическая экспертиза законопроекта является составной частью правовой, юридико-технической экспертизы и заключается в оценке «стилистического качества законопроекта, соответствия нормам современного русского литературного языка с учетом функционально-стилистических особенностей юридических текстов, их типологической специфики, требований юридической техники, редакционно-технических правил и нормативов», а также в подготовке предложений по доработке текстов и участию в такой доработке [Калинина, 1997, с. 6, 15].

Г.В. Назаренко, А.И. Ситникова обосновывают необходимость «глубинной» законодательно-текстологической экспертизы, позволяющей обнаружить «терминологический произвол», подмену заголовочных терминов текстоидами, дублирующими содержание статьи закона, неточность терминологической синонимии, неоправданное употребление неологизмов и другие дефекты. В качестве компонентов экспертного анализа ученые выделяют тему, отражающую предмет нормативного сообщения (*преступление, наказание, хищение*), ориентирующие элементы в составе определения темы (*есть, то есть, признается*), дескриптивные признаки понятия или предписания [Назаренко, Ситникова, 2022, с. 471, 472].

Поскольку при постановке задач лингвистической и юридико-технической (правовой) экспертиз происходит пересечение предмета данных экспертиз (за счет совмещения понятий, лингвистических или юридических категорий), эксперты рассматривают один объект и сходные критерии (например, единообразие терминологии, внутреннюю непротиворечивость,

отсутствие дублирования информации) с позиций разных дисциплинарных и научных подходов: лингвист – в русле специфики жанра и стиля закона, юрист – с точки зрения законодательной (юридической) техники.

С другой стороны, в силу предметной интерпретации, одно и то же средство может быть оценено по-разному: юристом – как необходимый юридико-технический прием создания правового предписания и дань традиции оформления законодательного текста, лингвистом – в качестве ошибки. О том, что на практике юристы не всегда используют в достаточной мере рекомендации лингвистов [Сплавская, 2014, с. 18], а выводы, полученные в результате лингвоэкспертного исследования, в частности о толковании текста, могут не совпадать с правовой интерпретацией [Плотникова, 2016, с. 38-39], свидетельствуют различные примеры из текстов законов.

Так, в предложении *Правоохранительные органы обязаны предоставлять контрольно-счетному органу информацию о ходе рассмотрения и принятых решениях по переданным контрольно-счетным органом материалам*¹⁰, с лингвистической точки зрения, нарушено согласование между словами *о ходе рассмотрения и принятых решениях по ... материалам (правильно: о ходе рассмотрения (чего? – Р.п.) материалов)*.

В предложении *«На территориях государственных природных заповедников допускаются мероприятия и деятельность, направленные на ... восстановление и предотвращение изменений природных комплексов и их компонентов в результате антропогенного воздействия»*¹¹ союзная связь слов *восстановление и предотвращение изменений*, а также их пресуппозиция по отношению к последующим зависимым словам обуславливают возникновение двух смысловых конструкций: *восстановление природных комплексов и их компонентов в результате антропогенного воздействия / предотвращение изменений природных комплексов и их компонентов в результате антропогенного воздействия*. При этом не учтено, что под *антропогенным воздействием*, как правило, понимаются созданные человеком неблагоприятные условия, оказывающее негативное, разрушающее влияние на природу, а присоединение данного сочетания

¹⁰ ФЗ «О внесении изменений в статьи 3 и 16 ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов РФ и муниципальных образований».

¹¹ ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», ст. 9.

с помощью наречия (предлога) *в результате* приводит к противоречивости высказывания: получается, что благодаря антропогенному воздействию происходит (или итогом такого воздействия является) восстановление природных комплексов и их компонентов либо предотвращение их изменений.

В связи с тем, что в юридическом дискурсе предусмотрена возможность создания и официального опубликования текстов законов на двух и более государственных языках (в республиках), особую значимость имеют профессиональные переводческие компетенции авторов-разработчиков и экспертов, как лингвистов, так и юристов [Исаков, 2000, с. 74-75]. Возникают вопросы о точности перевода, аутентичности текстов, опубликованных на разных языках, официальном статусе «переводного» закона, вторичного по отношению к переведенному; функциональных возможностях конкретного национального языка, наличии в нем средств, способствующих верному выражению правового понятия [Корепанова, 2015, с. 171].

1.3. Субъекты текстосимволизации

Функциональная роль субъектов права законодательной инициативы реализуется в трех ключевых действиях: они наделены правом (а) «вносить» текст законопроекта или законодательное предложение, поправки к рассматриваемому тексту закона в парламент, (б) «представлять» законопроект в парламентских «чтениях» и (в) «отзывать» законопроект, по сути, прекращая процесс его дальнейшего рассмотрения. Никто, кроме субъектов права законодательной инициативы, не может осуществлять названные действия в законотворческом дискурсе.

В Государственную Думу вправе вносить тексты федеральных законопроектов как единоличные, так и коллективные субъекты: Президент Российской Федерации, Совет Федерации, сенаторы Российской Федерации, депутаты Государственной Думы, Правительство Российской Федерации, региональные парламенты, Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации. Данное право закреплено в тексте Конституции Российской Федерации (статья 104). В региональных парламентах право законодательной инициативы принадлежит депутатам данных парламентам, главам регионов, представительным органам местного самоуправления (советам),

региональному правительству и прокурору, а также другим органам власти¹². В некоторых регионах в качестве «коллективного» субъекта права законодательной инициативы позиционируется группа граждан, проживающих на территории данного региона (например, не менее 1 000 человек в Тыве¹³, не менее 25 000 в Тульской области¹⁴).

Право субъектов законодательной инициативы предполагает обязанность иных субъектов законотворческого дискурса принять решения и осуществить действия, предусмотренные институциональным порядком рассмотрения текста закона. Началом реализации права законодательной инициативы считается зафиксированный факт регистрации законопроекта в парламенте, окончанием – включение проекта или законодательного предложения в программу деятельности парламента, «повестку дня» очередного заседания парламента.

Анализ особенностей реализации права законодательной инициативы в рамках законотворческого дискурса, зафиксированный в текстах федеральных и региональных законов, позволяет выделить специфические правила дискурсивного поведения субъектов – инициаторов рассмотрения и обсуждения закона.

Первое – *«правило компетенции»* – распространяется на субъектов, которые ограничены или, наоборот, «выделены» в своем праве той или иной сферой регулирования. Так, проект федерального закона о принятии в состав Российской Федерации нового субъекта вносит Президент России. Законопроекты о бюджете, как и большинство финансовых законопроектов, вносит на рассмотрение парламента правительство. Комитеты парламента, сформированные по предметно-отраслевому принципу, обсуждают законопроекты по профилю комитета: наука, медицина, экономика и т.д.

Отметим, что компетенционность является одним из признаков субъектов юридического дискурса в целом. В частности, суды осуществляют официальное толкование в пределах своей компетенции: Конституционный Суд Российской Федерации наделен правом «излагать свою позицию» по отношению к текстам Конституции Российской Федерации и федеральных конституционных законов, Верховный Суд Российской Федерации

¹² ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ», ст. 10.

¹³ Закон Республики Тыва «О порядке реализации права законодательной инициативы», ст. 1.

¹⁴ Закон Тульской области «О законах области», ст. 3.

толкует законы, принимаемые для регулирования различных сфер общественных отношений; конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации осуществляют официальное толкование норм конституций (уставов) данных субъектов.

Второе – *«правило коллегиальности»* – соблюдается при внесении на рассмотрение парламента законопроектов «особой» важности. Например, поправки в Конституцию Российской Федерации одновременно с Президентом Российской Федерации вносят Совет Федерации, Государственная Дума, правительство, региональные парламента, а также группа численностью не менее 1/5 сенаторов Российской Федерации и депутатов Государственной Думы. Каждый в отдельности депутат или сенатор таким правом не обладает.

Третье – *«правило делегирования»* – функция представления законопроекта в парламенте поручается конкретному должностному лицу. Другими словами, если законопроект вносится группой депутатов коллегиально, то такой проект представляет один из депутатов данной группы; если законопроект вносится правительством, то он подготавливается юристами профильного министерства, а представляется руководителем (уполномоченным субъектом) этого министерства.

И, наконец, – *«правило первоочередности»* – в ускоренном режиме и первоочередном порядке рассматриваются законопроекты, которым придается особая социальная значимость. Такие законопроекты, как правило, вносятся в парламента главой государства (в регионах – главой субъекта федерации).

Закон считается законом только в том случае, если принят специально созданным субъектом законотворческого дискурса – органом «народного представительства» (парламентом), реализующим законодательную функцию [Брызгалов, 2009, с. 3].

К субъектам, наделенным правом принимать закон, относятся коллегиальные органы власти: на общегосударственном уровне – общегосударственный парламента (*Федеральное Собрание*); на уровне субъектов федерации – региональные парламента. В составе наименования регионального парламента употребляются понятия *Дума*, *Совет* либо *Собрание*, а также понятия, идентифицирующие субъект федерации с учетом исторических, национальных и иных традиций субъекта Российской Федерации (например, *Законодательное Собрание Санкт-Петербурга*, *Законодательное Собрание Кемеровской области* – *Кузбасса*, *Дума Астраханской области*, *Государственный*

Совет – Хасэ Республики Адыгея, Государственное Собрание Эл Курултай Республики Алтай). При этом наименование не может содержать словосочетаний, составляющих основу наименований федеральных органов власти (например, *Государственная Дума*¹⁵).

Любые решения и действия, обсуждение, принятие и одобрение закона осуществляются депутатами парламента, присутствующими на его заседании и лично выражающими свою волю в отношении конкретного текста закона (голосованием «за», «против», «воздержался»). Информация о парламенте, которым осуществлено принятие закона (не о количестве депутатов, выразивших ту или иную позицию относительно закона), может быть отражена в «реквизите принятия» закона.

Поскольку российский парламент, именуемый Федеральным Собранием, двухпалатный: Государственная Дума (нижняя палата) принимает законы, Совет Федерации (верхняя палата) одобряет либо отклоняет принятые законы, – Совет Федерации может быть рассмотрен в качестве субъекта законотворческого дискурса, наделенного правом одобрения/отклонения законов. В текстах федеральных законов право одобрения и наименование данного субъекта отражены в «реквизите одобрения».

В связи с ограничением функций – рассмотрение принятых законов, принятие решения об их одобрении в целом либо отклонении в целом – Совет Федерации как субъект законотворческого дискурса не может вносить какие-либо коррективы в текст закона, принимать решение об одобрении закона в какой-либо части. Обычный закон считается одобренным, если за него проголосовало более половины от общего числа сенаторов (или если в течение 14 дней закон не был рассмотрен верхней палатой); для принятия федеральных конституционных законов и законов о поправке к Конституции Российской Федерации одобрение субъекта, наделенного данным правом, обязательно. В случае отклонения закона возникает ситуация преодоления разногласий между субъектами законотворческого дискурса. Право вето может быть преодолено субъектом, принявшим закон, квалифицированным большинством голосов.

После принятия (и одобрения) закона следуют такие официальные ритуально-символические действия, как подписание

¹⁵ ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ», ст. 7.

и опубликование. Закон имеет юридическую силу, если маркирован именем специального субъекта-адресанта, наделенного правом подписывать либо отклонять (не подписывать) законы. На текстовом уровне информация о таком субъекте представлена в виде обязательного «реквизита подписания».

Функциональная роль субъекта, подписывающего закон, заключается в согласовании, одобрении и утверждении разработанного и принятого закона, подтверждении его высокого юридического статуса. Проанализировав особенности реквизита подписания на основе федеральных и региональных законов, мы сделали следующие наблюдения. Федеральные законы подписывает глава государства. В большинстве регионов закон подписывает глава субъекта федерации¹⁶. Менее частотны варианты, когда: закон подписывает глава субъекта, одновременно являющийся председателем правительства/администрации (Республика Хакасия, Краснодарский край); закон подписывают и председатель регионального парламента, и глава региона (Республика Алтай, Забайкальский край, Ненецкий автономный округ); закон подписывает только председатель парламента (Хабаровский край). Различные варианты подписания могут свидетельствовать об относительной самостоятельности развития региональных законотворческих практик в рамках общего законотворческого дискурса, сформированных взглядах о совместной (либо о разделении) ответственности субъектов юридического дискурса за принимаемые решения и осуществляемые действия.

Отметим также, что законы, в отличие от подзаконных актов (указов, приказов, распоряжений), не содержат глаголов 1 лица единственного числа настоящего времени, идентифицирующих адресанта и передающих его волю (*приказываю, объявляю* и др.). В законах волеизъявление адресанта передается как самим актом подписания, так и с помощью используемых

¹⁶ См. особенности подписания законов Санкт-Петербурга, Адыгеи, Башкортостана, Бурятии, Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Карачаево-Черкесской Республики, Карелии, Коми, Крыма, Марий Эл, Мордовии, Саха (Якутии), Северной Осетии – Алании, Татарстана, Тывы, Удмуртии, Чечни, Чувашии, Алтайского края, Камчатского края, Пермского края, Приморского края, Ставропольского края, Амурской, Архангельской, Астраханской, Белгородской, Брянской, Владимирской, Воронежской, Ивановской, Иркутской, Калининградской, Калужской, Кемеровской, Кировской, Костромской, Курганской, Курской, Липецкой, Магаданской, Мурманской, Нижегородской, Новгородской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Псковской, Ростовской, Самарской, Саратовской, Сахалинской, Свердловской, Смоленской областей.

в тексте инфинитивов (*внести в Закон... следующие изменения, абзац второй считать абзацем четвертым, признать утратившим силу Закон..., утвердить отчет об исполнении бюджета, приостановить до 31 марта 2023 года действие статей 48, 50 Кодекса...*).

Субъекты текстотворчества и текстосимволизации имеют различный статус, выполняют разные, но согласованные функциональные роли. Авторы создают тексты законов, но не обладают правом «вносить» закон на рассмотрение парламента, проводить экспертизу, подписывать закон, заверяя авторство. Эксперты оценивают качество разработанного текста, вносят предложения о его доработке, т.е. косвенно в роли соавторов принимают участие в создании закона, но, как и авторы, не участвуют в парламентских «чтениях» и не заверяют подлинность закона. Субъекты права законодательной инициативы, наоборот, не являются непосредственными разработчиками текстов законов, не выступают в роли экспертов; не наделены правом подписи закона, но могут «вносить» в парламент разработанные проекты, «представлять» и отзываться их.

Общими задачами субъектов законотворческого дискурса являются трансляция посредством текста закона ситуационных и поведенческих моделей, в которых объективированы различные виды социальных отношений, и распространение данных обобщенных моделей на частные случаи. Конечным результатом деятельности адресантов закона является проявление общей модели в социальных ситуациях, фактическом необходимо должном поведении адресатов (принятии решений, совершении или не совершении действий, исполнении наказания за отступление от правила).

В результате последовательной или совместной деятельности субъектов формируется образ коллективного законотворчества. Однако для бытования закона в пространстве законодательных и в целом правовых текстов, в юридическом и иных институциональных дискурсах информация о том, кто и когда, при каких обстоятельствах, с помощью каких решений и действий и с какой целью создал, проанализировал, оценил, обсудил текст закона, не существенна. Имеют значение лишь сведения о субъекте, который подписал закон, а также о коллективном субъекте, который принял (одобрил) этот закон.

§ 2. Объектно-текстовый параметр законотворческого дискурса

Развитие общественных отношений обуславливает необходимость регулярной трансформации существующих общеобязательных и формально определенных правовых норм либо создание новых. Идеи и потребности такого развития традиционно воплощаются, прежде всего, в законодательных текстах, поэтому законотворческий процесс осуществляется непрерывно, а пополнение корпуса законодательных текстов происходит с установленной периодичностью.

2.1. Системное пространство корпуса законодательных текстов

Законодательные тексты, как и тексты иных видов, могут быть рассмотрены вне связи друг с другом и с внешним миром, в качестве «изолированных сущностей, имеющих начало и конец» [Бэнкс, 2008, с. 236], обладающих для воспринимающего целостностью и завершенностью [Новиков, 1983, с. 17]. Однако объектный параметр исследования закона обуславливает рассмотрение любого автономного текста закона в соотношении с пространством законодательных текстов как составной части этого пространства, отражающей целое, проявляющей свойства и сущность данного целого, и целым как собранием элементов-частей, характеризующимся сложной системной контекстуальностью. В этой связи согласимся с Н. Д. Голевым в том, что общий смысл текста, интенция текста (идея и воля законодателя) не выводятся из суммы смыслов его частей, так как текст входит в более общий контекст и более общие, внешние по отношению к тексту, системы [Голев, 2004, с. 46].

Совокупность текстов законов представляет собой **единое гипертекстовое пространство**, регулярно пополняемое и трансформируемое, обеспечивающее, с одной стороны, разноаспектность и общность правового регулирования, с другой стороны, ограниченность критериев и способов правового регулирования. Тексты законов являются не только структурными, но и содержательными элементами (частями) данного пространства, именно в силу принадлежности данному пространству выполняющих свои функции.

В юридическом дискурсе понятие «закон» применяется по отношению к различным видам текстов, отличающихся не только функциональной и структурно-содержательной спецификой, аксиологическим обоснованием принятия, но и количественным составом текстов законов того или иного вида (с позиции единичности/множественности). Поэтому однородные и разнородные тексты – близкие/различающиеся по функции, частным задачам, значимости и оформлению содержания – могут быть рассмотрены с позиции объединения в **классы (подклассы)**.

Автономный текст закона и класс (подкласс) законов, к которому он относится, сопоставимы как часть и целое и характеризуются взаимосвязями и системными отношениями, образуемыми внутри класса (подкласса) однородных законов. Между разнородными текстами законов и разнородными классами (подклассами) текстов законов существуют взаимосвязи и системные отношения, образуемые внутри единого гипертекстового пространства законов. Внутри текста закона между его структурными элементами формируются свои внутритекстовые отношения.

В правовой доктрине выделяются различные классификации законов. В частности, П.В. Крашенинников (2017) разграничивает законы: по принятию; по применению в случае конкуренции; по охвату отношений; по отраслям; по форме систематизации; по влиянию на законодательный процесс; по государствам, принявшим законодательные акты; по компетенции России и ее субъектов решать те или иные вопросы, в том числе при помощи принятия законодательных актов; по времени применения; по форме воздействия; по присутствию государства в общественных отношениях.

Одним из способов упорядочения и идентификации законов в общем законодательном пространстве является **линейная дискретность**, отражающая хронологический порядок принятия законов и демонстрирующая ориентацию на непрерывное производство все новых и новых законодательных текстов: «ЗТ¹ → ЗТ² → ЗТ³ ... ЗТⁿ».

Фактор линейной дискретности отражен в правилах числового кодирования законов (реквизите регистрационного порядкового номера). За счет нумерации законов создается впечатление формального объединения законов. При этом в результате анализа федеральных и региональных законов мы отметили два варианта такого нумерационного кодирования.

Первый используется при последовательной нумерации федеральных законов и законов большинства регионов (Владимирской, Иркутской, Ленинградской, Рязанской, Свердловской областей и др.). Его специфика заключается в том, что последовательная нумерация ограничивается определенным циклом – календарным годом. По сути, речь идет о нескольких замкнутых последовательностях (подклассах), объединяемых в одну более сложную (один класс).

«Повторность» при нумерационном кодировании служит своего рода приемом устранения впечатления о постоянном увеличении числа законодательных текстов и, соответственно, безграничном расширении законодательного гипертекстового пространства. Неудобство такого кодирования в том, что при поиске того или иного закона необходимо уточнять дополнительные параметры (точную дату подписания, название), поскольку существует несколько законов с одинаковым номером. Например, номер 5-ФЗ имеют 29 федеральных законов (на 01.05.2022 г.): «О ветеранах» (принят в 1995 г.), «О внешней разведке» (1996 г.), «Об упразднении некоторых районных судов Новосибирской области» (2009 г.), «О внесении изменений в Федеральный закон «О водоснабжении и водоотведении» (2022 г.) и др.

Специфика второго варианта состоит в том, что номера законов присваиваются в хронологическом порядке: от первого закона, принятого в начале становления системы законодательства, до последнего на какую-либо отчетную дату (такая нумерация свойственна законам Вологодской, Орловской, Омской, Псковской, Магаданской областей). При втором варианте числового кодирования можно составить абсолютно точное представление о количестве законов одного класса, принятых на определенную дату. (Например, на 1 февраля 2020 года принято 2235 законов Омской области, на 1 февраля 2021 года – 2347 законов, на 1 февраля 2022 года – 2465 законов). Кроме того, при поиске законов нет необходимости уточнять дополнительные параметры, поскольку номер является неповторимым реквизитом, исчерпывающим образом идентифицирующим закон.

Чем больше структурных единиц (соответственно понятий и норм) входит в текст, чем больше текстов входит в подкласс, класс и состав общего законодательного пространства, тем больше вероятность семантического усложнения текстов законов и возможных содержательных (правовых) противоречий между ними, взаимосвязей между конструируемым миром и социальной реальностью. Необъятность законодательства приводит к

фрагментарности трансляции правового смысла, дублированию правовых правил, терминов и понятий, поэтому возникают вопросы о проблемах реализации большого количества правил на практике и соответственно о необходимости упрощения законодательного пространства, о совершенствовании качества законов.

2.2. Функционально-видовая иерархия законов

В юридическом дискурсе автономные тексты законов, объединяемые в единую законодательную систему, рассматриваются с точки зрения **вертикальной иерархии**, которая обусловлена функционально-видовой приоритетностью одних законов перед другими законами в данной системе, различием законов большей либо меньшей юридической силы, равной юридической силы или высшей по отношению к равным [Батюшкина, 2021(б)].

В законотворческом дискурсе это отражается в процессуальных особенностях: для принятия, изменения и отмены равнозначных по силе законов создаются одинаковые процессуальные условия; чем «выше» закон по статусу в иерархии, тем больше условий создается для его принятия, изменения и отмены. Иерархическое неравенство законов учитывается и в правоприменительном дискурсе, например, в судебном процессе при вынесении решения большим значением обладает конституционный закон, приоритетный с функционально-видовой точки зрения. Цель разности условий – придание в юридическом дискурсе «высшим» по значимости законам большего символического смысла и воздействие на адресатов.

В основе приоритетности и различия юридической силы может быть рассмотрена категория обобщенности нормы: чем выше степень обобщенности, тем выше по статусу (приоритетнее) закон (чем выше по юридической силе закон, тем обобщеннее его нормы), и наоборот, если с помощью нормы одного закона конкретизируется норма другого закона, то конкретизирующая норма и соответственно закон, в котором она содержится, ниже по статусу в видовой иерархии.

В качестве исходного текста, связь с которым обеспечивает системность, целостность и единство законодательного пространства, в юридическом дискурсе рассматривается текст **Конституции**, в котором сконцентрированы базовые параметры

организации государства, основополагающие принципы правового регулирования, «нормы культурь», «доктринальные начала» и «величины наиболее высокого, абстрактного уровня» [Бобина, 2017; Гаджиев, 2019, с. 34].

Текст Конституции не просто обладает верховенством по отношению к другим правовым текстам, это текст особой значимости, ценности и сакральности (об этом, в частности, свидетельствуют такие экстралингвистические факты юридического дискурса, как «клятва на тексте Конституции» и «клятва тексту Конституции»¹⁷); текст, «принимаемый народом» или от имени народа – позиционируемого в юридическом дискурсе в качестве «носителя и источника государственной власти и суверенитета» [Брызгалов, 2009, с. 15; Батюшкина, 2020, с. 139-143].

В правовых и публицистических текстах нередко используется вариативное наименование Конституции – *Основной Закон* (такое определение входило в состав названия советских конституций. Например: [Конституция (Основной Закон) СССР, 28.04.1993, № 4886-1, ст. 1]). Однако российская конституция – это уже не просто основной закон, а «надзаконный» акт, текст высшего порядка, рассматриваемый в оппозиции по отношению к иным «ординарным» законам и правовым текстам, но в составе общей законодательной системы. Особый статус конституционного текста подчеркивается усложненной процедурой ее принятия и «поправления». В конституционные тексты вносятся не изменения, а поправки, то есть Конституция не изменяется, как другие законы, а «поправляется». Усложнение процедурных особенностей направлено на восприятие текста Конституции и ее положений как имеющих исключительную ценность.

Каждый новый текст закона создается на пресуппозиционной основе конституционного прототекста, проецирует конституционное содержание и позиционируется в юридическом дискурсе в качестве производного от Конституции, а потому может быть рассмотрен в виде композиционной схемы тематического воспроизводства и развертывания содержания Конституции как исходного образца. (Данная «дедуктивная» преемственность сохраняется и в текстах подзаконных актов, создаваемых на

¹⁷ По сложившейся традиции в момент принесения присяги глава государства (высшая персона дискурса) держит правую руку на тексте Конституции РФ, присягает народу и клянется защищать Конституцию (текст, символизирующий государство). Главы регионов приносят присягу на верность народу, Конституции РФ и основному закону региона (конституции – в республиках, уставу – в иных субъектах).

основе законодательных текстов и проецирующих их формально-содержательные особенности.) В частности, о том, что текст закона развивает конституционные положения, может быть сделана специальная оговорка в статье о правовой основе закона: *Правовое регулирование функционирования внеуличного транспорта основывается на Конституции Российской Федерации*¹⁸.

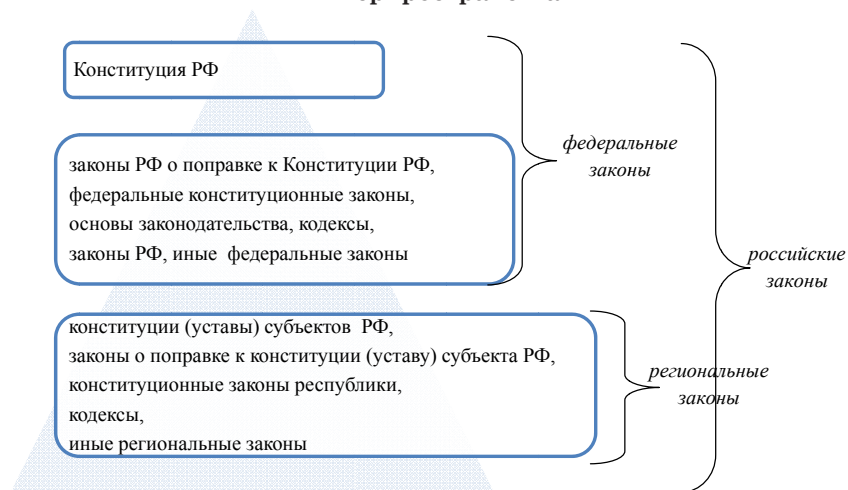
Тексты законов взаимно предполагают и дополняют друг друга в рамках целого – пространства законодательных текстов, а их зависимость от текста Конституции является стержневым параметром данного пространства, которое можно определить в качестве конституционального, то есть базирующегося на признании верховенства конституционного текста. С правовой точки зрения, конституционные нормы-принципы характеризуются не только наивысшей степенью обобщенности, но и неконкретным юридическим содержанием и соответственно открытыми пределами трактовки и последующего текстуального развития [Коновалова, 2020; Landau, 2013].

К классу общегосударственных законов, принимаемых для развития конституционных положений, относятся следующие подклассы: *законы Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, федеральные конституционные законы, основы законодательства Российской Федерации, кодексы Российской Федерации, законы Российской Федерации, федеральные законы*. К классу региональных законов относятся подклассы: *конституции (основные законы в республиках), уставы (основные законы в других субъектах); законы о поправке конституции республики; конституционные законы республики; законы о поправке устава; кодексы; иные (обычные) законы субъектов Российской Федерации*. В совокупности тексты данных законов, наряду с текстом Конституции, образуют текущее (то есть изменяемое и развивающееся) законодательство государства.

Если соотношение большей или меньшей юридической силы текстов законов можно представить в виде общей формулы: *Конституция Российской Федерации > федеральные законы > региональные конституции (уставы) > региональные законы*, то иерархический (вертикальный) способ деления законодательного гипертекстового пространства, отражающий внутреннюю субординацию конституции и ординарных законов, может быть проиллюстрирован схемой 4.

¹⁸ ФЗ «О внеуличном транспорте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ».

Схема. 4. Иерархическая (вертикальная) модель структурирования единого законодательного гиперпространства

Тексты общегосударственных и региональных законов как соотносимые классы взаимно предполагают и дополняют друг друга в рамках единой законодательной системы. В федеральных законах установлены правила, обязательные для соблюдения на всей территории государства, содержание региональных законов составляют правила, применяемые на территории определенного субъекта федерации. (Внутри класса текстов региональных законов могут быть выделены подклассы текстов законов каждого из субъектов федерации.)

Региональные законы эксплицируют общую конституционную концепцию и являются проекцией федеральных, поскольку главным образом развивают их предметное содержание. Текст региональных конституции или устава является прецедентным для текстов иных региональных законов соответствующего субъекта, но при этом развивает положения общегосударственной Конституции и федеральных законов. Как правило, об этом в начале текста регионального закона с помощью стандартной конструкции делается специальная оговорка. Например, *Правовое регулирование отношений в сфере народных художественных промыслов в Омской области осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Основами законодательства Российской Федерации о культуре, Федеральным законом «О народных художественных промыслах», другими*

федеральными законами¹⁹. Соответствующая оговорка может быть отражена и в названии регионального закона, например: «О реализации Федерального закона «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства»²⁰.

Как и на общегосударственном уровне, особым статусом наделены кодифицированные тексты²¹, направленные на преодоление бессистемности, неравномерности развития отраслей и подотраслей права, разрешение юридических коллизий, уменьшение нормативно-правового массива [Власенко, Залоило, 2015, URL], но, в отличие от федеральных кодексов, региональные кодексы принимаются в форме обычного закона и не утверждаются иными законами, за некоторыми исключениями (см., например, законы «Избирательный кодекс Свердловской области», «О введении в действие Избирательного кодекса Свердловской области»).

Отмечено, что законы регионов, имеющие аналогичный предмет регулирования, характеризуются сходными текстами – в силу практически дословного воспроизводства единой для них общефедеральной текстовой основы. (Сравните для примера: Федеральный закон «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации», Закон Ленинградской области «Об Уполномоченном по правам ребенка в Ленинградской области», Закон Республики Адыгея «Об Уполномоченном по правам

¹⁹ Закон Омской области «О народных художественных промыслах в Омской области».

²⁰ Закон Санкт-Петербурга «О реализации ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства».

²¹ В субъектах федерации приняты различные виды кодексов: *кодекс об административных правонарушениях* (Москва, Башкортостан, Дагестан, Татарстан, Тыва, Хабаровский край, Пензенская, Калининградская, Костромская, Липецкая, Нижегородская, Омская, Томская, Ульяновская области); *кодекс об административной ответственности* (Волгоградская, Тюменская области); *градостроительный кодекс* (Москва, Архангельская, Волгоградская, Орловская области, Краснодарский край); *избирательный кодекс (кодекс о выборах, референдуме, отзыве)* (Москва, Башкортостан, Татарстан, Хабаровский край, Алтайский край, Приморский край, Белгородская, Владимирская, Волгоградская, Костромская, Курская, Свердловская, Тюменская области); *социальный кодекс* (Санкт-Петербург, Белгородская, Волгоградская, Ярославская области), *кодекс о социальной защите* (Омская область); *кодекс о недрах* (Башкортостан); *бюджетный кодекс* (Татарстан); *семейный кодекс* (Башкортостан, Татарстан); *экологический кодекс* (Башкортостан, Татарстан); *земельный кодекс* (Кабардино-Балкария, Татарстан); *кодекс о безопасности дорожного движения* (Башкортостан); *кодекс о государственных должностях и государственной гражданской службе* (Омская область), *кодекс о государственной гражданской службе* (Чукотский автономный округ); *кодекс о муниципальной службе* (Татарстан, Чукотский автономный округ); *кодекс о нормативных правовых актах* (Чукотский автономный округ).

ребенка в Республике Адыгея» и др.). В силу принципа «юридической силы» региональные законы не могут быть прецедентными текстами для федеральных, однако выступают в этом качестве для текстов муниципальных правовых (подзаконных) актов.

Подклассы текстов однородных законов, принимаемых на общегосударственном и региональном уровнях, можно проанализировать в составе одного класса. Например, к классу кодифицированных текстов относятся тексты основ законодательства и отраслевых кодексов, поскольку и первые, и вторые сходны друг с другом и отличаются от текстов иных типов большим объемом и усложненной структурой, в них систематизированы общие положения регулирования какой-либо одной сферы общественных отношений: жилищной, трудовой, налоговой, уголовной, семейной, градостроительной и т.д.

Класс конституционных текстов, с точки зрения рассмотрения законотворческого дискурса одного государственно-территориального образования (государства в целом либо субъекта федерации), является единичным; с точки зрения законотворческого дискурса совокупности субъектов федерации – множественным. Другими словами, есть только одна Конституция Российской Федерации или Конституция Республики Татарстан, но все конституционные тексты, по сути, могут быть отнесены к одному классу текстов конституций.

В процессе развития единого законодательного пространства, в том числе и в силу нейтрализации институциональных различий, виды (подклассы) законов могут хронологически замещать друг друга в классе законов, выступая в качестве однопорядковых, функционально равнозначных. На данное свойство указывает хронологическое замещение вида *закон Российской Федерации* (подклассом *законы Российской Федерации*) видом *федеральный закон* (подклассом *федеральные законы*²²), замещение вида (подкласса) *основы законодательства* видом *кодекс* (подклассом *кодексы*). Иные виды (подклассы) законов не обладают свойством эквивалентного замещения.

²² Статус закона РФ сохранен, например, для законов (действующие): «*О языках народов РФ*» [25.10.1991, № 1807-1], «*О международном коммерческом арбитраже*» [07.07.1993, № 5338-1], «*О государственной тайне*» [21.07.1993, № 5485-1], «*О космической деятельности*» [20.08.1993, № 5663-1] и др.

В качестве примеров законов, у которых изменен статус (закон РФ – федеральный закон), приведем: ФЗ «*О Центральном банке РФ (Банке России)*» [02.12.1990, № 394-1], ФЗ «*О банках и банковской деятельности*» [02.12.1990, № 395-1], ФЗ «*Об акцизах*» [06.12.1991, № 1993-1], ФЗ «*О прокуратуре*» [17.01.1992, № 2202-1], ФЗ «*О беженцах*» [19.02.1993, № 4528-1]. Названия указаны в редакции, актуальной на 01.05.2022 г.

В этой связи отметим, что основы законодательства принимались в ранний постсоветский период становления современного российского права²³, во многом в них были сохранены традиции создания текстов основ законодательства, сложившиеся в предшествующий период²⁴ (в частности, основы принимались одним текстом, но вводились в юридическое действие другим текстом (постановлением), см. например: [пост. Верховного Совета Российской Федерации, 11.02.1993, № 4463-1]. В настоящее время бо́льшая часть основ законодательства заменена федеральными законами, а в тексты действующих основ вносятся изменения с помощью федеральных законов трансформирующего типа.

Как и основы законодательства, законы Российской Федерации принимались в начальный период становления российской правовой системы (до 1994 года). В настоящее время тексты действующих законов Российской Федерации изменяются федеральными законами, что косвенно свидетельствует о видовой приравненности данных законов.

Общие количественные параметры классов (подклассов) общегосударственных и региональных законов, актуальные на определенную дату (в связи с периодическим изменением единого гипертекстового пространства), представлены в таблицах 1, 2. Отметим, что класс менее приоритетных по статусу законодательных текстов (федеральные и региональные «обычные» законы) является преобладающим в количестве, иные классы представлены единичными текстами либо десятками текстов. Большинство законов трансформирующего характера принято в целях уточнения ранее опубликованных законов. Увеличение объема действующего законодательства, постоянно вносимых в него изменений является одной из особенностей расширения законодательного пространства, формируемого как на общегосударственном, так и на региональном уровнях.

²³ По данным справочной правовой системы «Консультант Плюс», к числу основ законодательства относятся не действующие в настоящее время: *Основы лесного законодательства РФ; Основы законодательства РФ о физической культуре и спорте; Основы законодательства РФ об Архивном фонде РФ и архивах; Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан; Основы законодательства РФ об труде*; действующие: *Основы законодательства РФ о культуре; Основы законодательства РФ о нотариате*.

²⁴ См., например: *Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях; Основы законодательства об иностранных инвестициях в СССР*.

**Таблица 1. Количественные параметры корпуса
общегосударственных законов**

(по данным справочно-правовой системы «Консультант Плюс»
на 01.05.2022)

Вид общегосударственного закона (действующие)		Общее количество законов в классе законов
Конституция РФ	1	1
закон РФ о поправке к Конституции РФ	5	5
федеральный конституционный закон	143	164
основы законодательства РФ	2	7
кодекс РФ	20	27
закон РФ	85	235
федеральный закон	8841	9481
Всего текстов:	9097	9920

**Таблица 2. Количественные параметры
корпуса региональных законов**

(по данным справочно-правовой системы «Консультант Плюс Регион»
на 01.05.2022)

Вид регионального закона (действующие)		Общее количе- ство законов в классе законов
конституция (республики)	22	22
устав (иные субъекты РФ)	63	63
закон о поправке (поправках) в конституцию республики/ конституционный закон (о поправках в конституцию республики)/закон республики (о поправках в конституцию республики)	190	191
закон о поправке (поправках) в устав (иные субъекты РФ)	353	383
кодекс субъекта РФ	74	141
иной закон субъекта РФ	190 636	255 393
Всего текстов:	191 338	256 193

2.3. Общие жанрообразующие признаки законов

При исследовании жанровых доминант современного закона наиболее значимы обобщенные, существующие во взаимной обусловленности функционально-целевые, предметно-тематические и формально-структурные признаки законодательных текстов, образующие общеправовую формулу управления социальными процессами и развития социальных практик. В совокупности данные обобщенные жанрообразующие признаки определяют универсальные черты текстов современных российских (как федеральных, так и региональных) законов, позволяющие отличить закон от других нормативно-правовых актов, не обладающих в современном юридическом дискурсе «силой» и текстуальным портретом российского закона (указов, постановлений, приказов, распоряжений и т.д.).

Определяющим признаком любого жанра как формы социального взаимодействия является коммуникативная функция. Прагматические жанрообразующие характеристики закона обусловлены целями выражения адресантом закона правовой воли и правовой мысли, формирования модели поведения адресата закона в рамках общественных отношений, невербализованным ответом адресата в виде действия или воздержания от совершения действия.

В связи с объективной потребностью в законодательном регулировании общественных отношений в целом и каких-либо аспектов социальных практик в частности, реализации субъективных законотворческих интенций автора закона, воздействия на адресата и формирования модели его необходимо должного поведения, каждый закон является **полифункциональным**, то есть выполняет и транслирует не одну, а ряд взаимосвязанных функций. В силу градационной интерпретации одна из функций воспринимается в роли доминирующей, ряд функций – в качестве преобладающих.

Полифункциональное содержание закона есть одновременно проекция и программирующей и программируемой сфер действительности, задача адресата – воспринять и должным образом осмыслить текст закона и правовую норму, трансформировать абстрактное правило в конкретное действие в определенной ситуации, довести его до моделируемого результата.

К наиболее общим **целям и функциям** законодательных текстов, в аспекте которых могут быть рассмотрены российские (как федеральные, так и региональные) законы, относятся:

– **регулирование** общественных отношений с помощью текстуально выраженных норм права в целом (*общерегулирующая*) или аспектов социальных ситуаций в частности (*частнорегулирующая*);

– **упорядочивание** правил взаимодействия субъектов дискурса (*общерегламентирующая*) либо применительно к конкретным ситуациям и сферам общественных отношений (*частнорегламентирующая*);

– **изъявление и трансляция воли** субъектов, наделенных властными полномочиями (*волеизъявительно-императивная*), об установлении правил и порядков коммуникации в границах дискурса (*волеизъявительно-предписывающая*), возложении на субъектов обязанности осуществлять какие-либо действия (*волеизъявительно-обязывающая*), запретов на осуществление каких-либо действий (*волеизъявительно-запрещающая*), контроля исполнения установленных в законе правил, порядков и запретов, осуществления возложенных обязанностей (*волеизъявительно-контролирующая*);

– **сообщение** юридически наиболее значимой информации в виде общеобязательных правил (*информативно-моделирующая*), о направлениях, целях, сферах и принципах правового регулирования; о системе понятий и терминов, их определениях, релевантных для правового регулирования той или иной сферы либо аспектов общественных отношений; о системе текстов, на основе которых регулируется та или иная сфера либо аспект общественных отношений; о субъектном составе и порядке финансирования регулируемой сферы; о компетенциях / полномочиях субъектов, порядке действий или запрете действий субъектов в определенных ситуациях; о наказаниях за совершение запрещаемых действий (*частно-информативно-моделирующая*);

– **номинация** – определение моделируемого дискурсивного инструментария (*номинативно-моделирующая*): субъектов (*субъектно-номинативная*), действий, процессов и ситуаций (*акционально-номинативная*), объектов (*объектно-номинативная*), предметов (*предметно-номинативная*) – с помощью специальных терминов и понятий, законодательных формул и клише;

– **формирование** необходимого должного представления (*образно-формирующая*) об истинности, аксиоматичности и высокой

значимости транслируемой с помощью закона информации, средств трансляции и закона в целом (*оценочно-аксиологическая*); о статусно-функциональных ролях участников моделируемых ситуаций (*прагматико-аксиологическая*); мотивах осуществления на практике институциональных общественно полезных действий, моделируемых адресантами закона и транслируемых с помощью текста закона (*оценочно-мотивационная*);

– **воздействие** на волю, сознание и поведение адресата законодательного текста с помощью трансляции информации, вызывающей у адресатов необходимые эмоции и ассоциации, побуждающей к реализации определенных программ и алгоритмов (*воздействующе-моделирующая*);

– **мотивирование**, выражающееся в формировании материальных и духовных стимулов поведения, а также представления о «неотвратимости» наказания за нарушение правовых норм, повышающих вероятность возникновения у адресата необходимых поведенческих реакций (*мотивационно-стимулирующая*);

– **образование и трансформация** норм регулирования и текстов законов (*нормоустановление, терминопредделение, нормоизменение, нормоприостановление, нормоотмена*), пространства законодательных текстов в целом (*системно-трансформирующая*) при необходимости актуализации предмета и целей регулирования, расширения или сужения перечня функций и действий субъектов дискурса;

– **разъяснение** норм закона для правильного понимания адресатом моделируемых ситуаций, функциональных ролей субъектов дискурса, скрытых посылок, внутритекстовых, межтекстовых и интердискурсивных связей закона (*эксплицирующе-интерпретационная*);

– **идентификация** закона в законодательном и дискурсивном пространстве как автономного текста – неотъемлемого элемента данного пространства с помощью реквизитов: изображения герба, наименования вида закона, названия закона, указания субъектов законотворческого дискурса (участвующих в принятии, одобрении, подписании закона), регистрационного номера закона, даты принятия, одобрения, подписания закона, места подписания закона (*идентификационно-регистрационная*).

Обратим внимание на то, что и цели, и функции законов могут быть рассмотрены не только в аспекте альтернативного замещения (*регулирование*: цель \Leftrightarrow функция; *предметно-номинативная*: функция \Leftrightarrow цель), но и с учетом императивного

волеизъявления реальных персон – субъектов дискурса, наделенных особыми статусом и полномочиями, либо с точки зрения императивной трансляции юридически значимой информации от лица обобщенного персонифицированного субъекта.

Такая ситуация возможна постольку, поскольку в законодательном тексте реальный автор – разработчик закона не проявлен, текст закона:

– либо транслируется от лица персоны дискурса (главы государства, главы субъекта федерации, председателя парламента), подтверждающей личной подписью факт императивного волеизъявления и дискурсивный статус закона, а также институциональные действия, совершаемые по отношению к иным текстам и порождающие юридические факты (такая информация выражается с помощью инфинитивов: *внести изменения в Закон, приостановить действие Закона, ратифицировать соглашение* и т.д.);

– либо выступает в качестве активного субъекта дискурса и транслятора своего собственного содержания, подтверждаемого и заверяемого подписью персоны дискурса (данная информация выражается с помощью идентификационных клише, отсылки к закону, например: *Настоящий Закон устанавливает порядок, определяет сроки*).

В правореализационном (судебном) дискурсе указанное разграничение нивелируется – правовое содержание воспринимается в качестве транслируемого от лица закона как персонифицированного субъекта. Например, употребляется формула «*в соответствии с порядком, определенным Законом ...*» вместо «*в соответствии с порядком, определенным президентом в Законе ...*» либо «*в соответствии с порядком, заверенным президентом, который подписал Закон ...*».

При этом в законодательном тексте отражаются как активные, так и пассивные «действия» закона, рассматриваемого в юридическом дискурсе и законодательном тексте (пространстве текстов) в качестве активного субъекта волеизъявления. В силу открытого множества законов таких персонифицированных субъектов может быть неограниченное количество.

Семантика активного действия выражается с помощью глаголов настоящего времени и позиции подлежащего: *настоящий Закон устанавливает общие принципы* (или: *регулирует отношения; определяет общие основы*). Семантика пассивного, непрямого действия транслируется с помощью возвратных глаголов

и формы Тв. п.: *настоящим Законом устанавливаются общие принципы (регулируются отношения, определяются общие принципы)*; а также сочетаний кратких причастий и инфинитивов с позицией подлежащего: *настоящий Закон призван установить общие принципы (определить общие основы и т.п.)*.

В общем законодательном пространстве с помощью разных глагольных форм выражается синонимичность институциональных действий, которые осуществляет или должен осуществить закон как субъект волеизъявления, сравните: (устав) *закрепляет статус региона как равноправного субъекта// определяет статус региона как равноправного субъекта// призван закрепить статус региона как равноправного субъекта*, см.: преамбулы к уставам Вологодской, Новосибирской обл.; (устав) *создает правовые основы// призван создать правовую основу// закрепляет правовые основы*, см.: преамбулы к уставам Калининградской, Псковской обл.

Цели, функции, их вариативные комбинации обуславливают различные **предметно-тематические признаки закона**, в которых проявлены субъектный, объектный, предметный и процессуальный параметры отражаемой и моделируемой действительности. Наиболее значимы следующие жанрообразующие признаки:

- предметно-тематическая спецификация употребляемых в законе терминов и понятий;
- системно-семантическая взаимосвязь законодательных терминов и понятий;
- семантико-структурные особенности образования законодательных терминов;
- наличие законодательных клише, выполняющих вспомогательную роль при трансляции и восприятии правовой мысли, суппозиции и пресуппозиции закона;
- формулирование правил поведения в виде нормативных предписаний общеимперативного, частноимперативного и условно императивного характера;
- внутрисистемность, интертекстуальность и интердискурсивность, отражающие предметно-тематическую связь между текстами законов и структурными единицами законов, пространством законодательных текстов и юридическим дискурсом (его разновидностями).

Например, регулирование общественных отношений в целом или аспектов социальных ситуаций с помощью текстуально

выраженных норм права (общерегулирующая, частнорегулирующая функции) и упорядочивание правил взаимодействия субъектов дискурса в целом либо применительно к конкретным ситуациям и сферам отношений (общерегламентирующая, частнорегламентирующая функции) предполагают: во-первых, создание текста закона определенной предметно-тематической направленности: либо сводной предметно-интегрированной (*конституции, уставы*), либо предметно-дифференцированной по сферам, отраслям, аспектам (ситуациям, формам, субъектам, действиям, процессам) регулирования (*отраслевые кодексы, основы законодательства и законы*); во-вторых, структурирование текста закона с учетом соотношения моделируемых ситуаций, моделей поведения и статусно-функциональных ролей субъектов; в-третьих, отнесенность закона к тому или иному предметно-тематическому классу (подклассу) законов.

Предметно-тематическая направленность закона получает отражение в названии закона, наименованиях его глав, параграфов, статей и других структурных единиц, статьях о предмете и цели регулирования, обуславливает выбор системы основных и вспомогательных понятий, частоту их воспроизводства (повторяемость) в границах текста.

Создание текста закона сводной предметно-интегрированной направленности в большей степени предполагает обобщенность норм, переход от частных норм к нормам-принципам, от видовых понятий к родовым, концептам, употребление общенаучных (*объект, предмет, субъект, метод, методика, цель, анализ, принципы*) и общеправовых/общеправовых понятий (*закон, норма, полномочия, ответственность, права, свободы, обязанность*).

Дифференциация по сферам, отраслям, аспектам (ситуациям, формам, субъектам, действиям, процессам) регулирования, наряду с общенаучными и общеправовыми/общеправовыми понятиями, детерминирует употребление специальной частноотраслевой терминологии. При этом, если состав общенаучных и общеправовых/общеправовых понятий не зависит от правовой отрасли, то состав частноотраслевых понятий обусловлен предметом и целью закона. В «отраслевых» кодексах и законах преобладает лексика, выражающая наиболее значимые понятия регулируемой области или соотносимых сфер регулирования. Для примера приведем понятия из Трудового кодекса РФ: *труд, трудоустройство, занятость, безработные, трудовая миграция, трудовые отношения, трудовой договор, рабочее*

время, время отдыха, оплата труда, нормы труда, трудовая дисциплина, материальная ответственность, охрана труда, профессиональная подготовка, повышение квалификации, трудовой стаж, трудовые споры и др.

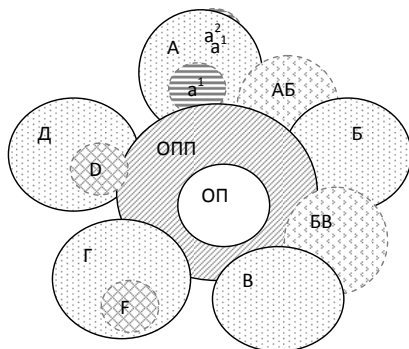
В зависимости от предмета закона в качестве наделенных юридическим значением («юридизированных», по терминологии Н.Д. Голева) могут употребляться понятия и термины различных областей технического и гуманитарного знания. Например, объект правовых отношений, предмет правового регулирования и сфера действия Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» раскрываются, наряду с общенаучными понятиями (*положения, принципы, результаты, объект и др.*), общеправовыми и межотраслевыми понятиями (*права, отношения, гражданин (физическое лицо), юридическое лицо, регулирование, правовая охрана, интеллектуальная деятельность, гражданско-правовая ответственность*) и клише (*настоящий Федеральный закон, любым законным способом, в соответствии с законодательством, со дня вступления в силу*), с помощью легального определения и употребления значительного количества понятий информационной сферы знания: *информация, информационные технологии, доступ к информации, защита информации, общедоступная информация, документированная информация, электронное сообщение, электронный документ, страница сайта в сети «Интернет», заблокированный сайт, доменное имя, сетевой адрес, поисковая система, социальная сеть, идентификация, аутентификация, обладатель информации, владелец аудиовизуального сервиса и др.*

В текстах кодексов и законов, регулирующих судебную сферу, наряду с общенаучными и общеправовыми понятиями, а также понятиями сферы рассматриваемых правоотношений, применяются понятия процессуального права (*суд, судья, судебное разбирательство, иск, исковое производство, упрощенное производство, предъявление иска, ходатайство, предмет спора, истец, ответчик, третьи лица, судебное заседание, судебные расходы, судебные штрафы, судебные извещения, отвод, исполнительный лист, процессуальные сроки, производство в суде первой инстанции, примирительные процедуры, мировое соглашение, рассмотрение дела, приостановление производства по делу, прекращение производства по делу, отложение исполнительных действий и др.*).

Одно понятие может относиться к двум и более областям общественных отношений, регулируемых законами, разным терминопольям. Например, понятие *полномочия государственных органов в сфере гражданства* одновременно относится к сферам «конституционный строй» и «государственное управление», понятие *трудова миграция* может быть рассмотрено в связи с законодательным регулированием таких вопросов, как «конституционный строй», «труд» и «международные отношения».

Исследование понятийного состава федеральных законов (см., в частности: [Словарь терминов российского законодательства, Батюшкина, 2022]) показывает, что термины могут переходить из одной отрасли права в другую с сохранением первоначального значения, либо с обогащением новыми смысловыми оттенками, либо с изменением значения. Такие термины теряют узкоспециальный отраслевой характер, приобретая обогащенную семантику и демонстрируя семантическую самостоятельность, высокую степень освоенности в межотраслевом правовом пространстве.

Схема 5. Логическая структура соотношения законодательных понятий и терминопольей

ОП – общенаучные понятия

ОПП – общеправовые (общеправовые) понятия

А, Б, В, Г, Д – отраслевые юридические понятия

АБ, БВ – межотраслевые юридические понятия

а¹, а² – понятия подотраслей права

D, F – понятия иных наук и областей знания

Логическая структура соотношения законодательных понятий и терминопольей (схема 5) свидетельствует о системности и открытости законодательных текстов, юридического дискурса, внутренних связей предметных областей и внешних связей права с другими науками и областями знания. В качестве основных отношений между понятиями и терминами могут быть названы отношения «род : вид», «вид – вид», «целое : часть», «часть – часть» и отношения смежности (соположенности, сходства).

С учетом механизма категоризации текстообразующих понятий возможно построение сводной предметно-тематической классификации законов, учитывающей разграничение регулируемых сфер, отраслей и аспектов. В качестве образца приведем существующий классификатор нормативных правовых актов, утвержденный указом Президента РФ (от 15.03.2000 № 511). В данном классификаторе родовые и видовые понятия сконцентрированы в рубриках и подрубриках. К наиболее обобщенным относятся простые и составные понятия, отраженные в наименованиях 36 базовых рубрик: *конституционный строй, основы государственного управления, гражданское право, семья, жилище, труд, занятость населения, социальное обеспечение, социальное страхование, финансы, хозяйственная деятельность, внешнеэкономическая деятельность, таможенное дело, природные ресурсы, охрана окружающей природной среды, информация, информатизация, образование, наука, культура, здравоохранение, физическая культура, спорт, туризм, оборона, безопасность, охрана правопорядка, уголовное право, исполнение наказаний, правосудие, прокуратура, органы юстиции, адвокатура, нотариат, международные отношения, международное право*. Каждая из базовых рубрик конкретизируется в подрубриках видовыми представителями. Понятия рубрик и подрубрик могут быть рассмотрены по нисходящей (от общего к частному: *жилище – коммунальное хозяйство – отопление*) и восходящей (от частного к общему: *отопление – коммунальное хозяйство – жилище*).

Общие функциональные и предметно-тематические признаки соотносятся с **формально-структурными признаками законодательного текста**: материальным воплощением и способами трансляции в юридическом дискурсе; унификацией выраженной структуры текста; составом дотекстовых и после-текстовых реквизитов.

В частности, тексты законов существуют в реальной и виртуальной плоскостях. Реальную плоскость образуют печатные тексты конкретных законов (оформляемые на заранее утвержденных

официальных бланках закона того или иного вида и подписываемые уполномоченными субъектами-адресантами, наделенными в юридическом дискурсе соответствующим правом), а также их электронные идентичные и неидентичные копии.

Дублирование электронного/печатного текста возникает на этапе создания проекта закона. На заседаниях парламента одновременно обсуждаются и печатный (распечатанный) текст закона, и его электронная копия, признаваемые в качестве идентичных. После принятия закона печатный экземпляр подписывается и передается в архив, а идентичная копия публикуется в официальных печатных и электронных источниках²⁵, тиражируется в электронных системах, СМИ.

В правоприменительной, судебной, экспертной практике используется не уникальный в своем роде печатный экземпляр текста закона, а его копии и множественные электронные образы, как идентичные (размещенные в официальном источнике), так и неидентичные «оригинальному» тексту (например, если копия не отражает текст закона в целом и точно, не содержит реквизиты герба или подписи, представлена в ином визуальном (шрифтовом) виде или является переводным вариантом текста).

Виртуальную плоскость законодательного пространства образуют абстрактные тексты законов, представление о которых формируется на основе совмещения конкретных текстов законов (например, базового закона и законов о внесении в него изменений). Такие абстрактные тексты сначала синтезируются в виде электронного образа консолидированного закона, а затем воспроизводятся в его печатной версии.

²⁵ В настоящее время отмечается множественность официальных источников опубликования: для обнародования законов используются как периодические печатные (как правило, не более трех), так и электронные издания (также не более трех).

На общегосударственном уровне это «Российская газета», «Собрание законодательства РФ», Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). В регионах утверждены собственные перечни изданий. Например, законы Омской области публикуются в газете «Омский вестник», «Ведомостях Законодательного Собрания Омской области», размещаются на Официальном интернет-портале правовой информации. (Официальный интернет-портал правовой информации – единственный общий официальный источник для всех российских законов, как федеральных, так и региональных.)

С точки зрения последовательности размещения и признания равнозначности, в электронных источниках закон размещается раньше, чем в печатных (при этом для вступления в силу достаточно первой, электронной публикации), однако в дальнейшем электронные и печатные версии рассматриваются в качестве равноофициальных.

Любой закон, в который ранее были внесены изменения, дополнения, из которого были исключены понятия, цифры, нормативные положения, структурные единицы, в виртуальной плоскости существует в виде абстрактного трансформированного текста (*актуальной редакции закона*), в реальной – в виде совокупности последовательно принятых текстов законов: исходного текста закона и последующих законов о внесении в него изменений.

Если изменение закона происходит впервые, такое изменение осуществляется в отношении печатного, уникального в своем роде экземпляра текста закона (исходного текста). Каждое последующее изменение, принимаемое в форме нового текста закона, вносится де-юре в исходный текст с учетом его поэтапной трансформации, осуществляемой законами о внесении изменений, то есть, по сути, в «последний» до предполагаемых новых изменений консолидированный текст, последнюю актуальную редакцию закона.

Консолидированные тексты законов размещаются в справочных правовых системах²⁶, которые не являются официальными источниками. С помощью данных ресурсов можно найти и сопоставить различные редакции закона: ранее действовавшие, актуальную, будущие редакции (например, если изменения в текст базового закона уже внесены новым принятым законом, но еще не вступили в силу), сравнить редакции закона «до внесения изменений» и «после внесения изменений», до «приостановления действия отдельных положений» и после «приостановления действия отдельных положений» и т.д.

В результате, в юридическом дискурсе параллельно могут существовать и существуют несколько версий одного закона: (а) исходный текст – официальный подписанный печатный текст закона; (б) электронные и печатные копии официального текста закона; (в) электронные и печатные консолидированные варианты текста закона (если принятый закон видоизменялся, а его

²⁶ Электронные ресурсы «Консультант Плюс», «Гарант» и др. позволяют адресату быть активным по отношению к законодательному тексту: копировать и комментировать текст и на этой основе создавать свой текст; осуществлять поиск терминов и ситуаций; работать с рубрикацией и реквизитами закона; осуществлять переход из одного текста в другой и возвращаться в исходный текст с помощью ссылок, осуществлять переход по ссылкам между частями одного текста; искать дополнительную информацию к тексту (комментарии, судебную практику); формировать собственный целостный образ закона, собственное представление о причинно-следственной взаимосвязи нормативных понятий.

нормы приостанавливались), актуальные на тот или иной период времени. Если текст закона публикуется на двух и более государственных языках, число таких версий также увеличивается.

Идея закона может быть обусловлена различными факторами: внешней и внутренней политикой; экономическими и общественно-политическими процессами; спецификой территории, на которую распространяется действие закона; наделением, расширением или сужением полномочий; случившимся или планируемым событием. Волеизъявление и договоренность определенного круга лиц о принятии закона предполагает наличие основания, в связи с которым необходимо императивно регулировать тот или иной аспект социальных отношений именно законом, а не текстом другого типа, проблемной ситуации, которая должна быть решена с помощью закона. Перед автором-разработчиком закона стоит задача – выразить замысел закона (идею закона, целостный образ содержания) в ясных, однозначных, точных и взаимосвязанных формулировках, позволяющих применить положения этого закона на практике.

Целенаправленную установку адресанта-автора, который стремится образовать связный и целостный текст для того, чтобы осуществить свой замысел, вслед за М.В. Косовой, Н.В. Орловой, Т.В. Шмелевой, мы именуем **интенцией** [Косова, 2016; Орлова, 1997; Шмелева, 1997] и полагаем, что интенция – наиболее существенный дифференциальный признак жанра, а большинство существующих типологий жанров можно рассмотреть в аспекте «типологий интенций» [Орлова, 1997].

Законотворческие интенции формируются при планировании закона, до его текстового воплощения (когда автор должен решить: «для чего создается закон», «какова его конечная цель», «какие средства необходимы и достаточны»), реализуются на уровне текстового целого и прослеживаются в единстве функционального, содержательного и формально-структурного аспектов.

В качестве ключевых законотворческих интенций, реализующих те или иные соответствующие им законотворческие задачи, могут быть рассмотрены:

– **нормоустановление** – создание и законодательное закрепление норм права, лежащих в основе регулирования общественных отношений, тех или иных сфер и аспектов;

– **нормоизменение** – трансформация законодательно закреплённых правовых норм в связи с необходимостью изменения аспектов регулирования общественных отношений либо

устранения выявленной несогласованности норм одного закона или норм разных законов;

– **норморазъяснение** – уточнение каких-либо аспектов введения правовой нормы в пространство законодательных текстов или бытования ранее законодательно закрепленной нормы в этом пространстве, устранение неоднозначного понимания и применения данной нормы в правореализационном дискурсе (возможности такого понимания и применения в перспективе) и возникающих в связи с этим «сбоев» в правовом регулировании;

– **нормоприостановление** – признание правовой нормы, закрепленной в законе, временно не действующей в рамках юридического дискурса, обусловленное какими-либо обстоятельствами, при которых правовое регулирование тех или иных аспектов общественных отношений невозможно либо нецелесообразно;

– **нормоотмена** – исключение правовой нормы или в целом закона из пространства законодательных текстов в связи с утратой необходимости регулирования общественных отношений определенного вида, сфер или аспектов с помощью данной правовой нормы (данного закона).

На базе указанных интенций, реализуемых посредством различных приемов, можно не только осуществить дифференциацию законодательных текстов в зависимости от их **предметно-целевой доминанты**, но и исследовать специфику вербальных (языковых, речевых) и невербальных средств, которые используются для ее выражения.

В частности, развивая позицию о том, что естественная классификация целей репрезентируется в языке в виде глаголов и имен [Киреева, 2019], обратим внимание на формулирование законоотрческих интенций и реализацию приемов в текстах законов в виде отглагольных существительных (в названии: *о внесении изменений, о приостановлении, о признании*) и инфинитивов (в тексте: *внести изменения, приостановить, признать*).

Как было отмечено выше, функционально-целевые признаки законодательных текстов могут быть выражены с позиции волеизъявления реальных персон – субъектов дискурса или волеизъявления от лица персонифицированного субъекта – транслятора содержания, которое заверяется (удостоверяется) персоной дискурса.

В первом случае в качестве текстообразующего акционального понятия в тексте закона используется инфинитив, с помощью которого выражается институциональное действие, совершаемое в отношении текста или иного объекта, а в названии

закона указывается соответствующее существительное: *внести – о внесении, ратифицировать – о ратификации, утвердить бюджет – об утверждении бюджета.*

Во втором случае текстообразующими являются и акциональные, и предметные понятия. Для выражения текстообразующих акциональных понятий используются глаголы настоящего времени, модальные слова и их сочетания с инфинитивами, отглагольные существительные. Предметные понятия выражены существительными разных лексико-семантических групп, но преобладает лексика с предметно-процессуальной семантикой. Сравните: (в названии) *О квотировании рабочих мест* – (в тексте) *Настоящий Закон регулирует отношения в сфере квотирования рабочих мест.*

В зависимости от законотворческой интенции и выбранного способа ее трансляции – персонально-акционального либо персонифицировано-акционального – тексты законов как элементы общежанровой совокупности могут быть отнесены к следующим типам и подтипам:

(а) **законам персонифицировано-акционального типа**, с помощью которых осуществляется общее или аспектуально-отраслевое регулирование общественных отношений (базовые, нормоустанавливающие законы);

(б) **законам персонально-акционального типа**, с помощью которых:

– **трансформируется** текст закона или система текстов законов: изменяется содержание и структура базовых и иных законов (нормоизменяющие); приостанавливается институциональное действие норм базовых и иных законов (нормопростоявливающие); отменяется институциональное действие норм базовых и иных законов (нормоотменяющие); вводятся в институциональное действие законы и их структурные части (нормовводящие);

– **осуществляется толкование** содержания или процессуальных аспектов применения норм законов (норморазъясняющие);

– **осуществляются сопровождение институциональных действий, совершаемых в отношении:**

– субъектов юридического дискурса – органов власти или административно-территориальных субъектов, определение их количества, состава, создание, реорганизация, упразднение (субъектоучреждающие, субъектореорганизующие, субъектоупраздняющие);

– документов межгосударственного и внутригосударственного значения договорного характера (ратифицирующие, присоединяющие, приостанавливающие, денонсирующие); документов внутригосударственного значения программно-целевого характера (программно-утверждающие, программно-изменяющие, программно-приостанавливающие, программно-отменяющие);

(в) **законам комбинированного типа**, совмещающим: типы законов персонафицировано-акциональной и персонально-акциональной семантики; типы законов персонально-акциональной семантики.

Разные жанровые типы текстов законов объединены «общностью или предельной близостью интенции их авторов» [Орлова, 1997]. Под типом текста понимается «класс текстов, традиционно используемых для достижения определенных коммуникативных целей в типовых условиях общения, имеющих общую прагматическую целеустановку и характеризующийся сходной лингвистической спецификой» [Комарова, 2000, с. 3].

Ориентируясь на теорию «категориального устройства моделей ситуаций» [ван Дейк, 1989], полагаем, что, во-первых, тексты законов разных жанровых типов конструируются таким образом, чтобы обеспечить быстрый и эффективный поиск, обработку и представление релевантной информации о ситуациях, моделирование которых направлено на регуляцию общественных отношений; во-вторых, поскольку жанровые модели законодательного текста мыслятся как совокупность сценариев коммуникативных ситуаций, они имеют структуру, сходную со структурой данных сценариев; в-третьих, законодательные тексты, как и их жанровые модели, подвержены различным трансформациям.

В процессе построения законодательного текста определенное значение имеет распространенность (частотность) той или иной типовой композиции. Однако, как показывает анализ законодательных текстов, этот фактор не является доминирующим. Новые конструкции, закрепленные в тексте закона, особенно при неоднократном воспроизводстве, воспринимаются в качестве возможных и допустимых вариантов оформления, а затем составляют конкуренцию конструкциям, сложившимся по традиции, и могут быть их альтернативным вариантом, вытеснить (заменить) данные конструкции. Если та или иная текстовая композиция появляется на общегосударственном уровне, данное новшество считается образцовым и соответственно служит примером для регионального законотворчества.

§ 3. Объектно-предметный параметр законотворческого дискурса

Закон в силу функциональной природы имеет нормативный характер и транслирует социально полезную цель регулирования – существование правопорядка. «Вопросы о цели права и цели государства неразделимы» (цитата Т. Радбрух по [Гаджиев, 2019, с. 38]). Это означает, что любые положения, включаемые в текст закона, как бы они не были репрезентированы, учитывая общий посыл закона, должны восприниматься и рассматриваться в качестве нормативных, обязательных и целесообразных, то, что не согласуется с данными положениями либо противоречит им, – отступлением от нормы.

Законодательное регулирование объективно существующего широкого числа аспектов общественных отношений, формирование образа жизни, приписываемого человеку ради какой-нибудь цели [Спиноза, 1957, с. 62-63], осуществляется на основе установления ограниченного количества регулярно воспроизводимых моделей юридически значимых ситуаций, образцов необходимо должного поведения субъектов в данных ситуациях (обязательных и возможных действий), предупреждения о процессуальных последствиях отступления от установленных моделей и образцов.

При трансляции моделей и образцов определяются наиболее общие характеристики субъектов – персонажей юридического дискурса, их статусно-функциональные роли и аспекты дискурсивного поведения (поведенческие установки). Разнообразные формы моделирования и познания мира в виде ментальных репрезентаций (фреймов, скриптов, сценариев и т.д.) кодируются в транслируемой семантике и повторяемых формулах, декодируются и актуализируются в индивидуальном сознании в различных ситуациях [Лакофф, 2004, с. 527; Halliday, 1978].

Моделируемая с помощью законодательных текстов юридическая картина мира выражается с помощью неопределенной и вариативной терминологии, бинарно (альтернативно, дихотомично) и градуально соотносимых понятий, отображающих реальность мира вещей, осязаемых и ощущаемых объектов и предметов, и мира идей, абстракций и обобщений [Батюшкина, 2021(а), 2021(в); Туранин, 2017; Хижняк, 2019].

3.1. Модели ситуаций и действий

Многообразии типовых моделей юридически значимых ситуаций и образцов необходимого должного поведения субъектов юридического дискурса может быть сведено к **поведенческим установкам** – программируемым моделям общественно одобряемого, «цивилизованного» поведения [Апресян, 2006, с. 152-153; Хабермас, 2001], формируемым посредством текста закона: исполнение, соблюдение и использование нормы закона.²⁷

Регулярная интерпретация текста закона, гипотетических предметов, моделируемых установок (дискурсивных аксиом поведения), а также реализация данных установок на практике «задают стереотип восприятия норм» [Плотникова, 2019, с. 467] и приводят к стереотипизации поведенческого репертуара адресатов законодательного текста – субъектов юридического дискурса.

При **исполнении нормы закона** адресат обязан совершать такие ситуационно обусловленные действия, которые предписаны ему как персонажу юридического дискурса, то есть точно исполнять сценарий и реализовывать программу дискурсивного поведения, изложенную в тексте закона (то, что «позитивно обязано» и «дозволено» адресату юридических предписаний [Капустина, 2016, с. 122]). Такие действия могут быть ритуальными, символическими, повторяющимися или не имеющими прецедента в индивидуальном опыте адресата.

При **соблюдении нормы закона** адресат не совершает те действия, которые запрещены законом («соблюдает закон»). Соблюдение можно назвать «пассивным исполнением», поскольку адресат исполняет закон, не выполняя какие-либо действия, то есть, не действуя, бездействуя. В качестве примера приведем следующее определение: *молчание признается выражением воли совершить сделку в случаях, предусмотренных законом или приглашением сторон*²⁸ (ср.: молчание – знак согласия).

Поведенческие установки на исполнение и соблюдение нормы закона транслируются с помощью слов, выражающих семантику долженствования, необходимости и обязательности, «неукоснительной категоричности модальных слов» [Золотова, 1982, с. 348], «модальных предикатов» [Голев, 2004, с. 47] (*должно, должен/не должен; не вправе, не может; обязан,*

²⁷ Данным установкам особое внимание уделяется в работах правоведов, исследующих общие вопросы права. См. напр.: [Алексеев, 1981, с. 303-306, 338].

²⁸ ГК РФ, ст. 158.

обязательство, обязанные, обязательный; осуществляет/ не осуществляет, является), в том числе в сочетании с инфинитивами (*должен обеспечить, обязан исполнить, не вправе размещать*), акциональных наименований субъектов (*лицо, привлекающее инвестиции; лицо, ответственное за содержание многоквартирного дома*), иных средств. Примеры предписания: *Решение вопроса о приватизации жилых помещений должно приниматься по заявлениям граждан в двухмесячный срок со дня подачи документов*²⁹; *Уважительное отношение к памяти погибших при защите Отечества или его интересов является священным долгом всех граждан*³⁰.

При **использовании нормы закона** адресат наделяется правом действовать или не действовать по своему усмотрению (например, быть или не быть участником выборов, продать или подарить имеющийся в собственности дом). Установка на использование права транслируется с помощью «управомочивающих норм» [Тихомиров, 2015, с. 20], предоставляющих адресатам право на совершение предусмотренных в них положительно оцениваемых действий; слов, выражающих семантику «возможного действия» (*вправе, имеет право, может, и (или)*), неясную видовую семантику; скобок, в которые заключается понятие, обозначающее вариант действия (объекта или орудия действия).

В связи с такой альтернативой у адресата создается иллюзия собственной свободы в принятии решения и совершении предпочтительного, рационального, обоснованного поступка в конкретной жизненной ситуации. Однако модель ситуации и поведения в ней (права участия/неучастия в выборах, продажи/дарения) навязывается адресату извне, закон ориентирует, побуждает к необходимому типу поведения, другими словами, адресат делает выбор из уже предложенной ему альтернативы или ряда возможностей. Как только адресат воспользуется предоставленной ему возможностью, автоматически меняется поведенческая установка: *с использования – на исполнение*. Например, если человек приходит на выборы, он должен соблюдать правила проведения выборов, то есть поведение, «уместное» в данной коммуникативной ситуации. Продажа дома предполагает четкую последовательность действий: составление договора → регистрация сделки → получение свидетельства и т.д.

²⁹ Закон РФ «О приватизации жилищного фонда в РФ», ст. 8.

³⁰ Закон РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», преамбула.

Установка на предполагаемую смену семантики действия заключена в инфинитивах, используемых в сочетании с модальными словами (*может выбрать, вправе подарить, имеет право продать* и др.).

Особенностью законодательных текстов является использование императива *должно* в составе устойчивых сочетаний, употребляемых между глаголами в форме прошедшего времени и инфинитивами для передачи значения действия, которое уже произошло или произойдет в будущем: «должно было и могло», «узнало или должно было узнать», «знало или должно было знать», «знало или заведомо должно было знать», «произвело или должно будет произвести» и т.п. Такие сочетания транслируют семантику совмещенности установки на использование, соблюдение, исполнение нормы закона. Примеры: *лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий*³¹; *под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права*³²; *Лицо, которое знало или должно было знать об основаниях недействительности оспоримой сделки, после признания этой сделки недействительной не считается действовавшим добросовестно*³³. При образовании условного наклонения, передающего значения возможного, предположительного действия, используется формообразующая частица *бы*, примеры: *страховое возмещение, которое лицо, получившее компенсационную выплату, могло бы предъявить страховщику*³⁴; *на которую субъект Российской Федерации мог бы в будущем претендовать*³⁵.

Обратим внимание на то, что установки на использование, соблюдение, исполнение нормы закона, транслируемые посредством текста закона и потенциально воплощаемые в правореализационном дискурсе в необходимо должном поведении адресатов текста закона, предсказуемости их поступков, могут быть

³¹ УК РФ, ст. 27.

³² ГК РФ, ст. 15.

³³ ГК РФ, ст. 167.

³⁴ ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства», ст. 10.

³⁵ ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», ст. 25¹.

сведены к дихотомии «*требуется – запрещается*», или «*разрешено – запрещено*», по терминологии А.М. Плотниковой: «стандартному – нестандартному» поведению [Плотникова, 2019, с. 466].

С этой точки зрения, все моделируемые действия субъектов юридического дискурса также можно отнести к одному из двух видов:

– либо к дискурсивным поведенческим нормам, соответствующим моделям поведения, сложившимся в юридическом дискурсе и отражающим его цели и ценности, – то, что разрешено субъекту дискурса, то, что требуется и ожидается от субъекта дискурса в силу его функционального статуса, то, что положительно оценивается (*законопослушный гражданин, правоопослушное поведение, добросовестные ответчики*);

– либо к нарушениям дискурсивных поведенческих норм, выражающимся в отступлении от законодательных моделей, невыполнении или ненадлежащем выполнении нормы, – то, что запрещено субъекту дискурса и оценивается отрицательно с помощью синонимичной лексики (*недобросовестное, недостойное, неправомерное, противоправное, преступное* и другое поведение, нежелательное для личности и общества).

Поскольку с помощью текстов законов транслируются и регулируются практически все сферы общественных отношений (за исключением религиозной и неинституциональной межличностной), любое моделируемое действие субъекта юридического дискурса или его разновидностей может быть отнесено либо к первому типу (положительно оцениваемое поведение, соответствующее норме закона) либо ко второму типу (отрицательно оцениваемое поведение, не соответствующее норме закона). Средствами положительной или отрицательной оценки адресата и его действий эксплицировано эмоциональное воздействие на адресата закона, вторичное по отношению к воздействию на его знания и поведение.

Лексико-семантическая группа глаголов поступка и поведения, используемая в текстах законов для наименования положительно оцениваемого поведения, соответствующего норме закона, и отрицательно оцениваемого поведения, несоответствующего норме закона, объединяет слова, с семантической точки зрения, синонимичные глагольно-именному обороту «вести себя», обобщенно репрезентирующему стереотипы и когнитивные сценарии поведения (см. также: [Плотникова, 2009, с. 48, 50]).

Кроме того, если транслируются права, предусматриваются корреспондирующие им обязанности исполнять (соблюдать)

закон либо не нарушать нормы закона, а также ответственность за неисполнение установленной обязанности [Голев, 2000, с. 11] и система санкций. В этом случае подразумеваемый диалог адресанта и адресата закона сводится к дихотомии «обязанность – ответственность», предполагающей выработку установки адресата на более осознанное поведение (регулируемое адресантом).

С точки зрения доминирования способов правового упорядочивания общественной деятельности, могут быть разграничены и законодательные тексты. В частности, по мнению М.А. Капустиной, в гражданских законах преобладают отраслевые принципы регулирования поведения участников общественных отношений, дозволения, положения о правах и обязанностях, условиях их возникновения, изменения и прекращения, правовые поощрения; в уголовных доминируют запреты, положения об условиях возникновения негативной ответственности и санкциях [Капустина, 2016, с. 122-123].

3.2. Субъекты-персонажи

В общем смысле под субъектом юридического дискурса, образ которого транслируется с помощью законодательных текстов (в качестве моделируемого персонажа текста закона), понимается участник государственно-правовой коммуникации, наделенный/обладающий определенным статусно-иерархическим положением и в силу этого положения выполняющий предписанные функциональные роли, которые могут быть сведены к трансляции или к исполнению прав и обязанностей в тех или иных ситуационных контекстах.

Статус субъекта проявляется в наличии идентифицирующих признаков:

- дискурсивное имя – наименование, которое присваивается субъекту в зависимости от его функциональной роли в юридическом дискурсе;
- функциональная роль – триединство присваиваемых прав (обычных и преференций), обязанностей и ответственности;
- компетенционность – круг институциональных полномочий, в рамках которого субъекты (органы власти и должностные лица) осуществляют функциональную роль;
- дискурсивная расположенность – локально-временное измерение, в котором субъект выполняет функциональную роль;

– дискурсивное поведение – средства реализации функциональной роли.

Субъект юридического дискурса связан с публичной властью: либо транслирует ее, либо подчиняется ей. При этом, чем больше измерений дискурса контролирует субъект дискурса, тем выше его статус, больше выполняемых ролей, связанных с трансляцией власти, соответственно, больше властных полномочий и дополнительных возможностей.

В нашем исследовании субъект дискурса – это собирательный, обобщенный, обезличенный образ, который мы формируем на основе законодательных текстов и распространяем на неопределенное множество коммуникантов. С опорой на концепцию И.С. Лобашевской [2006, с. 12], в качестве субъектов – обобщенных персонажей текстов законов (участников моделируемых ситуаций юридического дискурса) мы рассматриваем три основных типа адресатов: единичные субъекты – представители общества, социальной или профессиональной группы (*гражданин, несовершеннолетний, физическое лицо, судья*); коллективные субъекты, различные целевые аудитории: профессиональные группы, органы власти, организации (*суд, правительство, юридическое лицо*); сложноорганизованные субъекты (*административно-территориальное образование (область, город и др.), государство, гражданское общество*).

Особенностью юридического дискурса является персонификация коллективных и сложноорганизованных субъектов, наделение их качествами единичных субъектов: они «могут принимать решения» и «действовать или бездействовать», как человек или группа людей (от общего к частному). Примеры: *Органы государственной власти поощряют строительство*³⁶; *Порядок утверждения норм современного чувашского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Чувашской Республики, правил чувашской орфографии и пунктуации определяется Кабинетом Министров Чувашской Республики*³⁷.

С другой стороны, характеристики и правила моделируемого поведения индивидуальной личности обобщаются и распространяются на неопределенное количество лиц – представителей того или иного сообщества (от частного к общему). Примеры: **Каждый человек имеет право на все виды творческой деятельности в**

³⁶ Конституция РФ, ст. 40.

³⁷ Закон Чувашской Республики «О языках в Чувашской Республике», ст. 2.

*соответствии со своими интересами и способностями*³⁸ – ср.: **Все люди имеет право на все виды творческой деятельности в соответствии со своими интересами и способностями.**

В границах юридического дискурса субъект может действовать как в своих интересах (*лицо, заинтересованное в совершении сделки*), так и в интересах или «от лица» каких-либо иных субъектов (*представитель ответчика*). Выполнение представительской функции предполагает не только появление у субъекта определенных прав, но и приводит к ограничениям и запретам, формированию дискурсивного поведенческого амплуа.

Проиллюстрируем на примере моделируемого образа статуса депутата, который является «представителем народа» и должен выражать не свою личную позицию, а волю избирателей³⁹. В тексте закона и юридическом дискурсе статус депутата выражен в виде совокупности личностных, профессиональных и иных характеристик. Основу данных характеристик составляют правила депутатской деятельности – требования, запреты и ограничения, которые, с одной стороны, направлены на достижение определенного результата данной деятельности, с другой стороны, идентифицируют принадлежность депутата определенному (депутатскому) сообществу, отражают сложившиеся традиции и особенности данного сообщества.

Выход за границы предписанного дискурсом статусного положения (данные условия перечислены в законе: приобретение гражданства иностранного государства, избрание депутатом иных представительных органов, назначение на иную должность и проч.) приводит к прекращению исполнения депутатских полномочий и «потере» статусного положения.

Статус депутата обусловлен корреляцией юридического дискурса с иными видами дискурсов, прежде всего, политическим. По мысли Л.А. Нудненко, поведение депутатов может «в известной мере определяться» корпоративными нормами и программными документами тех партий, членами которых они являются и от которых зависимы, а также конкуренцией между депутатскими объединениями, «отстаивающими различные политико-правовые позиции» [Нудненко, 2013, с. 139, 142, 170].

В зависимости от присваиваемых институциональных признаков, степени обобщенности выполняемой статусно-функцио-

³⁸ Основы законодательства РФ о культуре, ст. 10.

³⁹ ФЗ «О статусе сенатора РФ и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ», ст. 1.

нальной роли индивидуальные, коллективные и сложноорганизованные субъекты-персонажи законодательных текстов могут быть рассмотрены в качестве «обобщенных» либо «выделенных» адресатов закона [Батюшкина, 2017(6)].

К категории «обобщенных» адресатов относятся такие субъекты-персонажи, по отношению к которым применяются нормы декларативного характера или неопределенной семантики. Данная категория представлена с помощью слов, передающих понятия максимально широкого объема: существительных *человек, гражданин, народ, лицо* (в значении субъекта), местоимений – определителей со значением всеобщности, обобщенности (*все, каждый, любой, никто*), противопоставления (*иной, другой*), неопределенности и выбора (*кто-либо, кто-то*).

В связи с семантикой обобщенности функциональные характеристики, индивидуализирующие субъектов-персонажей, игнорируются ввиду их несущественности для предмета речи. Примеры: *никто не может присваивать власть в Российской Федерации, каждый имеет право на жизнь, каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами, все равны перед законом и судом*⁴⁰; *лица (лицо) – организации и (или) физические лица*⁴¹; *Каждый народ имеет суверенное право сохранить свою самобытную культуру, традиции, язык*⁴²; *Каждое лицо должно уплачивать законно установленные налоги и сборы*⁴³.

Обратим внимание на то, что в законодательных текстах отрицательное местоимение «никто» может употребляться не для отрицания, а для утверждения, ссылки на кого-либо (т.е. в антонимичном значении), хотя придает значение отрицания предложению в целом. Ср.: *Никто из судей не вправе воздержаться от голосования*⁴⁴ – «ни один из совокупности судей», «все судьи в целом».

Используемые для наименования субъектов неопределенные местоимения *кто-либо, кто-то*, сочетания типа *кто бы то ни был* – имеют специфическое отвлеченное значение, которое должно конкретизироваться при реализации правовых норм в конкретных ситуациях. Примеры: *торги могут быть*

⁴⁰ Конституция РФ, ст. 3, 6, 19, 20.

⁴¹ НК РФ, ст. 11.

⁴² Конституция РФ, ст. 40.

⁴³ НК РФ, ст. 3.

⁴⁴ КАС РФ, ст. 30.

признаны недействительными в случае, если **кто-либо** необоснованно был отстранен от участия в торгах⁴⁵; при изложении своего особого мнения судья не вправе сообщать **кому бы то ни было** сведения о содержании обсуждения при принятии судебного акта⁴⁶ (при принятии решения судья никому не вправе сообщать о...); суды осуществляют судебную власть самостоятельно, независимо от **чьей бы то ни было** воли⁴⁷ (суды осуществляют судебную власть независимо ни от кого); полученные в результате деятельности полиции сведения о частной жизни гражданина не могут предоставляться **кому бы то ни было** без добровольного согласия гражданина, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом⁴⁸.

Образ адресата, «выделенного» на основании каких-либо признаков из общей совокупности адресатов, взаимосвязан с активной (деятельной) или пассивной (воспринимающей) ролью субъекта-персонажа в тех или иных моделируемых ситуациях, транслируемой моделью необходимого или возможного поведения, которой должен следовать этот субъект при воспроизводстве на практике сценария ситуации.

При наименовании «выделенных» функционально однотипных адресатов – субъектов юридического дискурса используются нарицательные существительные, как одиночные (*владелец, выгодоприобретатель, экскурсант*), так и с зависимыми словами, определительными оборотами (*участник торгов, член профсоюза, вынужденный переселенец, владелец архивных документов, субъект кредитной истории, внештатный сотрудник полиции, лицо, замещающее муниципальную должность, лицо, поступающее на работу, лицо, пропавшее без вести*), существительные с собирательной семантикой и определителями (*авиационный персонал, неограниченный круг лиц, страховая группа, штатный производственный состав организации кинематографии, районный союз потребительских обществ, экипаж пилотируемого воздушного судна*), субстантивы (*выигравший конкурс*), определение понятия и синонимичные замены (*налогоплательщиками признаются организации и физические лица, на которых в соответствии с настоящим*

⁴⁵ ГК РФ, ст. 449.

⁴⁶ АПК РФ, ст. 20.

⁴⁷ ФЗ «О полиции», ст. 6.

⁴⁸ ФЗ «О полиции», ст. 6.

Кодексом возложена обязанность уплачивать налоги⁴⁹; молодежь (молодые граждане) – социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно⁵⁰).

При этом нередко используется прием сосуществования парных либо взаимосвязанных понятий и взаимообуславливающих функций (одно подразумевает другое): *работник – работодатель, страхователь – страховщик, налогоплательщик – налоговый агент; кредитор – должник; обвиняемый – обвинитель, истец – ответчик*; а также применяются уточняющие определители: «все», «несколько», «каждый», «никто» (**все работники налоговых органов** подлежат обязательному государственному личному страхованию за счет средств федерального бюджета⁵¹; **каждый участник референдума** обладает равным числом голосов⁵²; завещание **каждого из супругов** нотариус вправе удостоверить в присутствии обоих супругов⁵³; **никто** из членов экипажа судна не может быть принят на работу на судно без согласия капитана судна⁵⁴; исполнение обязательства, в котором участвуют **несколько кредиторов** или **несколько должников**⁵⁵).

Если в моделируемых ситуациях предусмотрено обоюдное участие «выделенных» адресатов, выполняющих взаимозависимые функции, вместо наименований данных адресатов могут применяться дискурсивы-заменители: «стороны», «участники», «лица, участвующие в качестве сторон»; при необходимости указания на иных адресатов, противопоставляемых «выделенным», используются дискурсивные понятия «другие лица», «третьи лица», «иные лица», «лица, не участвующие в качестве сторон». Примеры: *стороны трудовых отношений*⁵⁶; *обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих*

⁴⁹ НК РФ, ст. 19.

⁵⁰ ФЗ «О молодежной политике в РФ», ст. 2.

⁵¹ Закон РФ «О налоговых органах РФ», ст. 16.

⁵² ФКЗ «О референдуме РФ», ст. 2.

⁵³ ГК РФ, ст. 1123.

⁵⁴ КТМ РФ, ст. 57.

⁵⁵ ГК РФ, ст. 321.

⁵⁶ ТК РФ, ст. 20.

в нем в качестве сторон⁵⁷; ответственность должника и *иных лиц* в деле о банкротстве⁵⁸.

При обозначении субъектов-персонажей (как «обобщенных», так и «выделенных» адресатов) род существительного, выбранного для наименования той или иной категории лиц, не всегда совпадает с их полом. В большинстве случаев для обозначения лиц и мужского, и женского пола используются существительные либо субстантивы мужского рода, реже – среднего, хотя непосредственным адресатом правовой нормы являются и мужчины, и женщины⁵⁹. Примеры: *права и свободы человека и гражданина, опекун, потерпевший, работающий, государственный служащий, пассажир, физическое лицо, доверенное лицо*. В качестве исключений приведем такие единичные примеры, как *медицинская сестра*⁶⁰, *акушерка*⁶¹, *актриса*⁶².

Превалирование «мужского» начала, «нейтральности текста с точки зрения пола» [Уильямс, 2012, с. 193] является нормативной тенденцией юридического дискурса. Тем самым выражается, с одной стороны, неизвестность или незначимость пола для моделируемой ситуации, с другой стороны, универсальность категории мужского рода для передачи семантики нейтральности, собирательности и обобщенности. Такое выражение согласуется с постулируемым в юридическом дискурсе принципом гендерного равенства, в связи с которым правовые нормы в целом обращены и к мужчинам, и к женщинам: *мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации*⁶³.

⁵⁷ Для примера отметим, что в законах и иных документах советского периода для противопоставления по полу использовалось соотношение понятий «гражданин/гражданка»: *Вступление в брак гражданина или гражданки СССР с лицом, не имеющим гражданства СССР, не влечет изменения гражданства* [Закон СССР «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик», 1938, ст. 5]; *Судей может быть всякий, не опороченный по суду гражданин и гражданка Союза ССР* [Основы судостройства Союза ССР и союзных республик, 1924, ст. 4]. Такие образования, как *гражданка, должница, потерпевшая, заявительница*, в настоящее время неприемлемы для текстов законов, хотя употребляются в юридическом дискурсе (в судебных текстах).

⁵⁸ Закон Санкт-Петербурга «О системах оплаты труда работников государственных учреждений Санкт-Петербурга», прил. 3.

⁵⁹ ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», ст. 25.

⁶⁰ ФЗ «О государственной поддержке кинематографии РФ», ст. 3.

⁶¹ Конституция РФ, ст. 20

⁶² ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов РФ», ст. 2.

⁶³ УИК РФ, ст. 76.

Маркированность гендера, уточнение пола субъекта-персонажа свидетельствуют о распространении нормы на суженный круг адресатов, концептуализации образа мужчины или женщины, отражающей «культурно и социально обусловленные мнения и суждения о качествах, атрибутах и нормах» типового поведения того или иного гендера [Ефремов, 2021, с. 81]. При необходимости указать пол персонажа – потенциального адресата законодательной нормы используются парные образования (*мужчина/женщина, материнство/отцовство, бабушка/дедушка, братья/сестры, усыновление/удочерение, супруг/супруга*). В свою очередь, от данных понятий образуются производные (*граждане мужского пола, граждане женского пола; военнослужащие женского пола; материнский капитал; нетрудоспособность в связи с материнством; установление отцовства и др.*). Примеры положений: *Арбитражными заседателями не могут быть **супруг (супруга), родные братья и сестры***⁶⁴; *Перемещение осужденных под конвоем осуществляется с соблюдением правил раздельного содержания **мужчин и женщин, женщин, имеющих при себе детей***⁶⁵.

Моделируемый репертуар институциональных действий и функций субъектов-персонажей выражается не только с помощью наименований, но и посредством слов, передающих семантику поведенческих установок: глаголов и глагольных сочетаний (*имеет права, может поступить, должны учитываться*), причастий и прилагательных, образованных на их основе (*осуществляющий, обеспечивающий, организующий*), отглагольных существительных (*обеспечение, сопровождение, подписание, надзор*).

Иные характеристики субъекта представлены с помощью определения ситуаций (*дилерская деятельность, дискриминационные условия, рассмотрение обращения*), форм деятельности (*дистанционная работа; личное подсобное хозяйство; преступление, совершенное умышленно; разбой*), материальных вещей, принадлежащих субъекту в связи с исполнением его функциональной роли (*личная карточка телохранителя, предъявительская документарная ценная бумага*), и нематериальных атрибутов, которыми обладает или может обладать субъект (*деловая цель, денежное обязательство, имущественные права автора, личная заинтересованность судьи, преимущественное право покупки*).

⁶⁴ ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», ст. 23.

⁶⁵ УПК РФ, ст. 5.

В некоторых случаях законодательные предложения не содержат выраженной информации о субъектах-персонажах. Основное внимание уделяется объекту или предмету моделируемой либо предполагаемой ситуации, «модальным свойствам» [Золотова, 1982, с. 348]. Информация о том, кто осуществляет то или иное действие, остается в пресуппозиции, а потому определяется из контекста или взаимосвязи текстов законов. Примеры: *Вместе с представлением о досрочном прекращении полномочий члена комиссии должно быть внесено предложение по кандидатуре нового члена комиссии*⁶⁶; *момент фактического задержания – момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления*⁶⁷; *массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу* (определение понятия «экоцид») ⁶⁸.

Один и тот же субъект в различных моделируемых ситуациях может выступать в качестве разных персонажей текста закона, выполнять разные статусно-функциональные роли, следовать разным моделям поведения («носить разные юридические маски» [Гаджиев, 2017, с. 11]). Например, человек может являться покупателем, налогоплательщиком, истцом в судебном процессе, обучающимся и т.д. Смена дискурсивного статуса обуславливает смену имени, мотивации и коммуникативных задач поведения, обстоятельств реализации законодательной нормы, а также предполагаемой ответственности за ее нарушение.

3.3. Неопределенность и вариативность законодательной терминологии

Юридическое понятие не всегда выражается одним словом – термином (*суд, правоприменитель, гид-переводчик*) или терминологическим словосочетанием с прямым, реже обратным порядком слов (*пенсионные накопления, генно-инженерно-модифицированный организм, избирательное право активное*). Многие юридические термины представляют собой многословные

⁶⁶ ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», ст. 23.

⁶⁷ УПК РФ, ст. 5.

⁶⁸ УК РФ, ст. 358.

комплексы, образуемые с помощью сочетаний простых и составных терминов, развернутых групп, с добавлением пунктуационно выделенных оборотов: уточняющих, обстоятельственных, определительных.

Примеры: *авиационная организация, включая авиационное предприятие*⁶⁹ (5 слов); *розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенная лицом неоднократно*⁷⁰ (8 слов); *год, когда Пенсионный фонд Российской Федерации стал страховщиком застрахованного лица*⁷¹ (10 слов); *форма участия члена кооператива в деятельности кооператива по привлечению и использованию денежных средств граждан на приобретение жилых помещений*⁷² (18 слов); *возникшая вследствие решений, действий или бездействия органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления просроченная задолженность по долговым обязательствам субъекта Российской Федерации, муниципального образования*⁷³ (25 слов).

Многословные комплексы используются в целях полноты, смысловой точности, информативной достаточности названия чего-либо, устранения неопределенности правовой нормы, «нечетких определителей» [Голубь, Осадчий, 2011]. Однако они нарушают одно из основных требований к термину – его краткости (см. работы [Граудина, Ширяев, 1999, ст. 197; Лейчик, 256, ст. 49; Сандалова, 2010, ст. 43] и др.). Кроме того, такие комплексы очень сложны для восприятия и понимания. На это есть ряд очевидных причин.

Во-первых, содержательная структура составного термина – это сумма специальных значений его составных элементов. Чем больше составных элементов, чем сложнее их взаимосвязи, тем медленнее воспринимается и осознается общее специальное значение термина, выраженного многословным комплексом.

Во-вторых, многословные комплексы предполагают внутрискруктурное деление на главный и зависимые компоненты, регулярность повторов и юридических клише, дистантность (то есть разъединенность) соотносимых компонентов и слов.

⁶⁹ ФЗ «О государственном регулировании развития авиации», ст. 1.

⁷⁰ УК РФ, ст. 151¹, примечание.

⁷¹ ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в РФ», ст. 3.

⁷² ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах», ст. 2.

⁷³ БК РФ, ст. 112¹.

Зависимые компоненты не только подчинены главному, но и находятся в сложных связях друг с другом, как подчинительных (предложно-падежных, обстоятельственных), так и сочинительных (союзных, присоединительных).

Например, в термине *форма участия члена кооператива в деятельности кооператива по привлечению и использованию денежных средств граждан на приобретение жилых помещений* (18 слов) – 12 существительных, 2 прилагательных, 3 предлога, повтор (*кооператив*), замена односоставного понятия двусоставным клише (*денежные средства – деньги, жилое помещение – жилье*).

Для того, чтобы истолковывать данный термин, необходимо, как минимум, отделить главный четырехсловный компонент (*форма участия члена кооператива*) от зависимых, а зависимые – друг от друга, наряду со специальными значениями слов сопоставить семантические особенности падежных форм, союзного соединения: (что?) **форма** (чего?) **участия** (кого?) **члена** (чего?) **кооператива**//(участия кого в чем?) *в деятельности* (чего?) *кооператива*/(в деятельности какой? по чему?) *по привлечению* (и чему?) *и использованию*/(привлечению и использованию чего?) *денежных средств* (кого?) *граждан*/(использование денежных средств граждан на что?) *на приобретение* (чего?) *жилых помещений*.

В-третьих, образованы многословные комплексы без привлечения глаголов, только на основе существительных, прилагательных, причастий, союзов, предлогов, реже – других частей речи (числительных, местоимений, наречий).

В связи с этим заметим, что употребление глаголов не всегда возможно в законодательных текстах, тем более при формулировании наименования термина. Вместо более конкретных по значению глаголов употребляются отглагольные существительные, поскольку глагол не позволяет сделать норму в необходимой степени обобщенной, распространяемой на неограниченное количество субъектов, ситуаций, событий и контекстов.

Отглагольное существительное, транслирующее и собственный именной ресурс, и потенциал мотивирующего глагола, семантически более пластично и универсально, способно одновременно выражать значения и предметности, и действия, и состояния, называть стадии и результаты действий и процессов.

Например, чтобы выразить значение процесса, нужно использовать глагол несовершенного вида *привлекать*, для обозначения результата действия – глагол совершенного вида *привлечь*,

а существительное *привлечение* одновременно обозначает и двувидовую семантику действия, и процесс, и его результат.

Неопределенное понятие обладает высоким потенциалом полисемии и функциональными ресурсами, детерминирующими вариативность интерпретации, контекстуального употребления и ассоциативных связей, позволяет распространить норму на неограниченное либо необходимое количество ситуаций и учесть динамику развития регулируемых социальных отношений [Батюшкина, 2021(в), с. 141, 143].

В-четвертых, при формулировании термина в отдельных случаях применяется обратный порядок слов и компонентов, в частности причастный оборот употребляется до определяемого слова или словосочетания. Однако инверсия еще более затрудняет восприятие и понимание и без того сложносоставного термина.

Кроме того, обратный порядок слов в русском языке употребляется для целенаправленного выделения какого-то аспекта транслируемой информации, например: *красная роза – роза красная*. Если инверсия намеренно используется как средство формулирования составного термина и не является результатом нарушения логической последовательности изложения, возникают вопросы о непреднамеренном либо целенаправленном смещении смысловых акцентов.

Сопоставьте, для примера, с точки зрения восприятия и понимания, законодательный термин, сформулированный на основе непрямого порядка указания причастного оборота, и его трансформированный аналог:

– (непрямой порядок): *возникшая вследствие решений, действий или бездействия органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления просроченная задолженность по долговым обязательствам субъекта Российской Федерации, муниципального образования*⁷⁴;

– (прямой порядок): *просроченная задолженность по долговым обязательствам субъекта Российской Федерации, муниципального образования, (какая?) возникшая вследствие решений, действий или бездействия органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления*.

Наряду с многословным термином, полагаем, в том числе и для экономии языковых средств, текстового пространства, в законе может быть введен его альтернативный краткий

⁷⁴ БК РФ, ст. 1121

(видоизмененный, усеченный) вариант. Поскольку в настоящее время аббревиация при образовании сокращенных вариантов, в отличие, например, от советского периода, малоупотребительна (за редкими исключениями: ГАС «Выборы» и др.), альтернативные варианты представляют собой термины-слова или термины-словосочетания, состоящие из двух, реже трех либо четырех слов. В альтернативных вариантах, как правило, сохраняются опорные слова многословного комплекса.

При введении вариантов не всегда, но применяются специальные слова-маркеры: *далее* (если в последующем тексте используется только альтернативный краткий вариант) либо *далее также* (если в тексте одновременно употребляются и исходный многословный, и вторичный краткий варианты). Примеры терминов и определений:

– *форма участия члена кооператива в деятельности кооператива по привлечению и использованию денежных средств граждан на приобретение жилых помещений (далее – форма участия в деятельности кооператива) – порядок внесения членами кооператива паевых взносов в паевый фонд кооператива в устанавливаемых кооперативом в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона вариантах для выбора одного из них членами кооператива*⁷⁵;

– *автомобильная дорога, содержащая платный участок, – автомобильная дорога, содержащая участок автомобильной дороги, использование которого осуществляется на платной основе в соответствии с настоящим Федеральным законом и который ограничен начальным и конечным пунктами, определенными в решении об использовании такого участка автомобильной дороги на платной основе (далее также – платный участок автомобильной дороги)*⁷⁶.

Как соотносятся многословный и краткий варианты с правовой точки зрения – вопрос не лингвистический. Но, констатируя частотность таких альтернативных замен, наличие двух терминов для обозначения одного понятия и в то же время их функциональную разницу, обратим внимание на следующее.

С одной стороны, в силу дальнейшего употребления в законе один из якобы идентичных вариантов целенаправленно транслируется в качестве менее значимого, но более предпочтительного. И это не многословный вариант. Речь идет о терминах,

⁷⁵ ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах», ст. 2.

⁷⁶ ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», ст. 3.

введенных с помощью слов-маркеров (далее, далее также). Многословный термин вводится в закон, скорее, для установочной, первично-ознакомительной цели. Далее при раскрытии цели и предмета закона употребляется другой, дополнительный вариант, не настолько информативно точный, но более удобный, как для законодателя, формулирующего правовые нормы, так и для правоприменителя, воспринимающего, интерпретирующего и исполняющего эти нормы.

С другой стороны, альтернативные варианты активно используются для замены несложных по составу терминов (например: *дистанционная (удаленная) работа – дистанционная работа, выполнение трудовой функции дистанционно*), и наоборот, некоторые многословные термины не получили закрепленной альтернативы (*граждане, привлекаемые для трудоустройства из другого субъекта Российской Федерации в рамках реализации региональной программы повышения мобильности трудовых ресурсов*) либо заменяются таким малоупотребительным средством, как аббревиатуры (*государственная интегрированная информационная система в сфере контроля за оборотом драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них на всех этапах этого оборота – ГИИС ДМДК*)⁷⁷. Это может

⁷⁷ Данные примеры взяты из следующих законодательных определений:

Дистанционной (удаленной) работой (далее – дистанционная работа, выполнение трудовой функции дистанционно) является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей связи общего пользования [ТК РФ, ст. 312¹];

В Законе РФ «О занятости населения в РФ» под гражданами, привлекаемыми для трудоустройства из другого субъекта РФ в рамках реализации региональной программы повышения мобильности трудовых ресурсов, понимаются также граждане РФ, проживающие на территории города Байконура [Закон РФ «О занятости населения в РФ», ст. 13¹];

государственная интегрированная информационная система в сфере контроля за оборотом драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них на всех этапах этого оборота (далее также – ГИИС ДМДК) – федеральная государственная информационная система, предназначенная для получения, обработки, хранения и предоставления информации о происхождении и об обращении драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них, а также для организации специального учета [ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», ст. 1].

свидетельствовать о недостаточно четко выработанном подходе к тому, в каких случаях альтернативные замены терминов необходимы, допустимы или не осуществляются.

В качестве альтернативных могут восприниматься термины, вводимые в скобках после основных, без слов-маркеров (далее, далее также). При интерпретации терминов, один из которых указывается в скобках после другого (первичного) и является вторичным по отношению к нему, необходимо учитывать разные значения, которые могут транслировать соотносимые термины: не только альтернативность, но и дублетность, эквивалентность, взаимозаменяемость, вариативность, синонимию, пояснение, уточнение, конкретизацию и др. См. также: [Шелов, 2016, с. 533].

Сравните:

– *информация о состоянии окружающей среды (экологическая информация)*⁷⁸ – информация о состоянии окружающей среды (или экологическая информация)/информация о состоянии окружающей среды (то есть экологическая информация);

– *государственная культурная политика (политика государства в области культурного развития)*⁷⁹ – государственная культурная политика (или политика государства в области культурного развития)/государственная культурная политика (другим словами, политика государства в области культурного развития).

Такой вывод следует и из особенностей совместного либо отдельного употребления введенных альтернативных терминов. В частности, если в дальнейшем в тексте закона употребляется только первичный термин, это может свидетельствовать о поясняющей функции термина, данного в скобках [Батюшкина, 2021(в)]. Например, в статье 2 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» введен термин *аварийно-опасный участок дороги (место концентрации дорожно-транспортных происшествий)* и дано его определение, но далее в тексте закона (см., например, статью 6) употребляется только первичный вариант *аварийно-опасный участок дороги*.

В законах вводятся определения не только специальных терминов (*референдум, местное самоуправление*), но и общеупотребительных слов, которые, вроде бы, и так всем понятны (*год, день, дорога, магазин, ребенок*), абстрактных и неоднозначных

⁷⁸ ФЗ «Об охране окружающей среды», ст. 1.

⁷⁹ Основы законодательства РФ о культуре, ст. 3.

понятий (*исключительные обстоятельства, крайняя необходимость, трудная жизненная ситуация*), понятий, сходных до степени смешения, но не тождественных (*капитальные вложения – капиталовложения*); синонимичных понятий (*кровные родственники – родственники по происхождению*). Терминологические значения, закрепляемые в законодательных дефинициях, отличаются от лексических юридической специализацией [Хижняк, 2018, с. 234].

Отсутствие законодательной дефиниции позволяет трактовать термин в нужном ключе, широко и вариативно. Но термин без дефиниции является и существенным недостатком, препятствующим однозначному пониманию закона, унификации и систематизации юридической терминологии.

Законодательное определение формулируется, прежде всего, для того, чтобы устранить неверное или многозначное толкование термина не вообще, а применительно к целям и предмету конкретного закона, конкретной области действительности, регулируемой данным законом, поэтому отмечается тенденция узкоотраслевого, узкопредметного определения одного понятия по-разному в разных законах. На то, что термин определяется узкопредметно, применительно к конкретному закону, указывают специальные юридические клише (*в целях настоящего Закона, в смысле настоящего Закона, в соответствии с настоящим Законом, в целях настоящей статьи* и т.п.).

Примеры: *Под выездной проверкой в целях настоящего Федерального закона понимается проверка, проводимая по месту нахождения объекта аудита (контроля)⁸⁰; В целях настоящей статьи иждивенцами погибшего должностного лица таможенного органа признаются члены его семьи и иные лица, находившиеся на его полном содержании или получавшие от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию⁸¹.*

При формулировании отсылочных определений узкоотраслевая специализация может препятствовать толкованию термина, поскольку предполагает обращение к иным текстам. Для примера приведем определения терминов *аккредитация удостоверяющего центра* и *аккредитованное лицо*, толкование которых предусматривает знание интерпретатором корреспондирующих законодательных норм или обращение к ним: *аккредитация*

⁸⁰ ФЗ «О Счетной палате РФ», ст. 16.

⁸¹ ФЗ «О таможенном регулировании в РФ», ст. 323.

удостоверяющего центра – признание соответствия удостоверяющего центра **требованиям настоящего Федерального закона**⁸²; аккредитованное лицо – юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы или индивидуальный предприниматель, получившие аккредитацию **в порядке, установленном настоящим Федеральном законом**⁸³.

Практика отраслевого терминопредопределения обусловливает: с одной стороны, дублирование дефиниций – воспроизводство одного и того же термина и его определения без каких-либо изменений в разных законах одной и той же отрасли либо смежных или разных отраслях права (*анонимный жертвователь*⁸⁴); с другой стороны, отраслевые и разноотраслевые варианты официальных дефиниций, актуальные для разных законов и областей правового регулирования. Согласимся с С.П. Хижняком в том, что наличие разных дефиниций не способствует упорядоченности законодательной терминосистемы [Хижняк, 2018, с. 238].

Ниже приведены примеры сходного, но не тождественного определения термина:

– в разных статьях одного закона: **арбитражный управляющий** – гражданин Российской Федерации, являющийся членом саморегулируемой организации арбитражных управляющих; **Арбитражным управляющим** признается гражданин Российской Федерации, являющийся членом одной из саморегулируемых организаций арбитражных управляющих⁸⁵;

– в разных законах: **Автором промышленного образца** признается гражданин, творческим трудом которого он создан⁸⁶; **Автором изобретения, полезной модели или промышленного образца** признается гражданин, творческим

⁸² ФЗ «Об электронной подписи», ст. 2.

⁸³ ФЗ «Об аккредитации в национальной системе аккредитации», ст. 4.

⁸⁴ Под анонимным жертвователем понимается гражданин, который не указал в платежном документе на внесение пожертвования любое из следующих сведений: фамилию, имя и отчество, адрес места жительства – или указал недостоверные сведения, либо юридическое лицо, о котором в платежном документе на внесение пожертвования не указано любое из следующих сведений: идентификационный номер налогоплательщика, наименование, банковские реквизиты – или указаны недостоверные сведения (смотрите: ФЗ «О политических партиях», ст. 30; ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», ст. 58; ФКЗ «О референдуме РФ», ст. 48).

⁸⁵ ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», ст. 2.

⁸⁶ Закон СССР «О промышленных образцах», ст. 2 (закон применяется в части, не противоречащей ГК РФ).

*трудом которого создан соответствующий результат интеллектуальной деятельности*⁸⁷.

При анализе законов мы выделили более 250 терминов, имеющих два законодательных определения (*биологический материал, дискриминация, инвестиции, малочисленные народы, манипулирование рынком, мобильное приложение, профессиональный риск, эмансипация*), около 50 терминов, имеющих три определения (*банк, застройщик, инвестор, культурные ценности, лицо без гражданства, опека, пропускной режим, свидетель*); есть законодательные термины с четырьмя и более определениями (*время отдыха, должник, пенсионные накопления, экспертная организация*). Некоторые термины при различном определении употребляются в формах единственного и множественного числа (*иностранное лицо – иностранные лица*). См. примеры: [Словарь терминов российского законодательства/автор-составитель М.В. Батюшкина, 2022].

Варианты определений отличаются узким либо широким значением, каким-либо содержательным аспектом, контекстуальной детализацией. И не исключено, что новое правовое регулирование, осуществляемое с помощью нового закона, иные контекст и моделируемые ситуации обусловят появление нового значения и альтернативного определения термина либо уточнение редакции действующей дефиниции.

Обозначение одного понятия двумя эквивалентными терминами – исходным пространным и производным сокращенным (как и любая вариативность при наименовании) – предполагает не просто транслируемую предпочтительность, а приоритетность одного из терминов. Употребление сокращенного варианта может быть ограничено рамками того текста закона или того структурного элемента закона, в котором данный термин введен, а для взаимосвязи нормативных положений внутри системы законодательства, для правоприменительного и судебного дискурсов, экспертно-аналитической практики сокращенный вариант не имеет такого правового значения, как исходный.

⁸⁷ ГК РФ, ст. 1347.

Выводы по главе II

Законотворческий дискурс представляет собой подвид юридического дискурса, в рамках которого осуществляется создание с помощью вербальных и невербальных средств текстовых источников правовых норм, трансляция типовых общеобязательных правил и алгоритмов действий, упорядочивающих должным образом общественные отношения.

Параметризация и корреляционный подход к характеристике процессуального, субъектного, объектного и предметного параметров законотворческого дискурса позволяют: исследовать практику порождения текста закона и пространства законодательных текстов; определить состав участников законотворческого дискурса, наделенных тем или иным статусом и исполняющих в дискурсивно обусловленных ситуациях определенные функциональные роли (текстотворчество, текстосимволизация), а также типовые решения и действия участников законотворческого дискурса в различных обстоятельствах процесса законоотрчества; проследить взаимосвязь законотворческого дискурса с юридическим дискурсом и иными его подвидами, другими институциональными дискурсами (политическим, экспертно-научным и прочими).

К категории субъектов законотворческого дискурса – адресантов закона относится широкий круг лиц, принимающих на разных этапах непосредственное или опосредованное участие в создании и трансляции текста закона и правовых правил, поскольку в границах законотворческого дискурса:

(1) формируется идея будущего закона (определяются предметный сценарий, на основе которого в перспективе будут регулироваться те или иные отношения, функциональные роли субъектов юридического дискурса, которые своими решениями и действиями будут реализовывать данный сценарий);

(2) разрабатывается «исходный» текст законопроекта, отражающий идею закона; осуществляется разнопредметный экспертный анализ и доработка/переработка «исходного» текста;

(3) проходят неоднократные «чтения» (первичное, промежуточные, итоговое) законопроекта в парламенте.

Знания и умения адресантов (индивидуальных субъектов), их волевые решения и ритуально-символические действия, осуществляемые в соответствии с занимаемыми позициями в законотворческом дискурсе, являются (экстра) лингвистическими

факторами порождения не только текста закона, но и в целом законодательного пространства, посредством которого регулируются общественные отношения и конструируется реальность.

Совокупность текстов законов представляет собой пополняемое и трансформируемое гипертекстовое пространство, обеспечивающее общность и разноаспектность регулирования общественных отношений, а также ограниченность критериев и средств данного регулирования. Тексты законов являются структурно-содержательными элементами данного пространства, в силу принадлежности данному пространству выполняют право-регулирующую функцию. Понятие «закон» применяется по отношению к различным видам текстов, отличающихся функциями, структурой и содержанием, наделяемой юридической силой и положением в вертикальной иерархии законов. В связи с данными и иными признаками, а также количественным составом текстов законов того или иного вида законодательное пространство может быть рассмотрено с позиции классифицирования.

Регулирование с помощью текстов законов объективно существующего максимально широкого числа аспектов общественных отношений осуществляется на основе определения функциональных статусов субъектов – участников юридического дискурса (персонажей законодательных текстов); установления ограниченного количества регулярно воспроизводимых моделей ситуаций, образцов необходимо должного поведения субъектов в данных ситуациях (обязательных и возможных действий, полномочий, компетенций); предудеждения о последствиях отступления от установленных моделей и образцов.

Особенности формулирования, вариативность законодательных терминов и определений не только отражают основные свойства языка, но и являются маркером принадлежности текстов, в которых фиксируются данные термины и определения, законодательному стилю и юридическому дискурсу. Неопределенность, альтернативное или параллельное употребление вариативных терминов и дефиниций, мотивированное законотворческими интенциями, целью, предметом закона, свидетельствуют о разноаспектности регулируемых общественных отношений, развитии правовой системы, поиске наиболее оптимального текстуального воплощения правового понятия и правовой нормы. В связи с фактическим наличием специально-отраслевых дефиниций возникают вопросы о соотношении терминов, определенных законодателем по-разному или сходным образом, с учетом различных оснований, о возможности широкой или узкой внутрисистемной интерпретации юридических терминов.

Заключение

Для развития научного знания особую актуальность имеет вопрос об интеграции научных направлений и парадигм, которая осуществляется при необходимости комплексного рассмотрения объекта исследования, а также при сопряженности целей и задач разных наук. Любая фундаментальная наука для своей реализации предполагает переход к практической деятельности, обогащающей и верифицирующей теоретические представления.

В связи с совмещением аспектов языка и права представляется актуальным формирование и развитие законодательной дискурсологии, значение которой как прикладной дисциплины видится в разработке методологии лингвистического обеспечения процессов моделирования и экспертного анализа законодательных текстов. Особого сопоставительного исследования требуют вопросы о воспроизводстве и трансформации правовых норм, о терминологии модельных (типовых) законов.

Предметом отдельных исследований должны стать жанровая типология законодательных текстов, построенная с учетом функциональной, формальной и содержательной специфики законов; а также словарная кодификация законодательной терминологии, направленная на лексикографическое описание, выработку соответствующих ортологических рекомендаций.

Перспективным направлением научных изысканий является изучение роли языков народов России в развитии юридического дискурса. Представляют интерес проблемы использования государственных языков в правотворческой, правоприменительной и судебной практике (в условиях двуязычия и многоязычия); двуязычная компетенция субъектов (авторов, переводчиков, экспертов), принимающих участие в создании, интерпретации и применении текстов законов. Дублирование законодательных текстов на разных государственных языках может быть рассмотрено в свете соотношения норм современных национальных литературных языков.

Библиография

1. *Азарова Л.Е.* Лексико-семантические особенности термина//Языковые единицы: логика и семантика, функции и прагматика: Сб. научных трудов к 75-летию П.В. Чеснокова. — Таганрог: ТГПУ, 1999. С. 191-196.
2. *Алексеев С.С.* Общая теория права: В 2-х т. Т. I. — М.: Юрид. лит., 1981. 360 с. Т. II. — М.: Юрид. лит., 1982. 360 с.
3. *Алефиренко Н.Ф.* Проблема соотношения речевого жанра и дискурса//Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2009. № 2. С. 53-60.
4. *Андривеский А.Ю.* Правовой дискурс: происхождение и общее понятие//Образование. Наука. Творчество. 2011. № 5. С. 11-14.
5. *Анисимова Т.В.* Типология жанров деловой речи: риторический аспект: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2000. 41 с
6. *Апелян С.Г.* Англицизмы в структуре масс-медийного и официально-делового дискурсов: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2011. 181 с.
7. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
8. *Апресян Ю.Д.* Основания системной лексикографии/Языковая картина мира и системная лексикография. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Урысон Е.В., Санников А.В. Серия «Studiophilologica». Отв. ред. Ю.Д. Апресян. — М.: «Языки славянских культур», 2006. С. 33-160.
9. *Артамонов А.Н.* Создание законов в субъектах Российской Федерации. Ростов-на-Дону: РЮИ РПА Минюста России, 2011. 192 с.
10. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс//Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Совет. энциклопедия, 1990. С. 136-137.
11. *Барсесян В.М.* Административный дискурс: структура, объем, практики производства и легитимации текстов//Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21 (1). С. 107-135.

12. *Батюшкина М.В.* Прописные буквы в названиях органов власти: соотношение лингвистической теории и правотворческой практики//Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 3 (7). С. 34-36.

13. *Батюшкина М.В.* О лингвистической экспертизе законопроектов//Журнал российского права. 2016. № 4. С. 24-32.

14. *Батюшкина М.В.* Государственные языки республик: к вопросу о моделировании статуса, функциональной роли и ситуациях употребления//Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017(a). Т. 3. № 3. С. 113-128.

15. *Батюшкина М.В.* Законодательный текст: его адресант и адресат//Гуманитарный вектор. 2017(6). Т. 12. № 2. С. 70-78.

16. *Батюшкина М.В.* К вопросу о формировании представления о русском языке как государственном в досоветский и советский периоды//Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 27-47.

17. *Батюшкина М.В.* К вопросу о жанровых особенностях конституционных преамбул//Жанры речи. 2020 (a). № 2 (26). С. 136-145.

18. *Батюшкина М.В.* К вопросу об использовании антонимов в законодательных текстах (на материале российских законов)//Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020(6). № 1 (26). С. 55-58.

19. *Батюшкина М.В.* Моделирование и лингвоэкспертный анализ законодательных текстов (в аспекте правотворческих интенций, стратегий и тактик)//Вопросы права государственного языка и языка права: монография/О.Н. Киянова, отв. ред. [и др.]. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 57-68.

20. *Батюшкина М.В.* Юридическое понятие и юридический термин: особенности соотношения и определений (на материале российских законов)//Вестник Кемеровского государственного университета. 2020(в). Т. 22. № 1 (81). С. 207-215.

21. *Батюшкина М.В.* О юридико-лингвистической неопределенности законодательных терминов и норм//Русистика. 2021(a). Т. 19. № 2. С. 138-154.

22. *Батюшкина М.В.* Общий взгляд на развитие языка права и законодательных текстов//Юрислингвистика. 2021(6). № 19. С. 5-14.

23. *Батюшкина М.В.* К вопросу о синонимах в законодательных текстах (на материале российских законов)//Сибирский филологический журнал. 2021(в). № 2. С. 192-206.

24. *Бейлинсон Л.С.* Функции институционального дискурса//Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009 (а). № 3. С. 142-147.

25. *Бейлинсон Л.С.* Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения//Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2009 (б). № 1 (9). С. 145-149.

26. *Белов С.А., Гулида В.Б.* Язык юридических документов: сложности понимания//Acta linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. 1. № 15. С. 56-103.

27. *Белов С.А., Кропачев Н.М.* Что нужно, чтобы русский язык стал государственным?//Закон. 2016. № 10. С. 81-97.

28. *Бельдиян В.М.* Текст как лингвистическая реальность // Теория текста: внутренняя и внешняя структуры. — Ташкент: Изд-во ТГПИ, 1993. С. 9-33.

29. *Бельдиян В.М., Батюшкина М.В.* Основы теории языка и речи: курс лекций/В.М. Бельдиян, М.В. Батюшкина; под общ. ред. М.В. Батюшкиной. — Омск: ОмГПУ, 2016. 426 с.

30. *Блумфильд Л.* Язык. — М.: Прогресс, 1968. 607 с.

31. *Бобина Г.С.* Конституция России как фактор сохранения традиционных ценностей и норм российской культуры: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01. — Томск, 2017. 28 с.

32. *Богатырев А.В.* Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Волгоград, 2016. 26 с.

33. *Борботько В.Г.* Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. — Краснодар, 1998. 48 с.

34. *Борисова Л.А.* Юридический дискурс: основные характеристики//Язык, коммуникация и социальная среда. 2016. № 14. С. 133-151.

35. *Боруленков Ю.П.* Дискурс как метод юридического познания и доказывания. Ч. 1. Юридический дискурс как элемент формирования механизма социального контроля//Мировой судья. 2013(а). № 11. С. 16-22.

36. *Боруленков Ю.П.* Дискурс как метод юридического познания и доказывания. Ч. 2. Нарративная природа судебного дискурса//Мировой судья. 2013(б). № 12. С. 18-23.

37. *Брандес М.П.* Стилистика текста. Теоретический курс: учебник /М.П. Брандес. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Прогресс-Традиция: ИНФРА-М, 2004. 416 с.

38. *Брызгалов А.И.* Правотворчество в отечественной науке: становление доктрины и современные представления. — М.: АҚ-ПиППРО, 2009. 104 с.

39. *Булаков О.Н.* Функции палат парламентов (теория и практика)//Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2003. № 6 (54). С. 2-6.

40. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М.: «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

41. *Буралова Р.А., Халидов А.И.* Тенденции чеченско-русского двуязычия и эколлингвистическая ситуация в Чеченской Республике//Рефлексия. 2016. № 6. С. 3-13.

42. *Бурлак С.А.* Введение в лингвистическую компаративистику /С.А. Бурлак, С.А. Старостин; МГУ им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. [и др.] М.: Эдиториал УРСС, 2001. 270 с.

43. *Бутакова Л.О., Гуц Е.Н.* Официально-деловой дискурс: психолингвистическое исследование восприятия инструктивного документа методом «встречного текста»//Вестник Челябинского государственного университета. 2013. С. 16-22.

44. *Бэнкс Д., Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Зарубежная политическая лингвистика: учебное пособие. — М.: Флинта: Наука. 2008. 351 с.

45. *Васильев А.Д.* Языковое законодательство как реализация идеологических парадигм//Филология и человек. 2011. № 3. С. 7-26.

46. *Веденеев Ю.А.* Юридическая картина мира: между должным и сущим//Lex russica. 2014. № 6. С. 641-654.

47. *Вербицкая Л.А.* Русский язык как государственный: современное состояние и меры по его укреплению и развитию// Liberal Arts in Russia. 2015. Vol. 4. No. 2. P. 90-100.

48. *Викторова Е.Ю.* Вспомогательная система дискурса: проблемы выделения и специфики функционирования: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2016. 49 с.

49. *Власенко Н.А.* Язык права/Н.А. Власенко; Гос. ин-т регион. законодательства администрации Иркутск. обл. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1997. 173 с.

50. *Власенко, Н.А., Залоило, М.В.* Динамика законодательства в контексте социально-экономического развития. В кн.: Нарышкин С.Е., Хабриева, Т. Я., Абрамова А.И. и др. Научные концепции развития российского законодательства: монография (отв. ред. академик РАН, д.ю.н., проф. Т. Я. Хабриева, д.ю.н., проф. Ю. А. Тихомиров; 7-е изд. доп и перераб.). — М.: «ИД Юриспруденция», 2015. 544 с. URL. Доступ: СПС «Гарант» (Дата обращения: 04.06.2022).

51. *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика/Р. Водак; пер. с англ. инем. В.И. Карасика, Н.Н. Тропиной; Волгоград: Перемена, 1997. 138 с.

52. *Волков А.А.* Правовой дискурс как объект социально-философского познания//Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 28-36.

53. *Воронцов С.Г.* Адресат правовой информации: для кого пишутся российские законы//Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29. С. 43-47.

54. *Выготский Л.С.* Мышление и речь//Соб. соч. Т. 2. — М.: Педагогика, 1956. 516 с.

55. *Гаджиев Г.А.* Юридическая картина мира: лекция//Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2017. Т. 22. № 2. С. 7-13.

56. *Гаджиев Г.А.* Конституция России: двадцать лет спустя: конвертация ожиданий и надежд в опыт//Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. Т. 28. № 4. С. 53-59.

57. *Гаджиев Г.А.* О понимании и правопонимании в конституционном праве//Толкование правовых актов. Материалы II Научно-всерос. конф. Симферополь: Крымский фед. ун-т им. В.И. Вернадского, 2019. С. 33-58.

58. *Гальперин И.Р.* Судебная лингвистическая экспертиза коррупционного дискурса: предмет, задачи и компетенции//Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 8 (24). С. 6-14.

59. *Галяшина Е.И.* Лингвистическая экспертиза нормативных правовых актов как средство профилактики коррупции//Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 147-151.

60. *Галяшина Е.И.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.

61. *Гарашко А.Ю.* Правовой дискурс как интегративный фактор формирования метасистемы права//Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 19-23.

62. *Голев Н.Д.* Юридический аспект языка в лингвистическом освещении//Юрислингвистика. 1999. № 1. С. 12-59.
63. *Голев Н.Д.* Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема//Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 8-41.
64. *Голев Н.Д.* О специфике языка права в составе общенародного русского языка//Юрислингвистика-5. 2004. С. 39-57.
65. *Голев Н.Д.* Юрислингвистика. Вводный очерк теории: учебное пособие/Н.Д. Голев. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2021. 214 с.
66. *Голев Н.Д., Матвеева О.Н.* Юрислингвистическая экспертиза: на стыке языка и права//Юрислингвистика. 2006. № 7. С. 192-212.
67. *Головин Б.Н.* Основы культуры речи/Б.Н. Головин. — М.: Высшая школа, 1980. 319 с.
68. *Голубь Н.Н., Осадчий М.А.* Нечеткие определители в аспекте деривации смыслов//Актуальные проблемы современного словообразования: сб. научных статей. Кемерово, 2011. С. 402-405.
69. *Горбаневский М.В., Трофимова Г.Н.* ГЛЭДИС в цифровом пространстве. Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам – 20 лет. — М.: ИПЦ «Маска», 2021. — 176 с.
70. *Граудина Л.К., Ширяев Е.Н.* Культура русской речи. Учебник для вузов. — М.: Норма-инфра М, 1999. 560 с.
71. *Григорьева В.С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография/В.С. Григорьева. — Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2007. 288 с.
72. *Дедов Д.И.* Трансформация правового дискурса: гносеологический аспект//Государственная служба. 2019. Т. 21. № 1. С. 26-31.
73. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ./Сост. В.В. Петрова; Под ред. В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. — М.: Прогресс, 1989. 312 с.
74. *Дейк Т.А. ван.* Дискурс и знание//Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013 (а). № 13 (156). С. 5-23.
75. *Дейк Т.А. ван.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации/Т.А. ван Дейк; [пер. с англ. Е. Переверзев, Е. Кожемякин]. — М.: URSS, 2013 (б). 344 с.

76. *Дрыгина Ю.А.* Место управленческого дискурса в классификации типов дискурса и дискурсивных жанров//Фундаментальные исследования. 2013. № 10-12. С. 2810-2813.

77. *Дубровская Т.В.* Предисловие. В кн.: Языки для специальных целей: проблемы, методы, перспективы: моногр./под ред. Т.В. Дубровской, А.И. Жолнерик, О.В. Дроновой. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. С. 4-7.

78. *Дубровская Т.В.* Юридический дискурс как предмет социального конструкционизма (конструирование межнациональных отношений)//Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3 (67). С. 117-123.

79. *Дубровская Т.В., Кожевникова Е.И.* Государственный язык, языковая ситуация и языковая политика: репрезентация в тексте Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации»//Научный диалог. 2020. № 10. С. 37-48.

80. *Дускаева Л.Р.* Стилистика официально-деловой речи: учебн. пособие для студ. учрежд. высшего профессионального образования//Л.Р. Дускаева, О.В. Протопопова. — М.: Академия, 2011. 263 с.

81. *Евтушенко О.А.* Административный дискурс: типы, субъекты, динамика: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. — Волгоград, 2019. 329 с.

82. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1. — М.: Прогресс, 1960. С. 264-389.

83. *Ефремов В.А.* Гендерные стереотипы и прецедентные феномены//Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сб. научных трудов V Международной научно-практической конференции. Орел, 2021. С. 80-86.

84. *Жалинский А.Э.* Современные проблемы криминологического дискурса//Российский криминологический взгляд. 2007. № 4. С. 91-98.

85. *Жинкин Н.И.* Язык. Речь. Творчество (Избранные труды). — М.: Лабиринт, 1998. 368 с.

86. *Жукова М.Е.* Законодательный дискурс как объект семиотического исследования//Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2011. № 5. С. 46-52.

87. *Звегинцев В.А.* Смысл и значение//Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. — М.: Просвещение, 1973. С. 92-98.

88. *Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи/В.А. Звегинцев. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 307 с.

89. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса/Г.А. Золотова. — М.: Наука, 1982. 368 с.

90. *Зорькин В.Д.* Конституционно-правовое развитие России/В.Д. Зорькин. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 719 с.

91. *Игнатенко В.В.* Лингвистическое качество законов об административных правонарушениях: понятие и отд. аспекты оценки: науч.-практ. пособие/В.В. Игнатенко; М-во общ. и проф. образования РФ. Иркут. гос. экон. акад. — Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. 41 с.

92. *Исаков В.Б.* Язык права//Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 64-79.

93. *Иссерс О.С.* Дискурсивные практики нашего времени: монография. — М.: Ленанд, 2015. 272 с.

94. *Калинина Н.А.* Лингвистическая экспертиза законопроектов: опыт, проблемы и перспективы: (На примере работы Правового упр. Аппарата Гос. Думы Федер. Собр. РФ) : Науч.-практ. пособие/Н.А. Калинина. — М.: Упр. делами ГД РФ: Известия, 1997. 43 с.

95. *Каменский М.В.* Когнитивно-функциональная модель дискурсивных маркеров: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. — Майкоп, 2015. 46 с.

96. *Камышева С.Ю.* Парламентский дискурс: некоторые аспекты речевого воздействия//Русская грамматика 4.0. Сб. тезисов Межд. научного симпозиума. Под общ. ред. В.Г. Костомарова. 2016. С. 464-468.

97. *Капустин А.А.* Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс//Журнал российского права. 2015. № 11. 59-69.

98. *Капустина М.А.* Правовое регулирование и правоустановительная техника: языковые приемы формулирования юридических предписаний//Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 3 (26). С. 121-129.

99. *Карапетов А.Г.* Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве/А.Г. Карапетов. — М.: Статут, 2007. 874 с.

100. *Карасик В.И.* О категориях дискурса//Языковая личность: социолингвистический и эмотивный аспекты. — Волгоград: Перемена, 1998. С. 185-196.

101. *Карасик В.И.* О типах дискурса//Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. труд. — Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
102. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс//В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
103. *Карасик В.И.* Дискурс//Дискурс-Пи. 2015 (а). Т. 12. № 3-4. С. 147-148.
104. *Карасик В.И.* Лингвокультурные ценности в дискурсе// Иностранные языки в высшей школе. 2015 (б). № 1 (32). С. 25-35.
105. *Карасик В.И.* Дискурсивная конвергенция. В сб.: Лингвистическая лимология. Материалы Всерос. научной конф. с междунар. участием. — М., 2022. С. 32-39.
106. *Карасик В.И., Бейлинсон Л.С.* Речевой жанр и речевое действие//Филология. 2010. № 1. С. 123-126.
107. *Касавин И.Т.* Экспертиза/Энциклопедия эпистемологии и философии науки / РАН, Ин-т философии РАН; [редкол.: И.Т. Касавин (гл. ред. и сост.) и др.]. — Москва: Канон+, 2009. 1247 с. URL: http://enc-dic.com/enc_epist/Jekspertiza-845.html(Дата обращения: 20.12.2021).
108. *Катамадзе М.О.* Феномен неэкспрессивности фразеологизма (на материале научного и официально-делового типов немецкоязычного дискурса): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — М.: 2015. 195 с.
109. *Катышев П.А.* Метод параметрического моделирования в судебной лингвистике//Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2018. Т. 17. № 3. С. 24-34.
110. *Катышев П.А.* Деликтогенное вовлечение в опосредованной политической коммуникации: проблемы дискурсивного анализа и судебно-лингвистической параметризации// Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса: коллект. монография. научн. ред. Боженкова Н.А., Катышев П.А.; рецензенты: Карасик В.И., Шаклеин В.М. — М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. С. 293-319.
111. *Катышев П.А., Осадчий М.А.* Судебная лингвистическая экспертиза. [Электронное издание]. — М.: Гос.Ин-т русского языка имени А.С. Пушкина, 2020. 121 с.
112. *Киреева Е.З.* Категория модальности и ее выражение в тексте официального документа (на материале регионального законодательства): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Архангельск, 2019. 440 с.

113. *Киселева С.В.* Отношения «части и целого», выраженные предикатами партитивной семантики (когнитивный аспект)//Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 7. № 21-1. С. 57-71.

114. *Китанина Э.А., Цзэн Я.* Отражение ценностных ориентиров в языковом менталитете политика. В сб.: Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. — М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. С. 225-231.

115. *Киянова О.Н.* Конституция Российской Федерации 1993 года: вопросы права государственного языка и языка права (традиции, новации, развитие). В кн.: Вопросы права государственного языка и языка права: монография / О.Н. Киянова, отв. ред. [и др.]. — Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 124 с.

116. *Кленов А.Л.* Проблемы языкового равенства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации//Конституционное и муниципальное право. 2010. № 9. С. 57-60.

117. *Клушина Н.И.* От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике//Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 9. — Воронеж. 2011. С. 26-33.

118. *Когут С.В.* Дискурсивные маркеры в письменном научном дискурсе//Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 157-163.

119. *Кожемякин Е.А.* Концептуально-методологическое обоснование дискурсивной формы бытия культуры: автореф. дис. ... докт. философ. наук: 24.00.01. Белгород, 2009. 39 с.

120. *Кожемякин Е.А.* Юридический дискурс//Дискурс-ПИ. 2013. Т. 10. № 3. С. 126-127.

121. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка: [учебник для пед. ин-ов по специальности № 2101 «Русский язык и литература»]/М.Н. Кожина. 2-е изд., перераб., доп. — М.: Просвещение, 1983. 223 с.

122. *Колесникова Л.В.* Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности (на материале предметно-терминологической области «Международное частное право»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Ставрополь, 2007. 19 с.

123. *Комарова Р.Н.* Язык закона: лингвистические характеристики (на материале текста Германского гражданского уложения): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб, 2000. 21 с.

124. *Коновалова Л.Г.* Конституционализм как составная часть принципа верховенства закона//Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 4. С. 17-21.

125. *Коновалова М.В.* Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Челябинск, 2008. 25 с.

126. *Корепанова Т.Л.* Использование удмуртского языка при опубликовании законов и иных нормативных правовых актов органов государственной власти Удмуртской Республики//Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 1. С. 170-173.

127. *Корнев А.В.* Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации//Актуальные проблемы российского права. 2021. № 9. С. 11-20.

128. *Косова М.В.* Субъективность как компонент модальности документного текста//Категория модальности в речевой коммуникации. Сб. научн. трудов. Под ред. И.Ю. Кукса. 2016. С. 162-168.

129. *Косова М.В., Тоназ А.И.* Системообразующие признаки делового и административного дискурсов//Термины в коммуникативном пространстве. Изд-во Астраханского гос. мед. ун-та. — Астрахань, 2017. С. 130-136.

130. *Косоногова О.В.* Онимы в юридическом дискурсе: система и функционирование (на материале современного английского языка): автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Ростов-на-Дону, 2011. 17 с.

131. *Косоногова О.В.* Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры//Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 1. С. 61-68.

132. *Кочемасова Д.Р., Воронина Е.Б.* Профессиональный дискурс//Вестник Марийского государственного университета. 2018. Т. 12. № 3. С. 146-151.

133. *Крапивкина О.А.* Лингвистический статус субъекта в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19. — Иркутск, 2011. 20 с.

134. *Крапивкина О.А.* Судебные дискурсивные практики: отражение & конструирование//Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 3 (30). С. 89-98.

135. *Крапивкина О.А., Непомилов Л.А.* Юридический дискурс: понятие, функции, свойства//Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9 (37). С. 102-105. URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7855> (Дата обращения: 15.02.2022).

136. *Крашенинников П.В.* Закон и законотворческий процесс. — М.: Статут, 2017. 160 с.

137. *Крысин Л.П.* Лексические способы выражения смысла 'часть целого' в русском языке//Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. — М.: Знак, 2008. С. 223-242.

138. *Крюкова Е.А.* Язык и стиль законодательных актов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. — М., 2003.

138. *Кубиц Г.В.* Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Челябинск, 2005. 20 с.

140. *Кулова Л.З.* Особенности речевого воздействия в различных типах дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Нальчик, 2016. 26 с.

141. *Кушнерук С.П.* Федеральный закон России о государственном языке как объект документно-лингвистического анализа (Ч. I)/С.П. Кушнерук//Научный диалог. 2012. № 12: Филология. С. 111-123.

142. *Лавицкий А.А.* Русскоязычный правовой дискурс: правонарушение, совершаемое вербальным способом//Русистика. 2019. Т. 17. № 3. С. 300-314.

143. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении/Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. — М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

144. *Лактионова Е.Б.* Аналитический обзор основных подходов к психологической экспертизе образовательной среды//Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2008. № 68. С. 18-32.

145. *Лебедева А.А.* Юридический дискурс как объект лингвистического исследования (обзор)//Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 4 (71). С. 238-243.

146. *Лебедева Н.Б.* О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы)//Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 50-64.

147. *Лейчик В.М.* Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. — М.: Книжный дом «Либрикон», 2009. 256 с.

148. *Лобашевская И.С.* Средства выражения коммуникативно-прагматического значения в официально-деловой речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 2006. 22 с.

149. *Лукашевич Н.В.* Отношения часть – целое: Теория и практика//Нейрокомпьютеры: Разработка, применение. 2013. № 1. С. 7-12.

150. *Лурия А.Р.* Язык и сознание/А.Р. Лурия. — М.: Изд-во МГУ, 1979. 320 с.

151. *Любимов Н.А.* Правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики: конспект лекций/Н.А. Любимов. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009 (М.: Типография «Наука»). 160 с.

152. *Ляшенко Н.В.* Русский язык как государственный язык Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. — М., 2004. 26 с.

153. *Макаров М.Л.* Языковое общение в малой группе: опыт интерпретативного анализа дискурса: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. — Тверь, 1997. 420 с.

154. *Мальцева В.А.* Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации (на примере юридического дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Челябинск, 2011. 25 с.

155. *Мартышко Н.Ю.* Современный законодательный дискурс: юридическая терминология и правовое сознание//Вестник центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2014. № 2. С. 28-33.

156. *Мартышко Н.Ю.* Смысловая модификация терминов в современном законодательном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Волгоград, 2015. 24 с.

157. *Матвеева Г.Г., Зюбина И.А., Лесняк М.В.* Особенности жанровой системы парламентского дискурса //Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 133-140.

158. Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов. — М.: Издание Государственной Думы, 2013. 40 с.

159. Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов. Изд. 4-е, испр. и доп. — М.: Изд. Государственной Думы, 2013. 120 с. (в ред. 2021 года).

160. *Миронова Н.Н.* Дискурс-анализ оценочной семантики: Учеб. пособие по языкознанию: (Нем. яз.)/Н.Н. Миронова. — М.: НВИ: Тезаурус, 1997. 157 с.

161. *Мкртычян С.В., Лебедева А.А.* Ядерная зона речезанрового пространства российского законодательного дискурса// Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 2 (69). С. 134-141.

162. *Мустайоки А.* Возможна ли грамматика на семантической основе?//Вопросы языкознания. 1997. № 3. С. 15-25.

163. Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Законодательно-текстологическая экспертиза уголовно-правовых законопроектов// Юридическая техника. 2022. № 16. С. 467-473.

164. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация/ А.И. Новиков. — М.: Наука, 1983. 215 с.

165. Нудненко Л.А. Парламентарий: понятие и принципы деятельности//Парламентское право России: монография/А.И. Абрамова, В.А. Витушкин, Н.А. Власенко и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой; Госдума; ИЗИСП при Правительстве РФ. — М.: Изд. Госдумы, 2013. 400 с.

166. Орлова Н.В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка»: к вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи. Вып. 1. 1997. URL.

167. Осадчий М.А. Русский язык на грани права. Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи: монография/М.А. Осадчий. — М.: Книжный дом «Либроком», 2018. 254 с.

168. Осипов Б.И. Языковые проблемы права и правовые проблемы языка//Юрислингвистика. 1999. № 1. С. 60-70.

166. Палашевская И.В. Функции юридического дискурса и действия его участников//Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12. № 5-2. С. 535-540.

169. Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. — Волгоград, 2012(а). 40 с.

170. Палашевская И.В. Жанровая организация юридического дискурса: социолингвистический подход//Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2012(б). Вып. 2. С. 146-151.

171. Пахаруков А.А. Понятие «конкурентоспособность» в российском правовом дискурсе//Социальная компетентность. 2020. Т. 5. № 2 (16). С. 199-210.

172. Петрова Т.А. Лингвокультурологический аспект официально-делового дискурса (на материале документации учреждений сферы образования Уральского региона): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Челябинск, 2005. 22 с.

173. Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. 12.710. Всесоюз. научно-исслед. ин-т сов. законодательства. — М., 1972. 41 с.

174. *Плотникова А.М.* Документный текст как объект судебной лингвистической и автороведческой экспертизы//Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016. № 1 (30). С. 37-43.

175. *Плотникова А.М.* Семантика переименования объекта как реализация когнитивных отношений тождества и противоположности в языке//Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 526-531.

176. *Поляков А.В.* Российский правовой дискурс и идея коммуникации: учебное пособие/А.В. Поляков. — СПб: Юрид. книга, 2006. 60 с.

177. *Помигуев И.А., Алексеев Д.В.* Законодательный процесс и законодательные технологии как предмет исследования в российском политологическом дискурсе//Власть. 2020. Т. 28. № 3. С. 190-195.

178. *Помигуев И.А., Фомин И.В., Мальцев А.М.* Сетевой подход в законодательных исследованиях: перспективные методы качественного и количественного анализа парламентской деятельности//Политическая наука. 2021. № 4. С. 31-59.

179. *Пономаренко В.А.* Фразеология и деловой дискурс/ В.А. Пономаренко. Рос. гос. торг.-эконом. ун-т. — Краснодар: Диапазон-В, 2012. 142 с.

180. *Пономаренко Е.А.* Типологическая классификация речевых жанров институционального дискурса//Жанры речи. 2019. № 2 (22). С. 105-109.

181. *Попова Л.Е.* Юридический дискурс как объект интерпретаций (семантический и прагматический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Краснодар, 2005. 20 с.

182. *Поспелова О.В.* К вопросу о нормативном дискурсе в политических науках//Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 39-45.

183. *Прохоров П.В.* Мониторинг законодательных ошибок: юридико-технические аспекты//Юридический вестник. Издание Совета Федерации. 2009. № 3-4. С. 58-63.

184. *Пугова А.О.* Особенности объективации когнитивного стиля языковой личности в институциональном и персональном типах дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Нальчик, 2017. 26 с.

185. *Рассказов Л.П.* Теория государства и права: учебник для вузов. — М.: Норма, 2009. 464 с.

186. *Рахинский Д.В.* Глобальная информатизация как базис

современного универсализма: социально-философский анализ: автореф. дис. ... докт. философ. наук: 09.11.11. — Красноярск, 2018. 40 с.

187. *Ревазов М.А.* Язык опубликования нормативных актов: проблема двуязычия регионального законодательства и пути их решения//Вопросы этнополитики. 2020. № 2. С. 54-67.

188. *Рекош, К.Х.* Влияние толкования на правовой дискурс// Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6. С. 209-216.

189. *Россинская Е.Р.* Судебная экспертология в свете новой номенклатуры научных специальностей. В кн.: Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов Научно-практической конференции с междун. участием, г. Нижний Новгород, 19-20 мая 2022 г. — Нижний Новгород: ННГУ, 2022. С. 225-231.

190. *Россинская Е.Р., Галяшина Е.И.* Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2011. 464 с.

191. *Руднев Д.В., Садова Т.С.* Русский языка как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации»)//Журнал российского права. 2017. № 2. С. 56-66.

192. *Салтыков К.Г.* Прагматические свойства юридических терминов//Современное право. 2015. № 8. С. 26-31.

193. *Сандалова Н.В.* Норма и вариативность в юридической терминологии (по лексикографическим источникам)//Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2 (8). С. 42-47.

194. *Сафронова Т.С.* Вербализация механизмов суггестивного воздействия в судебном дискурсе (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Майкоп, 2017. 25 с.

195. *Силантьев И.В.* Текст в системе дискурсивных взаимодействий//Критика и семиотика. 2004. № 7. С. 98-123.

196. *Слепухин С.Н.* Индоевропейские механизмы стереотипизации в юридическом дискурсе : на примере категорий 'persona', 'res mobilis/res immobilis': автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.20. — Чебоксары, 2014. 23 с.

197. Словарь терминов российского законодательства: более 6000 терминов и определений [Электронный ресурс]/автор-составитель М.В. Батюшкина. — М.: Флинта, 2022. 700 с.

198. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа/А.В. Кнутов, С.М. Плаксин и др. Нац. иссл. ун-т «Высшая

школы экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2020. 311 с.

199. *Соколова О.В.* Дискурсы активного воздействия: теория и типология: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. — М., 2015. 635 с.

200. *Солдатова А.А.* Речевые стратегии и тактики адвокатского дискурса в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Тверь, 2013. 19 с.

201. *Сологуб О.П.* Официальность как организующее начало документной коммуникации//Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016. № 1 (30). С. 18-27.

202. *Солодов А.В.* Государственный язык Российской Федерации: проблемы легального определения //Российский юридический журнал. 2004. № 3. С. 37-38.

203. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики/Ред. Ш. Балли и А. Сеше. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.

204. *Спиноза Б.* Избранные произведения: В 2 т./Общ. ред. и вступ. статья, с. 5-77, В. В. Соколова]. — М.: Госполитиздат, 1957. 631 с.

205. *Славская Н.В.* Значение языка российского законодательства в современной законотворческой деятельности//Государство и право в XXI веке. 2014. № 1. С. 18-21.

206. *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности//Язык и наука конца XX века. Сб. статей. — М.: РГГУ, 1995. 432 с.

207. *Телешев А.А.* Лингвопрагматические особенности французского законодательного дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. — Н. Новгород, 2004. 178 с.

208. *Терентий Л.М.* Интенциональная структура дипломатического дискурса: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. — М.: 2017. — 22 с.

209. *Тихомиров Ю.А.* Теория закона/Ю.А. Тихомиров; отв. ред. В.П. Казимирчук. — М.: Наука, 1982. 257 с.

210. *Тихомиров Ю.А.* Проблемы качества правовых актов//Право и современные государства. 2015. № 3. С. 14-26.

211. *Тодоров Ц.* Понятие литературы//Семиотика. — М. 1983. С. 355-369.

212. *Труханова Д.С.* Правительственный час как коммуникативное событие в русскоязычном парламентском дискурсе//Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 94-103.

213. *Тубалова И.В.* Официально-деловой дискурс как протекстовая среда бытования диалектного текста//Вестник Томского государственного университета. 2010. № 1 (9). С. 80-90.

214. *Туранин В.Ю.* Актуальность проведения лингвоюридических экспертиз региональных законопроектов//Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 12. С. 19-20. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/28602-aktualnost-provedeniya-lingvojuridicheskikh-ehkspertiz-regionalnykh-zakonoproektov> (Дата обращения: 20.02.2022).

215. *Туранин В.Ю.* Юридический дискурс как феномен современной культуры//Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики. Сб. докл. Межд. научн.-практ. конференции. 2017. С. 128-131.

216. *Тухватуллина Л.А.* Рациональность в праве: подход Н. Лумана//Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 175-190.

217. *Уильямс К.* Юридический английский и Простой английский: изменения и дополнения (перевод с англ. яз. Т.В. Дубровской)//Юрислингвистика. 2012. № 1 (12). С. 191-206.

218. *Уланов А.В.* Коммуникативные стратегии в военном дискурсе//Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 246-254.

219. *Ушаков А.А.* Право, язык, кибернетика//Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 2. С. 34-41.

220. *Фаритов В.Т.* Онтологический статус феномена дискурса//Эпистемология & философия науки. 2014. Т. XXXIX. № 1. С. 124-136.

221. *Фаритов В.Т.* Трансгрессия и трансценденция как онтологические перспективы дискурса: автореф. дис. ... докт. философ. наук: 09.00.01. — М.: 2015. 35 с.

222. *Федосюк М.Ю., Бакланова И.И.* Наименования объектов в современной русской деловой речи с точки зрения их ориентации на восприятие адресатом//Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 141-148.

223. *Федулова М.Н.* Юридический дискурс как социокультурный и языковой феномен: уровни научной интерпретации//Филологические науки в МГИМО. 2015. № 4. С. 47-59.

224. *Федулова М.Н.* Динамический характер юридического дискурса//Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 4. С. 215-217.

225. *Фогельсон Ю.Б.* Мягкое право в современном правовом дискурсе//Журнал российского права. 2013. № 9 (201). С. 43-51.

226. Фуко М. Порядок дискурса//Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности: [Сборник]/Мишель Фуко; [Сост., пер. с фр., коммент. и послесл., с. 396-443, С. Табачниковой]. — М.: Магистериум: Изд. дом «Касталь», 1996. 446 с.

227. Фуко М. Археология знания/Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. — СПб: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университ. книга, 2004. 416 с.

228. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб: Наука, 2001. 382 с.

229. Хабибулина Н.И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. — М., 1996. 146 с.

230. Хазагеров Г.Г. За вывеской официально-делового стиля: к проблеме окультуривания делового общения//Актуальные проблемы стилистики. 2020. № 6. С. 67-75.

231. Хазагеров Г.Г., Ульянова Т.В. Дискурс как адаптационная категория: баланс ясности и уместности в научном дискурсе. В кн.: Дискурсология: возможности интерпретации гуманитарного знания. Тезисы докладов участников всерос. научно-практич. конференции с междуна. участием. Отв. ред. Л.Н. Синельникова. — Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2018. С. 19-20.

232. Хижняк С.П. Терминологическое значение и его отражение в дефинициях//Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121). С. 233-238.

233. Хижняк С.П. Терминообразовательные значения как результат категоризации научных понятий (на материале русской юридической терминологии)//Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 2 (23). С. 82-84.

234. Хомутова Т.Н., Шеффер Т.Н. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования//Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2019. Т. 16. № 3. С. 44-53.

235. Храпцова Н.Г. Опыт применения дискурс-правового анализа к некоторым важнейшим положениям Конституции Российской Федерации//Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 131-136.

236. Храпцова Н.Г. К вопросу об обосновании теории правового дискурса//Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 19-22.

237. *Храмцова Н.Г.* Терминологическая система правовой науки и факторы образования понятия «правовой дискурс»//Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 12. С. 41-50.

238. *Худяков А.В.* Президентский дискурс: институциональная составляющая//Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2016. № 2 (60). С. 184-188.

239. *Чекалин А.А.* Стилистическая грамматика: взаимодействие грамматических категорий и его роль в формировании законодательного дискурса немецкого языка//Вестник ИГЛУ. 2012. С. 132- 139.

240. *Чекалин А.А.* Структура законодательного дискурса и формирующие ее грамматические категории //Вестник Башкирского университета. 2013. Том 18. № 1. С. 109-113.

241. *Чернышова Т.В.* Аналитико-экспертная деятельность филолога и проблема выбора метода в современной лингвоэкспертной практике//Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12. № 3. С. 16-28.

242. *Чжао Я., Катышев П.А.* Критический дискурс-анализ и критические дискурсивные исследования//Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы Междун. научно-практич. конференц. в рамках Междун. Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур. — М.: Изд-во Гос. ин-та русского языка им. А.С. Пушкина, 2018. С. 266-270.

243. *Чикилева Л.С.* Президентский политический дискурс как средство манипуляции: прагмалингвистический аспект//Российский гуманитарный журнал. 2018. Т.7. № 1. С. 20-29.

244. *Шаклеин В.М.* Сжатый текст в современной лингвокультуре//Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 551-556.

245. *Шарикова Л.А.* Метафора войны в политическом дискурсе//Сибирский филологический журнал. 2012. № 1. С. 155-162.

246. *Шейна И.М.* Механизмы языковой концептуализации в официально-деловом дискурсе//Иностранные языки в школе. 2015. № 3 (34). С. 22-28.

247. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. — Волгоград, 2000. 432 с.

248. *Шелов С.Д.* Еще раз о вариативности терминов: термины-словосочетания – особый случай?//Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания

(к 100-летию со дня рождения Б.Н.Головина): сб. ст. по материалам научной конференции. 2016. С. 532-542.

249. *Шилина С.А.* Управленческий дискурс как технология коммуникативного взаимодействия государства и общества// Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 4 (29). С. 4-10.

250. *Ширинкина М.А.* Дискурс исполнительной власти: к определению понятия//Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 3 (35). С. 67-74.

251. *Ширяева Т.А.* Когнитивное моделирование институционального делового дискурса: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. — Краснодар, 2008. 50 с.

252. *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып. 1. 1997. URL.

253. *Эпштейн М.Н.* Идеология и язык. Построение модели и осмысление дискурса//Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19-33.

254. Юридическая энциклопедия. Изд-е 5-е, доп. и перераб./ Под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: 2005. 972 с.

255. *Юртаева Е.А.* К пониманию закона в дореволюционной России//Журнал российского права. 2010. № 9. С. 83-98.

256. *Agar M.* Institutional discourse/M. Agar//Text. 1985. Vol. 5 (3). P. 147-168.

257. *Conley J.M., O'Barr W.M.* Rules versus Relationships: the Ethnography of Legal Discours. Chicago, London: University of Chicago Press, 1990. 222 p.

258. *Dijk T.A. van.* Studies in the pragmatics of discourse. The Hague-Paris: Mouton, 1981. 331 p.

259. *Galdia M.* Legal Discourses, Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. 449 p.

260. *Halliday M.A.* Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. London: Arnold Publishers, 1978. 256 p.

261. *Harris Z.* Discourse analysis/Z. Harris//Language. 1952. Vol. 28, No. 1. P. 1-30.

262. *Landau D.* Abusive Constitutionalism//University of California Davis Law Review. 2013. No. 1. Vol. 47. P. 189-195.

263. *Luhmann N.* Law as a social system. Oxford University Press. 2004. 498 p.

264. *Wilber K.* The Spectrum of Consciousness/K. Wilber. Wheaton: Quest, 1977, anniv. Ed. 1993. 374 p.

265. *Wodak R.* Disorders of Discourse/R. Wodak. London; New York: Longman, 1996. 200 p.

Приложение

Регламентация использования языков народов России (на материале текстов законов)

При исследовании текстов законов, отражающих сферы использования языков, их функциональные статусы в правотворчестве и правоприменении, в том числе вариативность наименования функционального статуса, мы отметили законодательно установленную возможность развития российского внутригосударственного юридического дискурса в качестве русскоязычного и одновременно двуязычного (многоязычного).

См., в частности, положения о функциональных статусах:

- *языка народа Российской Федерации/языка народа Российской Федерации, проживающего на территории субъекта Российской Федерации*⁸⁸;

- *государственного языка Российской Федерации*⁸⁹;

- *государственного языка республики*⁹⁰/*государственного языка субъекта Российской Федерации*⁹¹/*государственного языка субъекта Российской Федерации (республики)*⁹²/*государственного языка республики – субъекта Российской Федерации*⁹³/*государственного языка республики, которая входит в состав Российской Федерации*⁹⁴/*государственного языка соответствующей республики, входящей в состав Российской Федерации*⁹⁵/*государственного языка республики, находящейся в составе Российской Федерации*⁹⁶/*государственного языка соот-*

⁸⁸ Закон РФ «О языках народов РФ»; ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ», ст. 44.

⁸⁹ Конституция РФ, ст. 68; Закон РФ «О языках народов РФ», ст. 3; ФЗ «О государственном языке РФ»; ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории РФ», ст. 4.

⁹⁰ Конституция РФ, ст. 68; Закон РФ «О языках народов РФ», ст. 3; ФКЗ «О судебной системе РФ», ст. 10.

⁹¹ ФЗ «О национально-культурной автономии», ст. 11; УИК РФ, ст. 12.

⁹² ФЗ «Об актах гражданского состояния», ст. 6.

⁹³ ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ», ст. 27.

⁹⁴ ГПК РФ, ст. 9.

⁹⁵ ФЗ «О выборах Президента РФ», ст. 67.

⁹⁶ ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», ст. 12.

ветствующей республики в составе Российской Федерации⁹⁷ / государственного языка республики в составе Российской Федерации⁹⁸;

• языка конституционного судопроизводства⁹⁹; языка гражданского судопроизводства¹⁰⁰; языка уголовного судопроизводства¹⁰¹; языка судопроизводства в арбитражном суде¹⁰²; языка судопроизводства и делопроизводства в судах¹⁰³; языка судопроизводства и делопроизводства в военных судах¹⁰⁴;

• языка нотариального делопроизводства¹⁰⁵; языка делопроизводства в правоохранительных органах¹⁰⁶; языка работы федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления¹⁰⁷;

• языка официального опубликования федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания Российской Федерации, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации¹⁰⁸; языка официального опубликования законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации¹⁰⁹;

• языка, используемого в отношениях Российской Федерации с субъектами Российской Федерации¹¹⁰; языка договора о разграничении полномочий между Российской Федерацией и субъектом Российской Федерации¹¹¹;

• языка подготовки и проведения выборов и референдумов¹¹².

⁹⁷ ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ст. 8.

⁹⁸ ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ», ст. 28; ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ», ст. 50; ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории РФ», ст. 4.

⁹⁹ ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», ст. 33.

¹⁰⁰ ГПК РФ, ст. 9.

¹⁰¹ УПК РФ, ст. 18.

¹⁰² АПК РФ, ст. 12.

¹⁰³ ФКЗ «О судебной системе РФ», ст. 10; Закон РФ «О языках народов РФ», ст. 18.

¹⁰⁴ Основы законодательства РФ о нотариате, ст. 10.

¹⁰⁵ Закон РФ «О языках народов РФ», ст. 18.

¹⁰⁶ Закон РФ «О языках народов РФ», ст. 11.

¹⁰⁷ Закон РФ «О языках народов РФ», ст. 12.

¹⁰⁸ Закон РФ «О языках народов РФ», ст. 13.

¹⁰⁹ Закон РФ «О языках народов РФ», ст. 27.

¹¹⁰ ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ», ст. 50.

¹¹² Закон РФ «О языках народов РФ», ст. 14; ФКЗ «О референдуме РФ», ст. 8.

При этом русский язык наделяется характеристиками языка, приоритетного по отношению к другим языкам в официальных сферах общения. Еще на этапе становления современного российского законодательства в Законе Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» (1991 г.) (название в первоначальной редакции «О языках народов РСФСР»), а затем в Конституции России (1993 г.), Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации» (2005 г.), региональных нормативных правовых актах было зафиксировано, что *только государственный язык Российской Федерации (русский язык)* используется во взаимодействии между Российской Федерацией и ее субъектами, между субъектами Российской Федерации, а также в официальной переписке и иных формах официальных взаимоотношений между органами власти, организациями субъектов федерации с адресатами в Российской Федерации. В отношениях между Россией и зарубежными странами, при заключении международных договоров на паритетных началах используются русский язык как государственный язык Российской Федерации и язык соответствующей страны.

Работа в федеральных, региональных, местных органах власти, судопроизводство, судебное, нотариальное и иное официальное делопроизводство, проведение выборов и референдумов *должны* осуществляться *на государственном языке Российской Федерации*, при этом: в республиках наряду с государственным языком Российской Федерации *могут* употребляться государственные языки республик (а в избирательном процессе – и языки народов Российской Федерации в местах их компактного проживания); ответы на обращения даются на языке обращения, а в случае невозможности – на государственном языке Российской Федерации.

Государственный язык Российской Федерации установлен в качестве языка *официального опубликования* федеральных конституционных и федеральных законов, актов палат Федерального Собрания, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, в республиках указанные законы и акты *наряду с официальным опубликованием* (т.е. на русском языке) *могут публиковаться* на государственных языках данных республик. Отметим, что до настоящего времени не получило законодательную регламентацию аналогичное правило о языке (или языках) официальной публикации Конституции

Российской Федерации, законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации.

Нормативные правовые акты (в том числе законы) республик наряду с официальным опубликованием на государственном языке Российской Федерации *могут* официально публиковаться на государственных языках республик; законы и иные нормативные правовые акты иных субъектов Российской Федерации (краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов) официально публикуются на государственном языке Российской Федерации, а в необходимых случаях, определенных в региональном законодательстве, указанные акты наряду с официальным опубликованием (то есть на русском языке) могут публиковаться на языках народов Российской Федерации.

В настоящее время нормативно-правовые базы большинства регионов содержат положение о подготовке и изложении текста нормативного правового акта субъекта Российской Федерации *«на русском языке»¹¹³*, *«только на русском языке»¹¹⁴*, без указания статуса русского языка как государственного.

Менее частотен вариант, при котором одновременно указываются и статус русского языка как государственного, и его правотворческая функция. Для этого используется типовая формулировка: *нормативные правовые акты (такого-то субъекта) излагаются на русском языке – государственном языке Российской Федерации»¹¹⁵*. В законе о правовых актах Ленинградской области акцентировано, что областные правовые акты *«излагаются исключительно на русском языке – государственном языке Российской Федерации»¹¹⁶*.

¹¹³ См., в частности, законы: Иркутской области «О правовых актах Иркутской области и правотворческой деятельности в Иркутской области», ст. 20; Карачаево-Черкесской Республики «О правовых актах Карачаево-Черкесской Республики», ст. 17; Курганской области «О нормативных правовых актах Курганской области», ст. 23; Республики Мордовия «О правовых актах Республики Мордовия», ст. 17.

¹¹⁴ Закон Омской области «О нормативных правовых актах Омской области», ст. 51.

¹¹⁵ См., например, законы: Забайкальского края «О нормативных правовых актах Забайкальского края», ст. 23; Калининградской области «О порядке подготовки, принятия, обнародования и вступления в силу законов Калининградской области», ст. 6; Липецкой области «О нормативных правовых актах Липецкой области», ст. 11.

¹¹⁶ Областной закон Ленинградской области «О правовых актах Ленинградской области», ст. 2.

В конституциях республик русский язык определен и в качестве государственного языка Российской Федерации, и в качестве одного из государственных языков республики. В результате статусом «государственный язык республики» наделены еще более 30 языков (наряду с русским языком). См. также: [Батюшкина, 2017 (а), 2019].

При этом отметим, что в большинстве республик закреплены два государственных языка – русский и язык коренного населения, давшего название республике (в Адыгее, Алтае, Башкортостане, Бурятии, Ингушетии, Калмыкии, Коми, Саха (Якутии), Татарстане, Тыве, Удмуртии, Хакасии, Чечне, Чувашии). Более двух государственных языков установлено в республиках Северная Осетия – Алания, Марий Эл, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Мордовии, республиках Крым и Дагестан.

Несмотря на паритетность (равноправность) государственных языков республик, транслируемую с помощью законодательных текстов, обратим внимание на определение того или иного языка в качестве «*первого среди равных*», поскольку не всегда можно говорить о соблюдении алфавитного порядка указания государственных языков (в 11 республиках из 21 такой порядок не соблюдается). Сравните:

(а) сначала указывается иной национальный язык либо национальные языки (диалекты языка), затем – русский язык: *в алфавитном порядке*: алтайский/русский (Алтай), башкирский/русский (Башкортостан), бурятский/русский (Бурятия), ингушский/русский (Ингушетия), калмыцкий/русский (Калмыкия), коми/русский (Коми), марийский (горный и луговой)/русский (Марий Эл); *не в алфавитном порядке*: кабардинский и балкарский/русский (Кабардино-Балкария), саха/русский (Саха (Якутия)), иронский и дигорский диалекты осетинского языка/русский (Северная Осетия – Алания), татарский/русский (Татарстан), тувинский (тыва)/русский (Тыва), чеченский/русский (Чечня), чувашский/русский (Чувашия);

(б) сначала указывается русский язык, затем иной национальный язык или иные национальные языки: *в алфавитном порядке*: русский/удмуртский (Удмуртия), русский/хакасский (Хакасия); *не в алфавитном порядке*: русский/адыгейский (Адыгее), русский/языки народов Дагестана: аварский, даргинский, кумыкский, лезгинский, лакский, табасаранский, рутульский, агульский, цахурский (Дагестан), русский/украинский и крымско-татарский (Крым), русский/мордовский (мокшанский и эрзянский) языки (Мордовия);

(в) русский язык указывается «внутри» перечня иных национальных языков (*в алфавитном порядке*): абазинский, карачаевский, ногайский, русский, черкесский (Карачаево-Черкесская Республика).

В ряде законов в отношении национальных языков применяются уточняющие определения, отражающие характеристики этноса, например: *башкирский язык как язык башкирской нации, реализовавшей свое право на самоопределение*¹¹⁷; *языками обучения в Республике Дагестан являются русский язык и родные языки народов Дагестан*¹¹⁸; *язык Саха как язык коренной нации, давшей название республике*¹¹⁹.

Для русского языка в законах республик установлены статусы и определения интегративного характера: *язык межнационального общения* (Дагестан, Тыва, Хакасия¹²⁰); *язык межнационального общения народов республики* (Дагестан, Удмуртия¹²¹); *язык межнационального общения и официального делопроизводства* (Карачаево-Черкесская Республика¹²²); *основное средство межнационального общения* (Алтай, Бурятия, Калмыкия, Коми, Марий Эл, Саха (Якутия)¹²³).

¹¹⁷ Закон Республики Башкортостан «О языках Республики Башкортостан», ст. 3.

¹¹⁸ Закон Республики Дагестан «Об образовании в Республике Дагестан», ст. 10.

¹¹⁹ Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)», ст. 4.

¹²⁰ См.: Закон Республики Дагестан «О правовых основах развития межнациональных отношений в Республике Дагестан», ст. 3; Закон Республики Тыва «О языках в Республике Тыва», ст. 2; Закон Республики «О языках народов РФ, проживающих на территории Республики Хакасия», ст. 3.

¹²¹ Закон Республики Дагестан «О правовых основах развития межнациональных отношений в Республике Дагестан», ст. 3; Закон Республики Удмуртия «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики», преамбула.

¹²² Закон Карачаево-Черкесской Республики «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики», ст. 2.

¹²³ См. законы республик: Алтай «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай», ст. 4; Бурятия «О языках народов Республики Бурятия», преамбула; Калмыкия «О государственных языках Республики Калмыкия и иных языках в Республике Калмыкия», преамбула; Коми «О государственных языках Республики Коми», преамбула; Марий Эл «О языках в Республике Марий Эл», преамбула; Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)», ст. 5.

В Якутии эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский, чукотский языки признаются *местными официальными языками* в местах компактного проживания этих народов и используются *наравне* с государственными языками республики (саха и русским)¹²⁴; в Республике Алтай казахский определен в качестве языка, который используется *в официальных сферах общения* в местах компактного проживания его носителей¹²⁵.

Карелия является единственной республикой, в которой установлен один государственный язык – русский, а языки коренного населения (карельский, вепский и финский) не имеют статуса государственных языков, но при этом признаются «национальным достоянием» республики и могут, наряду с государственным языком Российской Федерации, использоваться в некоторых сферах применения государственного языка, при опубликовании нормативных правовых актов, в том числе законов, республики¹²⁶.

Как отмечает А.Л. Кленов, косвенной причиной «неприсвоения» статуса государственного языка карельскому, вепскому и финскому является построение алфавитов данных языков на основе латиницы [Кленов, 2010, с. 59-60]. В соответствии с Законом Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации»¹²⁷ алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик «строятся на графической основе кириллицы», иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик «могут устанавливаться федеральными законами». (Однако до настоящего времени такие законы не приняты.)

Норма о графической основе алфавитов государственных языков введена Федеральным законом «О внесении дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» (2002 г.). Особый акцент на графической основе, по мнению Н.В. Ляшенко, был сделан после судебного рассмотрения законодательной инициативы Татарстана о восстановлении татарского алфавита на основе латиницы [Ляшенко, 2004, ст. 8]. Данная инициатива не была поддержана

¹²⁴ Закон Республики Саха (Якутии) «О языках в Республике Саха (Якутия)», ст. 6.

¹²⁵ Закон Республики Алтай «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай», ст. 4.

¹²⁶ Закон Республики Карелия «О государственной поддержке карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия», преамбула, ст. 6, 8, 11.

¹²⁷ Закон РФ «О языках народов РФ», ст. 3.

Конституционным Судом Российской Федерации, а введение для государственного языка республики иной (не кириллической) графической основы, как и временное действие двух алфавитов – на основе латиницы и кириллицы, – было отнесено к факторам, которые приводят к ослаблению федеративного устройства, ограничивают права и свободы граждан, проживающих в республике и за ее пределами¹²⁸.

В результате сложившегося подхода, с учетом многонационального состава республик, функционального статуса, который придается в законах тому или иному языку, а также моделируемого соотношения языков, в рамках российского внутригосударственного юридического дискурса под *государственным языком* может пониматься:

- русский язык как государственный язык Российской Федерации (общегосударственный);
- русский язык как один из государственных языков республики, входящей в состав Российской Федерации (республиканский, общереспубликанский);
- русский язык как государственный язык Российской Федерации (общегосударственный), один из государственных языков республики, входящей в состав Российской Федерации (республиканский), выступающий в роли языка (средства) межнационального общения и языка официального делопроизводства;
- язык титульной нации, который наряду с русским языком и наравне с ним является государственным языком республики, входящей в состав Российской Федерации;
- язык титульной нации, который наряду с русским языком и языком другой титульной нации и наравне с ними является государственным языком республики, входящей в состав Российской Федерации.

Возможные варианты толкования понятия *государственный язык*, применения его по отношению к русскому языку и иным языкам плодотворно исследуются в научных работах (Белов, Кропачев, 2016; Васильев, 2011; Вербицкая, 2015; Кушнерук, 2012; Ляшенко, 2004; Руднев, Садова 2017; Солодов 2004 и др.). В частности, С.П. Кушнерук полагает ошибочным называть языки субъектов федерации *государственными*, т.к. различные обстоятельства не позволяют разграничить понятия «государственный язык» и «государственный язык субъекта Российской Федерации», кроме того, к категории государственного языка

¹²⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2004 № 16-П.

республики относятся мультирегиональные языки, распространенные не в одной республике, а во всех регионах страны [Кушнерук, 2012, с. 113-114, 119].

Особое внимание обратим на моделируемые правила употребления языков при официальной публикации законов и иных правовых актов республик, входящих в состав Российской Федерации.

1-е: правило возможного дублирования. Положение о том, что нормативные правовые акты республики наряду с официальной публикацией на государственном языке Российской Федерации (русском) могут официально публиковаться на *втором* государственном языке/иных государственных языках республики, введено в законах Дагестана (на аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском, табасаранском, рутульском, агульском, цахурском), Кабардино-Балкарии (на кабардинском и балкарском), Коми (коми), Марий Эл (марийском (горном и луговом)), Удмуртии (удмуртском)¹²⁹.

2-е: правило дублирования. Правило дублирования официальной публикации на установленных государственных языках республики и равной юридической силе таких публикаций введено в законах Адыгеи (на русском и адыгейском), Алтай (алтайском и русском), Башкортостана (башкирском и русском), Бурятии (бурятском и русском), Калмыкии (калмыцком и русском), Саха (Якутии) (саха и русском), Карачаево-Черкесской Республики (абазинском, карачаевском, ногайском, русском, черкесском), Татарстана (татарском и русском), Тывы (тувинском и русском), Чувашии (чувашском и русском)¹³⁰.

¹²⁹ См.: закон Республики Дагестан «О нормативных правовых актах», ст. 87; закон Кабардино-Балкарской Республики «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики», ст. 10; закон Республики Коми «О государственных языках Республики Коми», ст. 7; закон Республики Марий Эл «О языках в Республике Марий Эл», ст. 17; закон Удмуртской Республики «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики», ст. 10.

¹³⁰ См.: закон Республики Адыгея «О нормативных и иных правовых актах», ст. 39; закон Республики Алтай «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай», ст. 10; закон Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан», ст. 11; закон Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия», ст. 7; закон Республики Калмыкия «О государственных языках Республики Калмыкия и иных языках в Республике Калмыкия», ст. 12; закон Республики Саха (Якутия) «О правовых актах органов государственной власти Республики Саха (Якутия)», ст. 23; закон Карачаево-Черкесской Республики «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики», ст. 11; закон Республики Татарстан «О государственных языках

В законе о государственных языках Ингушетии¹³¹ определено, что *проекты нормативных правовых актов* обсуждаются и принимаются на одном из государственных языков республики, *законы* представляются для подписания и обнародования на ингушском и русском языках.

3-е: правило сочетания альтернативы и дублирования. Официальное опубликование нормативных правовых актов Чеченской Республики предусмотрено на русском как государственном языке Российской Федерации или одновременно на государственных языках Чеченской Республики (чеченском и русском). Законы Чеченской Республики официально публикуются на русском языке, официальное опубликование на чеченском языке осуществляется, если такие законы приняты на чеченском языке или текст перевода закона на чеченский язык признан идентичным тексту закона, принятого на русском языке¹³².

В связи с моделируемыми способами представляет интерес практика официального опубликования региональных законов. На Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru) размещены двуязычные версии законов законодателями Татарстана (на русском и татарском языках). Только на русском языке публикуются законы Башкортостана, Дагестана, Ингушетии, Карелии, Крыма, Удмуртии, Чувашии, Карачаево-Черкесской и Чеченской республик. Другими республиками положение о дублировании на государственных языках применяется в отношении реквизитов. Например, в законах Кабардино-Балкарской Республики на кабардинском, балкарском и русском (государственных языках республики) последовательно указывается наименование вида правового акта: *Къэбэрдэй-Балкъэр Республикэм и Закон, Къабарты-Малкъар Республиканы Закону, Закон Кабардино-Балкарской Республики*.

В связи с законодательно установленной возможностью дублирования текста закона на двух и более языках возникают

Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», ст. 11; закон Республики Тыва «О нормативных правовых актах Республики Тыва», ст. 18; закон Чувашской Республики «О порядке опубликования и вступления в силу Конституции Чувашской Республики, законов Чувашской Республики и иных правовых актов Чувашской Республики», ст. 5.

¹³¹ Закон Республики Ингушетия «О государственных языках Республики Ингушетия», ст. 11, 12.

¹³² См. законы Чеченской Республики: «О порядке официального опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов Чеченской Республики», ст. 5; «О языках в Чеченской Республике», ст. 9.

вопросы об эквивалентной замене одного языка другим в правотворческом и правореализационном дискурсах; об аутентичности текстов, опубликованных на разных языках; официальном статусе «переводного» закона, вторичного по отношению к переведенному ([Корепанова, 2015; Руднев, Садова, 2017] и др.).

Несмотря на моделируемые возможности употребления разных языков в официальных сферах общения, постулируемую языковую паритетность, бóльшая функциональная востребованность русского языка на практике обусловлена совокупностью факторов: численностью носителей языка; степенью его территориальной (субъектовой) распространенности; широтой выполняемых задач; кодифицированностью и наличием понятийно-терминологической базы, необходимой и достаточной для трансляции юридических текстов и официального общения.

С социолингвистической точки зрения, такая ситуация является естественной для территорий с двуязычием (многоязычием). Как отмечают исследователи, любое двуязычие, а тем более многоязычие, предполагает разделение сфер использования языков и приводит к миноритаризации всех остальных языков, кроме языка, имеющего максимальный объем общественных функций и являющегося приоритетным, более выгодным в различных сферах деятельности, особенно если двуязычность наблюдается у большинства носителей языка, имеющего меньший объем общественных функций [Бурлак, Старостин, 2001, с. 66-70; Буралова, Халидов, 2016, с. 4].

Приоритет того или иного языка в российском юридическом дискурсе проверяется объемом употребления данного языка, как законодательно моделируемым (*язык народа (одной из народностей) – язык межнационального общения – официальный язык – государственный язык – язык межгосударственного общения*), так и фактически сложившимся на практике, а востребованность языка в правотворческом дискурсе обуславливает востребованность этого языка в правореализационном дискурсе. Созданная и непрерывно развиваемая иерархическая законодательная система, в составе которой и федеральные, и региональные законы, несмотря на установленную возможность двуязычия (многоязычия), формируется главным образом на русском языке. В связи с этим и полноценное функционирование в российском внутригосударственном юридическом дискурсе законодательных текстов, а также подзаконных текстов, являющихся составной частью правовой системы, возможно, прежде всего, на русском языке.

По мнению М.А. Ревазова, законодательный акт должен быть обязательно опубликован на государственном языке Российской Федерации, поскольку с этим связаны юридические последствия [Ревазов, 2020, с. 60]. Если акт первоначально опубликован на ином языке, в том числе государственном языке республики, то до опубликования на русском языке такой акт не считается официально опубликованным и носит информационный характер (Там же).

Косвенным образом это подтверждает и уровень законодательной и подзаконной регламентации вопроса о применении норм современных национальных литературных языков при их использовании в качестве государственных. Такие нормы, а также списки словарей и справочников, в которых они отражены, утверждаются региональными министерствами образования и науки с учетом рекомендаций экспертов; порядок утверждения определяется правительством республик (Алтай, Бурятия, Калмыкия, Мордовия, Саха (Якутия), Татарстан, Удмуртия, Чувашия¹³³). Отдельными постановлениями утверждены: нормы, правила, словари и грамматики (правила орфографии и пунктуации марийского (лугового) языка; орфографические нормы

¹³³ См. подробнее:

Закон Республики Алтай «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай», ст. 5; постановление Правительства Республики Алтай «О Порядке утверждения норм современного алтайского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка, правил алтайской орфографии и пунктуации»;

Закон Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия», ст. 1; постановление Правительства Республики Бурятия «О Порядке утверждения норм современного бурятского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Республики Бурятия»;

Закон Республики Мордовия «О государственных языках Республики Мордовия», ст. 5; постановление Правительства Республики Мордовия «О порядке утверждения норм современного мордовского (мокшанского и эрзянского) литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Республики Мордовия, правил орфографии и пунктуации»;

Закон Чувашской Республики «О языках Чувашской Республики», ст. 2; постановление Правительства Чувашской Республики «О Порядке утверждения норм современного чувашского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Чувашской Республики, правил чувашской орфографии и пунктуации»;

законы республик: Калмыкия «О государственных языках Республики Калмыкия и иных языках в Республике Калмыкия», ст. 11; Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)», ст. 4; Татарстан «Об использовании татарского языка как государственного языка Республики Татарстан», ст. 4; Удмуртия «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики», ст. 3.1.

современного мордовского литературного языка (орфографические нормы мокшанского языка и орфографические нормы эрзянского языка); перечень словарей и грамматик, содержащих нормы современного татарского литературного языка¹³⁴).

В связи с установленными статусами, сферами и объемом использования можно выделить функции, которые де-юре выполняют разные языки в юридическом дискурсе: интегративную, межнационально-коммуникативную, этноидентифицирующую, правотворческую, правореализационную и т.д. В пределах внутривосударственного русскоязычного юридического дискурса данные функции могут быть рассмотрены в качестве видовых по отношению к **функции государствообразования**.

Для иных языков республик, определяемых в качестве государственных наряду с русским языком, в большей степени (на общегосударственном уровне) характерно выполнение **этноидентифицирующей функции**, отражающей процессы самоопределения того или иного народа, этноним которого присутствует в названии республики. В совокупности с иными уникальными идентифицирующими признаками и символами республики (официальное наименование, герб, флаг, гимн, система юридических текстов, территория, этноязыковой состав и др.) национальный язык выступает средством для формирования представления о республике как внутривосударственном, но автономном образовании.

Ключевыми аспектами законодательно регламентируемой языковой политики являются: управление развитием языка и нации в определенных границах, вербальным поведением людей; формирование социолингвистических характеристик общества; сознательная регуляция функциональной стороны языка (расширение или сужение функций языка, формирование и изменение статуса языка); нормирование и кодификация (совершенствование правил правописания, терминологии, стандартов подготовки официальных текстов), формирование подсистем языка (функционально-коммуникативных стилей, профессиональных диалектов).

¹³⁴ См., постановления: Правительства Республики Марий Эл «О Правилах орфографии и пунктуации марийского (лугового) языка»; Правительства Республики Мордовия «Об утверждении норм современного мордовского (мокшанского и эрзянского) литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Республики Мордовия, правил орфографии и пунктуации»; Кабинета Министров Республики Татарстан «О порядке утверждения норм современного татарского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка».

Профессиональная квалификация и компетенции эксперта-лингвиста в законотворческом дискурсе

В процессе становления и развития системы законодательства появление экспертного этапа правотворчества было обусловлено необходимостью оценки качества подготовленного законопроекта не только юристами, но и специалистами в иных областях знания, прежде всего, лингвистами. Лингвистическая экспертиза законопроектов стала частью профессиональной деятельности государственных служащих, имеющих подготовку по лингвистическому направлению и обладающих опытом лингвистического анализа (корректур, редактуры) законодательных и иных правовых текстов.

Выбор критериев экспертной оценки законодательного текста, обоснованность выводов и экспертных рекомендаций и, в конечном счете, качество закона зависят от профессиональной квалификации и компетенций эксперта-лингвиста. Под *профессиональной квалификацией* понимается профессиональное образование, которое получил эксперт, и, соответственно, специальные знания и умения, которыми он обладает и которые важны для успешной профессиональной деятельности. Структура *компетенций* эксперта-лингвиста определяется не только профессиональной квалификацией, но и теми дискурсивно обусловленными экспертными задачами, которые может (то есть компетентен) решать лингвист как субъект законотворческого дискурса.

Обратим внимание на то, что из универсальных и общепрофессиональных компетенций, указанных в ФГОС высшего образования по направлению «Филология»¹³⁵, при проведении лингвистической экспертизы законопроекта важны следующие компетенции, характеризующие знания и умения лингвиста:

– *универсальные компетенции*: системное и критическое мышление (критический анализ и синтез информации, применение системного подхода для решения поставленных задач, критический анализ проблемных ситуаций); коммуникация

¹³⁵ См. приказы Минобрнауки: «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 45.03.01 Филология», 12.08.2020, № 986; «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 45.04.01 Филология», 12.08.2020, № 980.

(способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке, способность применять современные коммуникативные технологии); межкультурное взаимодействие (способность воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах, способность анализировать и учитывать разнообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия);

– *общепрофессиональные компетенции*: знание основных положений и концепций в области общего языкознания, теории и истории языка, теории коммуникации, современной научной парадигмы в области филологии; анализ языковых фактов, филологический анализ и интерпретация текста; владение базовыми методами и приемами различных типов устной и письменной коммуникации; организационно-документационное обеспечение профессиональной деятельности; способность применять в профессиональной деятельности коммуникативные стратегии и тактики, риторические и стилистические приемы.

Предметная сторона лингвистической экспертизы закона связана с парадигмой лингвистики как вида научного знания, а объект, цель и задачи экспертизы обусловлены экспертной практикой, спецификой законотворческого (юридического) дискурса. В связи с направлением профессиональной подготовки и спецификой экспертной деятельности к специальным компетенциям эксперта, осуществляющего лингвистическую экспертизу законодательного текста, можно отнести предметную и экспертную компетенции.

С учетом научного подхода к языковому и речевому аспектам языковой коммуникации (дихотомия «язык – речь» Ф. де Соссюра [1999]), концепции лингвистических компетенций, предложенной В.М. Бельдяном [2016, с. 16-18], *предметная лингвистическая компетенция* может быть подразделена на языковую и речевую в их теоретическом и практическом аспектах.

Языковая теоретическая компетенция формируется при изучении и изложении лингвистической теории, освоении орфоэпических, орфографических, пунктуационных, лексических, грамматических норм и вариантов, при обобщении, сопоставлении и классифицировании изученных явлений; языковая практическая компетенция – прежде всего, при выполнении заданий, предусматривающих анализ языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений), диагностирующих опознавательные

и классификационные умения; аналитико-синтетических заданий, в том числе связанных с подбором и анализом примеров.

Речевая теоретическая компетенция формируется в результате ознакомления с особенностями текста как речевого (речемыслительного) знака, способами построения текста, с освоением таких понятий, как типы текстов, стили речи, последовательность построения текста, изложение, монолог, диалог, полилог и др. Речевая практическая компетенция формируется в процессе слушания и чтения текста, произвольного или заданного построения текста, пересказа, преобразования текста, анализа содержания текстов различных стилей и жанров, освоения дополнительного материала к тексту и др. Формирование речевой компетенции направлено на развитие речи.

Предметная лингвистическая компетенция позволяет лингвисту-эксперту анализировать и оценивать языковые и речевые параметры текста законопроекта, выявлять нарушения данных параметров, варианты языковых норм, предлагать рекомендации для того, чтобы исправить и уточнить текст. На практике сформированная предметная лингвистическая компетенция реализуется в способности эксперта обосновывать замечания и предложения к законопроекту лингвистической теорией.

При этом эксперт должен учитывать, что в словарях, грамматиках и справочниках отражаются общие нормы и практически не отражена специфика текстов современных законов, законодательного стиля, а некоторые правила русского правописания предоставляют возможность выбора написания и способа оформления из имеющихся вариантов. В отдельных случаях вариативность отражена в законах и обусловлена: сменной орфографических рекомендаций (*естественно-научный / естественнонаучный, вторая мировая война / Вторая мировая война*); начальным этапом заимствования слова (*оффишорный – офшорный*); вариантами написания составных понятий, закрепленными в одном законе или разных (*профсоюз – профессиональный союз, телевизионное вещание – телевещание, сеть Интернет – сеть «Интернет» – информационно-телекоммуникационная сеть Интернет – информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет»*). Поскольку Правила русской орфографии и пунктуации, рекомендованные при использовании русского языка как государственного языка РФ, были приняты в середине прошлого века (в 1956 году), некоторые из правил орфографии могут применяться при

подготовке и анализе законодательных текстов по аналогии (например, правила о написании прописных и строчных букв в официальных названиях органов власти и должностей: *Администрация – администрация, Губернатор – губернатор*). См. подробнее: [Батюшкина, 2015, 2020(г)].

В законодательных текстах отражены не только кодифицированные нормы, но также сложившиеся по традиции правила, которые в лингвистике рассматриваются в качестве стилистических (жанровых) особенностей законодательных текстов, а в праве – в качестве обязательных юридико-технических стандартов создания и оформления текстов законов разных функциональных типов.

Данные стандарты конкретизируются с помощью установления в официальных текстах дополнительных правил-требований или правил-запретов, свидетельствующих об общих вопросах и проблемах, которые возникают при создании нового закона или уточнении положений действующего закона.

В качестве примера приведем правила о:

- необходимости соблюдения норм официально-делового стиля, краткого (лаконичного), точного и ясного изложения, исключая неоднозначность понимания слов и выражений;
- обязательности единообразия употребления понятий и терминов (одно понятие = один термин), использования общепринятых или ранее определенных в законах понятий и терминов;
- обязательности наименования, дающего общее представление о содержании нормативного правового акта и точно отражающего предмет его регулирования;
- важности соблюдения содержательной согласованности (взаимосвязи норм) и логической последовательности (перехода от общего к частному при изложении нормативных предписаний: сфера действия (предмет регулирования) → общие и конкретные положения → правовые последствия (ответственность) → заключительные и переходные положения), правил оформления структурных частей законодательного акта (преамбул, частей, разделов, глав, статей, пунктов, подпунктов, абзацев);
- возможности определения терминов и понятий (если такое определение отсутствует в законодательстве, а без определения будет затруднительно применять норму на практике);
- допустимости использования адаптированных иностранных терминов и выражений, если отсутствуют имеющие тот же смысл термины и выражения на русском языке или термины

и выражения иностранного происхождения, ставшие в русском языке общеупотребительными;

– недопустимости употребления устаревших, сленговых слов и выражений, нецензурной лексики, образных выражений (эпитетов, метафор, аллегорий и проч.), категорий оценочного характера, деклараций, повторов, дублирования (за исключением случаев, когда такое дублирование обусловлено необходимостью дословного воспроизведения в одном тексте норм другого текста).

В процессе приобретения профессионального опыта, формирования экспертных умений лингвист самостоятельно выстраивает методику проведения лингвистической экспертизы текста закона, ставит и решает конкретные задачи анализа текста, готовит заключение по результатам экспертизы с учетом формально-стилистических (жанровых) особенностей законов разных функциональных типов (базовых, нормоизменяющих, ратифицирующих и др.).

В некоторых случаях «не рекомендуемый» (с лингвистических позиций) вариант является не только допустимым, но и предпочтительным, поскольку уже закреплён в законе. Эта ситуация обуславливает определенные трудности, с которыми неизбежно сталкивается эксперт-лингвист: с одной стороны, он должен ориентироваться на кодифицированные нормы и правила, с другой стороны, учитывать узуальные варианты, получившие закрепление в законодательных текстах и имеющие юридико-техническое обоснование. Данные варианты отражают не только функциональную роль, которую выполняет язык в юридическом дискурсе, но и исторические аспекты формирования стиля законодательных актов.

По-разному можно оценить вариативность, частотную в законодательных текстах, и ее причины. Так, в текстах федеральных законов употребляются пять вариантов наименования столицы России, имеющие семантические различия:

– без родового слова: Москва, Кремль – используется в реквизите места подписания федерального закона;

– с одним из вариантов указания родового слова «город» для выделения Москвы из совокупности других российских городов: полным – в названиях и текстах большинства федеральных законов (*столицей Российской Федерации является город Москва*¹³⁶); сокращенным – в законах бюджетной сферы при указании

¹³⁶ Конституция РФ, ч. 2; Закон РФ «О статусе столицы РФ», ст. 1.

города, в котором находится та или иная организация (субсидии/предоставляются/акционерному обществу «Росгеология», г. Москва, на финансовое обеспечение¹³⁷);

– с сочетаниями: «город федерального значения – субъект Российской Федерации» либо «город федерального значения» – когда в названии или тексте закона подчеркивается юридический статус Москвы как субъекта, автономного элемента федерации: «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»¹³⁸; «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве»¹³⁹; в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве устанавливаются особенности включения в плату за содержание жилого помещения расходов на оплату коммунальных ресурсов¹⁴⁰.

Различные типы ошибок (орфографические, пунктуационные, грамматические, речевые, логические, фактические) допускаются при: (1) недостаточном развитии языковой и речевой компетенций, как теоретической, так и практической; (2) незнании переходных языковых явлений; (3) непонимании семантической доминанты текста; (4) возможности двоякого толкования и написания; (5) небрежности и невнимательности.

Единые критерии: «соблюдение норм правописания и грамматики», «соответствие жанру/стилю», «логичность изложения», «достоверность передачи фактического материала» – в совокупности наиболее полно отражают нормативный и интерпретационный аспекты предмета лингвистической экспертизы законопроекта, основанной на особых приемах исследования единиц языка и речи, которые свойственны прикладной лингвистике, изучающей специфику речевой деятельности в правотворчестве.

¹³⁷ ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов», приложение 13.

¹³⁸ Название ФЗ от 24.04.2020 № 123-ФЗ.

¹³⁹ Название ФЗ от 23.05.2020 № 152-ФЗ.

¹⁴⁰ ЖК РФ, ст. 154.

Собственно экспертная компетенция формируется в процессе экспертной практики. Частные умения, которые развиваются в данном процессе, переструктурируют систему представлений об объекте, предмете, методах и задачах лингвистической экспертизы законодательных текстов и ориентируют эксперта-лингвиста на обобщение, сопоставление и классифицирование экспертных данных. От эксперта-лингвиста как исследователя законодательного текста требуется владение междисциплинарным подходом, при котором учитываются различные точки зрения на природу законодательного текста, рассматриваемые в лингвистике и правоведении. В случае, если эксперты имеют два образования: лингвистическое и юридическое – можно говорить о корреляции лингвистического и юридического видов знаний, формировании межпредметной лингво-юридической компетенции.

Структура экспертной компетенции отражает представление об объекте, предмете, целях, методах конкретного экспертного исследования и совокупности экспертных исследований. В связи с этим экспертная компетенция подразделяется на теоретическую (совокупность знаний о лингвистической экспертизе: объекте, предмете, задачах и аспектах экспертного лингвистического исследования законодательных текстов; ее процедурных особенностях, обусловленных законотворческим дискурсом и отраженных в нормативных правовых актах; знание правовой базы о языковой политике, о статусах языков, о юридико-технических требованиях к текстам законов) и практическую – совокупность умений, приобретенных на основе опыта экспертной деятельности в определенной сфере: правотворческой (законотворческой), правоприменительной или судебной.

Об уровне экспертной компетенции свидетельствует сформированность умений:

- применять установленные критерии оценки законодательного текста на практике (оценивать целесообразность использования языковых и речевых средств, их семантической точности, жанрово-стилистической уместности, научной проработанности и логической выверенности текста);
- анализировать текст закона с учетом суппозиционной (выраженной)/пресуппозиционной (скрытой, но подразумеваемой) информации;
- определять законотворческую интенцию текста закона, идею (главную мысль) текста, соотносить выбранные средства с законотворческими стратегиями;

– при экспертизе проекта трансформирующего закона анализировать смысловую организацию текста в связи со структурой и содержанием текста базового (трансформируемого) закона;

– обобщать результаты экспертного исследования в виде экспертного заключения, содержащего замечания и обоснованные рекомендации по исправлению допущенных ошибок (орфографических, пунктуационных, грамматических, речевых, логических, фактических);

– аргументировать результаты экспертного исследования авторам-разработчикам законодательного текста при обсуждении результатов экспертного анализа.

Общий алгоритм проведения лингвистической экспертизы законопроекта включает такие этапы, как:

– определение типовой функции закона, выраженной в цели и основном предмете закона, специфике его формы и содержания;

– анализ формальной экспликации текста: исследование реквизитов, их полноты, единообразия оформления; признаков «выделимости» однородных и разнородных компонентов текста: структурных единиц (статей, глав, параграфов, частей) и элементов статей (частей, пунктов, подпунктов, абзацев);

– анализ эксплицитного (явно выраженного) предметно-тематического содержания; используемых средств изложения правовой информации (с точки зрения их соответствия языковым нормам и правилам);

– интертекстуальный анализ, в результате которого можно обнаружить системно-логические ошибки изложения правовой информации;

– анализ эксплицитных (явно выраженных) средств с точки зрения их соответствия имплицитному (подразумеваемому) содержанию;

– сопоставление функциональной, формально-содержательной сторон текста и выявление их соотношения/несоотношения, согласованности/несогласованности;

– подготовка письменных рекомендаций с замечаниями и предложениями.

Содержание

Введение	3
Глава I. Текст закона в аспекте концепции юридического дискурса	7
§ 1. Общие подходы к изучению институционального дискурса	7
§ 2. Научные подходы к исследованию юридического (правового) дискурса	15
§ 3. Концепция русскоязычного юридического дискурса и его разновидностей	26
3.1. Определение понятия «русскоязычный юридический дискурс»	26
3.2. Разновидности русскоязычного юридического дискурса	29
3.3. Роль текста закона в русскоязычном юридическом дискурсе и во взаимосвязи его разновидностей	33
3.4. Адресанты и адресаты текста закона	37
Выводы по главе I	41
Глава II. Текст закона в аспекте параметризации законотворческого дискурса	43
§ 1. Субъектно-процессуальный параметр законотворческого дискурса	43
1.1. Институционально-процессуальные факторы создания закона	43
1.2. Субъекты текстотворчества	48
1.3. Субъекты текстосимволизации	57
§ 2. Объектно-текстовый параметр законотворческого дискурса	63
2.1. Системное пространство корпуса законодательных текстов	63
2.2. Функционально-видовая иерархия законов	66
2.3. Общие жанрообразующие признаки законов	74

§ 3. Объектно-предметный параметр законотворческого дискурса	89
3.1. Модели ситуаций и действий	90
3.2. Субъекты-персонажи	94
3.3. Неопределенность и вариативность законодательной терминологии	102
Выводы по главе II	112
Заключение	114
Библиография	115
<i>Приложение</i>	
Регламентация использования языков народов России (на материале текстов законов)	136
Профессиональная квалификация и компетенции эксперта-лингвиста в законотворческом дискурсе	149

**Гильдия лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам
(ГЛЭДИС)**

**Российская негосударственная некоммерческая организация,
имеющая официальную регистрацию Министерства юстиции РФ
(свидетельство № 14127 от 15.02.2001 г.)
ИНН: 7717118908; ОГРН: 1037739287189**

Гильдия оказывает помощь в проведении лингвистической и автороведческой экспертизы по широкому спектру русскоязычных спорных текстов печатных и сетевых СМИ, документов, теле- и радиопрограмм, товарных знаков (словесных обозначений), имён собственных, а также в научно-методическом рецензировании спорных экспертных заключений. Исследования осуществляются экспертами ГЛЭДИС на основе официальных запросов и договоров.

Члены и консультанты Гильдии работают в 30 субъектах Российской Федерации и в 5 зарубежных странах.

***Русский язык — основной инструмент осуществления
гражданами РФ и их объединениями права свободно
выражать мнения и идеи, производить
и распространять информацию.***

**Сайт ГЛЭДИС: www.rusexpert.ru
Телефоны: +7 (925) 002 00 22; +7 (903) 769 71 79
Электронная почта: e-expert@yandex.ru
Почта России: 129164, Москва, а/я 110, ГЛЭДИС**

Научное издание

М.В. Батюшкина

Дискурсивные доминанты законотворчества

Монография

Ответственный редактор: проф. М.В. Горбаневский

Редакционный совет Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам:
А.С. Щербак (председатель), И.В. Астапов (секретарь),
С.В. Вахитов, В.А. Ефремов, Е.С. Кара-Мурза, Л.Е. Кириллова,
Е.А. Колтунова, В.М. Пахомов, Т.В. Чернышова, В.М. Шаклеин

Макет и компьютерная вёрстка – И.В. Астапов
Корректор – Е.Г. Казаринова

Подписано в печать 24.08.2022. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Century Schoolbook».
Усл. печ.л. 10,0. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ИПЦ «Маска»
г. Москва, ул. Малая Юшуньская, д. 1, к. 1.
+7 (495) 510-32-98, info@maska.su